Читайте на стр. 53

ЮНОСТЬ · 2016 ОКТЯБРЬ

ЮНОСТЬ

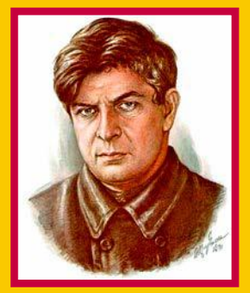
Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с июня 1955 г.

12+

№ 10 (729) 2016

Наше всё

Эдуард БАГРИЦКИЙ



Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.

Так начинается стихотворение Багрицкого «Арбуз». Как расходится кругами от точки отправления от буквы А русский алфавит, так и биография еврейского отпрыска из Одессы начинается от альманаха «Аккорды».

Багрицкий варился в питательном компоте одесской литературы, из которой выпорхнет почти вся советская классика: Катаевы, Инбер, Юрий Олеша, Паустовский, Илья Ильф, Семен Кирсанов и многие другие.

Потом Катаев в книге «Алмазный мой венец» напишет о молодом, брызжущем молодостью и задором Багрицком, который пока что подражает Гумилеву:

«Его руки с напряженными бицепсами были полусогнуты, как у борца, косой пробор растрепался, и волосы упали на низкий лоб, бодлеровские глаза мрачно смотрели из-под бровей, зловеще перекошенный рот при слове "смеясь" обнаруживал отсутствие переднего зуба. Он выглядел силачом, атлетом. Даже небольшой шрам на его мускулисто напряженной щеке — след детского пореза осколком оконного стекла — воспринимался как зарубцевавшаяся рана от удара пиратской шпаги. Впоследствии я узнал, что с детства он страдает бронхиальной астмой и вся его как бы гладиаторская внешность — не что иное, как не без труда давшаяся поза».

Ну а какой поэт без позы? Без позы нет поэзии:
Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

Жизненных коллизий Багрицкого хватило бы на несколько биографий. Он словно спешил жить, понимая, что заглянул в этот скученный людьми и событиями уголок ненадолго:

Мне хочется шагнуть через порог знакомый
В звероподобные кусты,
Где ветер осени, шурша снопом соломы,
Взрывает ржавые листы,
Где дождь пронзительный (как леденеют щеки!),
Где гнойники на сваленных стволах,
И ронжи скрежет и отзыв далекий
Гусиных стойбищ на лугах...

В 1934 году его не стало. Еврейский отпрыск Годеля Мошковича и Иты Абрамовны шагнул через порог сразу в вечность, оставив после себя расширяющийся от А до Я поэтический мир, загадочные и поныне вызывающие яростные споры стихи и поэму «Февраль», где юноша во время военной, кровавой сутолоки становится мужчиной:

Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!

Я беру тебя, как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!

Багрицкого стыдно не знать. Или писать так, как будто его не было. Багрицкий — это разреженная от кислорода атмосфера русской поэзии. Ее неописуемый триумф и гибельный экстаз.

Багрицкий — багровый закат Серебряного века!

Или кровавый восход новой эры! О чем свидетельствует публикация наследия поэта в нашем журнале в ноябре 1963 года. Стихи Эдуарда Георгиевича из одесских газет 1918—1925 годов нашла и принесла в редакцию литературовед Клара Михайловна Бугаева. А первый главный редактор «Юности» Валентин Петрович Катаев не отказал себе в удовольствии обнародовать редкое фото, подпись под ним гласит: Э. Багрицкий и В. Катаев в 1925 году. Что же касается стихов из той давней подборки... Были там, к примеру, и такие:

Нас не пугает сумрак ночи
И злых врагов подпольный яд,
Теперь газетчик и рабочий
Всю злую сволочь победят!

1924 г.

Но, как оказалось, «злая сволочь» выжила и в 1991 году поставила газетчиков себе на службу, а рабочие как-то сами испарились куда-то. Но поэзия Эдуарда Багрицкого живет — живет и, словно бесхозный, облезлый пес под дубовым забором, взывает к сердцам ожиревших врагов о пощаде.

- Марина САВВИНЫХ: «Я сама себе нынче и ДАНТ, и ВЕРГИЛИЙ ...»
- ЕВТУШЕНКО трогать не будем: он хлеба не сеет
- АРБЕНИН в ярости кромсает кусок льда
- Славянск, Донецк, Луганск — как это было. Тяжелая проза Юрия ЮРЧЕНКО
- В этом году Эрнсту Теодору Амадею ГОФМАНУ исполнилось бы 240 лет... И ГОФМАНА спасла Россия
- Александра ГЕРАСИМОВА: «и на краю моего глагола...»
- Проза Степана МЯННИКА: молодо, свежо, загадочно!
- Отогретые ЕСЕНИНЫМ...
- Открывает ли глаза ЗУЛЕЙХА?
- Борис РЯБУХИН: «Поэт в России — бомж...»
- Спокойная проза Сергея ДМИТРЕНКО
- Уникальные воспоминания о военном детстве Аллы МАРЧЕНКО
- Стернер Сент-Пол МИК (1894—1972) — американский полковник и писатель
- В детективе зрячая ФЕМИДА
- В зеленом портфеле страшная быль об американской мечте
- Галка ГАЛКИНА: «Плаванье, блокада, КИПЛИНГ, СЕНТ-ЭКС, НЬЮТОН, загадочный ТУПОЛЬ и т. д. — далеко не полный перечень тем литератора-универсала...»
- Проказник ГЕО: «Начните, к примеру, с появления героини в голом виде перед соседом по даче...»

9 770132 203600

Марина Саввиных

Читайте на стр. 4

Александра Герасимова

Читайте на стр. 34

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал **№ 10 (729) 2016**
Выходит с июня 1955 г.

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: **unost-contact@mail.ru**
Наш сайт: **http://unost.org**
Страница на «Фейсбуке»:
https://www.facebook.com/unost

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Анна ГЕДЫМИН
Борис ЕВСЕЕВ
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Михаил ЗАДОРНОВ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом образования и молодежной политики
Славяна БАКУНИНА

главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ

заведующая отделом критики
Елена МАКСИМОВА

заведующая отделом культуры
Татьяна МАХОВА

заместитель главного редактора, заведующий отделами прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ

заведующий отделом зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН

консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ

заместитель главного редактора, ответственный секретарь
Светлана ШИПИЦИНА

В номере:

Поэзия

Марина САВВИНЫХ 4

Александра ГЕРАСИМОВА 34

Борис РЯБУХИН 59

Проза

Юрий ЮРЧЕНКО

СВИДЕТЕЛЬ Киносценарий 12

Степан МЯННИК

ДРЕЙФ АЙСБЕРГА Повесть. Продолжение 38

Сергей ДМИТРЕНКО

ТУДА-СЮДА Рассказ 66

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

«СТРАНА, СТОЯЩАЯ НА ИДЕЕ» Продолжение 10

А ВЗЛЕТЕТЬ? Продолжение 10

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

«НИНА! ВАШ БРАСЛЕТ!..» 11

100 книг, которые потрясли мир

Елена САЗАНОВИЧ

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН. «ЗОЛОТОЙ ГОРШОК: СКАЗКА ИЗ НОВЫХ ВРЕМЕН» 31

Разнообразие слога

КЛАССИКИ

Марианна ДУДАРЕВА

НЕ МЕРЗНУТЬ! ОТОГРЕТЫЕ ЕСЕНИНЫМ... 53

СОВРЕМЕННИКИ

Татьяна ШИШКИНА

ОТКРЫВАЕТ ЛИ ГЛАЗА ЗУЛЕЙХА?
О роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» 55

Былое и думы

Алла МАРЧЕНКО

ИЗ КНИГИ «ТАКОЕ ДЛИННОЕ ДЕТСТВО, ИЛИ ПРОДЕЛКИ КЛИО» 77

Помощник главного редактора
Анастасия ПОПОВА

Заведующий редакцией
Игорь РУТКОВСКИЙ

Отдел юмора
Генрих ПАЛОЯН

Представитель в Санкт-Петербурге
Максим КОРШУНОВ

Редактор-корректор
Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление
Наталья ГОРЯЧЕНКОВА
Мария ПЯТЫХ

Фотокорреспондент
Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер
Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа
Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей
Ирина УШАКОВА

Интернет-версия
Максим ПОПОВ

Дежурные по редакции
Людмила ЛОГАЧЕВА
Татьяна СЕМЕНОВА
Татьяна ЧЕРЫГОВА

Администратор
Зинаида ПОТАПОВА

Иноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

Стернер Сент-Пол МИК
В КОСМОС **88**

Творческий конкурс

Дарья БУРДИНА г. Москва **91**
Ратмир ЛУТФУЛЛИН г. Санкт-Петербург **93**
Сергей ШУВАЛОВ г. Москва **97**
Инна АЛЕКСАНДРОВА г. Москва **100**
Софья АГАЧЕР США **108**
Всеволод КОЛЬСКИЙ Мурманск – Москва **114**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ
ШАНС Повесть. Продолжение **129**

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ
В ПОГОНЕ ЗА «АМЕРИКАНСКОЙ» МЕЧТОЙ Быль **135**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА
СЛОНИКА ЖАЛКО **142**

ОКОЛОЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Проказник ГЕО
РЕЦЕПТ СНОГСШИБАТЕЛЬНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА **143**

Лиц. Минпечати № 112.
Адрес редакции:
Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.
Для почтовых отправлений:
125047, Москва, а/я 182, «Юность».
Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**
+7 (499) 250-83-98,
+7 (499) 250-40-72,
тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов. Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ООО «Типография «Миттель пресс»
Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.
Тел./факс: +7(495) 619-08-30,
+7(495) 647-01-89
E-mail: mittelpress@mail.ru
Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8
Заказ №

Марина САВВИНЫХ

Марина Саввиных родилась в Красноярске в 1956 году. Окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института (ныне — университета имени В. П. Астафьева). Первая публикация — в сентябре 1973 года (молодежка «Красноярский комсомолец»). В 1980 году — публикация в «Юности» (статья о поэзии Юнны Мориц). Затем — многочисленные коллективные сборники, журналы — толстые и тонкие, и в 1995 году, после присуждения премии Фонда Астафьева, — первый собственный сборник «Фамильное серебро». Издано девять книг стихов, прозы, публицистики. Множество статей о творчестве современных русских писателей, предисловия и послесловия к всевозможным сборникам. Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея (1998—2011). С 2002 по 2005 год — председатель правления КРОО «Писатели Сибири». С 2007 года — главный редактор журнала «День и Ночь». С 2011 года — член президиума Международного союза писателей XXI века. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Кавалер ордена Достоевского I степени.

Поэзия — работа

Поэзия возникает из необходимости сказать несказуемое, выразить невыразимое...

Интуиция, инсайт, материализованные в единственно возможной словесной форме.

Категорически не согласна с довольно-таки расхожим мнением, что «поэта рвет стихами». Поэзия — работа. Труд. Дело мастера. Архитектора, композитора, живописца. Только материал и инструмент у поэта — слово.

Марина Саввиных

* * *

Логос — лотос... лагуна — берлога...
Пепел — водоросль... Плачу? Жива?
Надо мной никого, кроме Бога.
Подо мною — вода и трава.

Что вы стелетесь, умные змеи?
Кто тянулся — давно перерос.
Боже мой, я ответить не смею
На еще не возникший вопрос!..

Ты — спроси меня... или на это
Недостаточно родственных прав?
Или Богу довольно ответа
Предлежащих потоков и трав?

Диалектика

Когда из двух камней, холодных и тяжелых,
Рождается огонь, так легок и горяч,
То он, расшевелив тепло в древесных смолах,
Взлетает в вышину на крыльях искр веселых,
И зыблются во мгле индиго и кумач...

А время погодя — я стану печь картошку,
И будет ужин мой величественно прост...
Лес тени соберет в шуршащую гармошку,
И я в луче луны мерцающую мошку
Бессмертною звездой увижу среди звезд...

* * *

К дорогим мертвецам под картонные своды...
До сих пор я не знаю просторней свободы,
И летит моя мысль, как живая ладья,
Над пучиной придуманного бытия.

Поднимайте меня, достославные крылья,
Из чумных катакомб, из беды и бессилья,
Из-под пыток кромешных, с подвального дна,
Где не видимы лица и речь не слышна...

Пусть откроет мне правду светлейшая вьюга
О геройстве врага и предательстве друга,
О бессмертной мечте, о великой тоске,
О кровавых осколках на черном песке.

Что мне ржавые оклики поздних вигилий?
Я сама себе нынче и Дант, и Вергилий,
И в Летейское марево брошенный лот,
И сигнальное эхо Лернейских болот...

* * *

Назло распространившимся заразам,
Грозящим человечеству чумой,
Меня не отпускает Высший Разум, —
Сурово ум воспитывая мой.

Он вечно бдит. В любое время суток.
Сон будоража. В грезах мельтеша.
То как неугомонный мой рассудок.
То как моя бессмертная душа,

Которая, поддавшись перегреву,
Нет-нет да зверем скинется во мгле:
Поскачет красной белкою по древу,
Помчится серым волком по земле,

Или орлом — по выспреннему полю,
Чтобы, познав свободы сладкий бред,
Вернуть себе желанную неволю,
Как выстраданный суверенитет.

* * *

Знают только дети декабря,
Кто рифмует розы и морозы,
Потому что вместо словаря
Что-то вроде гоголевской прозы
Нашу обеспечивает речь...
Вот и видно, как ей скучно течь
Посреди асфальта и бетона,
Вот и слышно что-то вроде стона
Или приглушенного смешка,
Словно кто-то смотрит с чердака
Сквозь стекла щербатую зеницу
На любую душу, как на птицу,
Брошенную в город, как в мазут:
То-то тени черные ползут...

Из записной книжки Свидригайлова

Вот небеса, которых не видать
Ни ангелам из похоронной жести,
Ни птицам, разучившимся летать,
А мы с тобою в них летали вместе.
Кому теперь все слезы отольются,
Раз грозным судиею ты стоишь?
Так смотрит перевернутое блюдце.

Так по спине в постель стекает мышь.
Так в сердце пробирается паук,
Овладевая бесполезным телом...
Так слышатся шаги... чугунный стук...
Так кто-то по брусчатке чертит мелом...
Легко — претерпевать и отвергать,
Но истину принять — невыносимо,
А значит, могут только обжигать
Живую кожу ласки серафима...
И в ком тогда все слезы отзовутся,
Когда и кровь — не кровь... и хлеб — не хлеб...
Ты слышишь?
Небеса хрустят и рвутся.
Как черный креп.

Валькирия

...скальпель ледяной...
Ирлан Хугаев

Разве я тебе доктор, угрюмый туман октября?
И тебе — половинка луны на расплавленной крыше?
И тебе — полоумное небо? Ты кажешься выше,
Чем вчера, чем обычно, но это, наверное, зря...
Все равно в этой дымчатой раме — гляди не гляди —
Преломляя пространство, сквозят отраженья не наши...
Только рваная мышца в холодной, как урна, груди
Сокращается в темпе до дна осушаемой чаши.
Боль моей пустоты — пустоте обступившей в ответ...
Пустота пустоте просто так не пошлет отраженья:
Плоть нужна пустоте, чтоб телами заполнился свет
И высокие тени пришли в роковое движенье...
Зря мерцает курсор, и запавшая кнопка пищит —
Никого красота не спасет, и любовь не излечит,
Но глядится весь мир в мой обшарпанный бронзовый щит,
Где с латинским орлом Темучинов сражается кречет...

Нестор

Не я, Господи, а ты мне говоришь.
Полем-пахотой лежат тебе листы.
Я один. Дымя, лампада тлеет лишь,
И усталость сводит слабые персты.

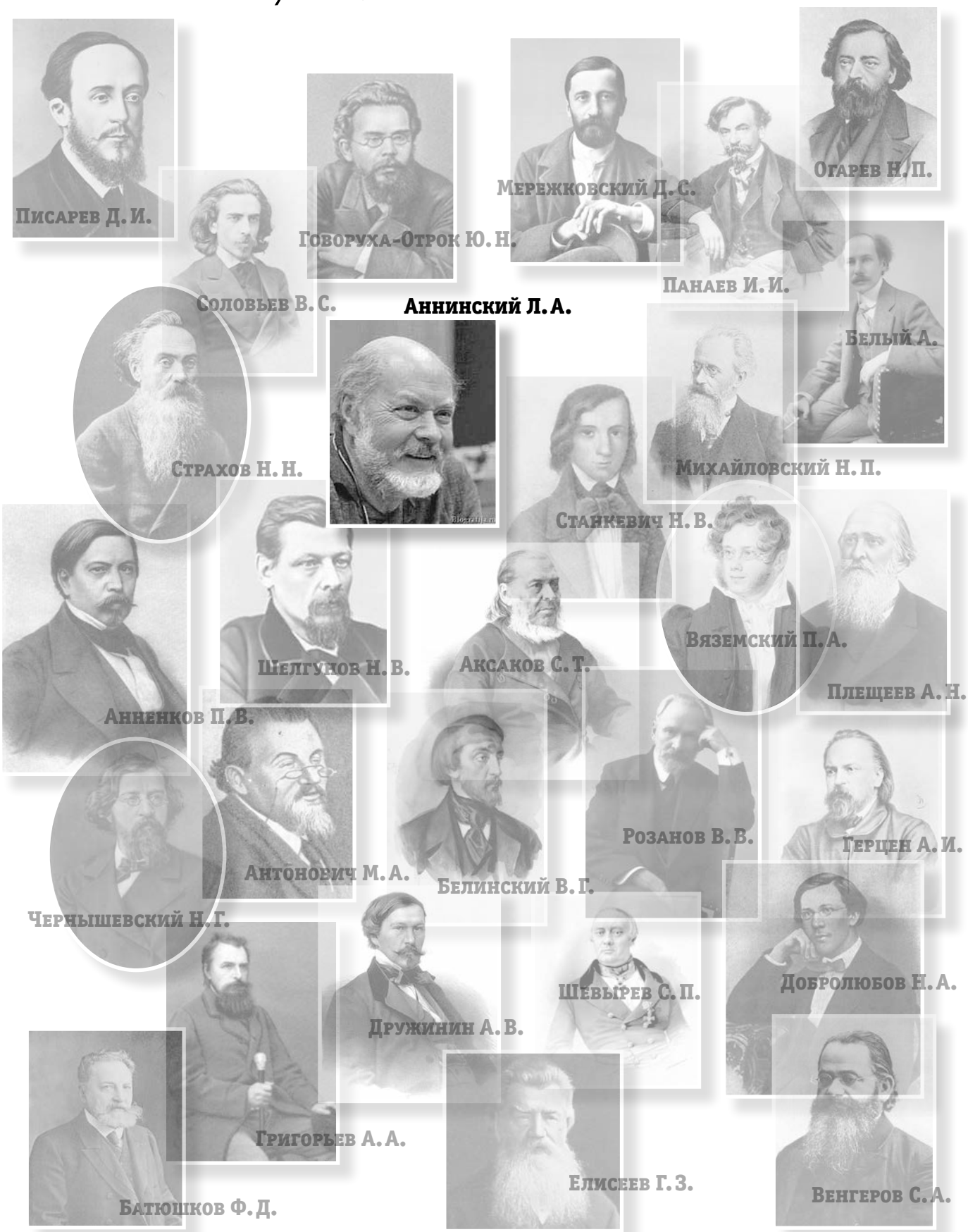
Полем-пахотой лежит тебе вчера:
Путь апостола к холмам Твоим святым...
Дым полынный половецкого костра.
Птичьим пеплом по звенящей степи — дым...

Дым во рту моем, во лбу моем, в глазу...
Дым в дому моем... о, русская земля!
Князь над костью тихо выронит слезу.
Из костей беззвучно выникнет змея.

Русская речь

Чертеж неотвратимой правоты —
Двуглавый византиец — здесь и ныне...
Кость мамонта — точеные черты
В тебе сосредоточенной латыни.
Шаг эллинский... чекан монгольских сбруй...
Норд-вест, по скифской вьющийся основе...
Кипение глубинных древних струй —
В любом твоем созвучии и слове.
Дышать тобою — или прахом лечь,
Солончаковой горечью бесплодной...
Понять тебя — из мрака свет извлечь,
Судьбою становящаяся речь
Несокрушимой памяти народной!

Страницы Льва Аннинского



На правах диалога!
Вячеслав Иванов — Михаил Гершензон
Лев Гумилев — Александр Панченко
Лев Аннинский — Андрей Караулов
Кто следующий?

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год, в № 1–12 за 2014 год, в № 1–12 за 2015 год, в № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 за 2016 год

«Страна, стоящая на идее»

Что это за идея, если на ней может собраться и устоять такая махина, как Россия?

Я думаю, любая. Если на ней сможет сохраняться великое государство.

А если нет?

«Если идея тускнеет, сразу поднимают голову окраины... Мгновенно! Окраины всегда недовольны. Они же окраины! И происходит распад государства».

Присоединяюсь к Андрею Караулову в этой его мысли. Евразийское многокультурье ищет центростремительную идею как точку, которая позволит ему удержаться.

А взлететь?

Это ж вечная мечта! Птицей! И фамилия нашего классика так крыльями и машет.

А потом-то что?

Вот что:

«Птица-тройка, воспетая Гоголем, так получила плетью по морде, что упала на колени и уткнулась в грязь. Все радовались перестройке, но никто, даже такой "коллекционер жизни", как Евгений Евтушенко, не мог объяснить, почему для того, чтобы выпустить из тюрем диссидентов, разрешить читать все, что хочется читать, и вернуть в Россию Ростроповича с супругой, надо разрушить экономику, остановить заводы, получить безработицу и перестать сеять хлеб!»

Евтушенко трогать не будем: он хлеба не сеет, его хлеб — стихи. Стихами увековечивается происходящее. Когда имеет смысл.

А что напор «грязи» в наши чистые помыслы вечен — так это всегдашняя расплата за магнетическую притягательность России.

И это тоже наш хлеб?

Продолжение следует.

«Нина! Ваш браслет!..»

Современный режиссер, прикасаясь к лермонтовскому «Маскараду», остро чувствует дыхание великих предшественников. И то, как Всеволод Мейерхольд доказал свою уникальность, поставив «Маскарад» в катастрофическом 1917-м... И как выкричали общую боль Тамара Макарова и Николай Мордвинов в фильме Сергея Герасимова — шел катастрофический 1941-й...

А теперь... Идея постановщика Андрея Житинкина, оформленная сценографом Сергеем Бархиным, — окаймить сцену строем мраморных колонн: в сочетании с божественной музыкой Арама Хачатуряна — такое абсолютное отрицание катастрофичности! Птичками оттеняют мраморную незыблемость взлетающие над столом картишки картежников. Птичками пролетают меж колонн виртуозно танцующие пары... Только бы не задеть мрамора! Арбенин в ярости кромсает кусок льда, разбрызгивая осколки! — Пошатнул бы строй колонн — да мрамор не поддастся!

Никакого катастрофизма — вот вам мраморная рама для страстей! Действуйте.

Страсти безудержны в этой раме! Может быть, в ответ на эту незыблемость. Дуэт Полины Долинской и Бориса Клюева — апофеоз стиля Малого театра с его неколебимым доверием персонажу. Без всякого вахтанговского просвета или станиславской игры в «верю — не верю». Веришь — губишь. Веришь — гибнешь.

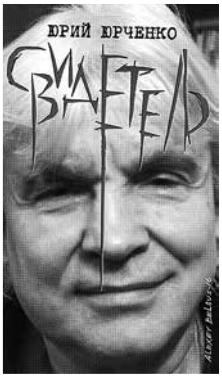
Катастрофизм чувств и действий — отрицание мраморной предзаданности. Дойти до предела, до края, до гибельной точки самопроявления. Что-то нынешнее, сегодняшнее, нашенское есть в этом опыте сцены. От обратного...

Так и хочется крикнуть:

— Нина! Возьмите ваш браслет! Смертельный опыт кончен!

А душа вторит:

— Умели же любить и умирать люди лермонтовского времени...



Юрий ЮРЧЕНКО

Юрий Юрченко — поэт, драматург, актер. Родился в 1955 году в Одесской пересыльной тюрьме. Детство и юность прошли на Колыме в таежном поселке.

После седьмого класса ушел работать в старательную артель, работал токарем на заводе в Магадане, докером на острове Шикотан, затем художником-оформителем и артистом Грузинского театра пантомимы.

Окончил Грузинский театральный институт и Московский литературный институт имени А. М. Горького.

Работал актером в театрах Тбилиси, Хабаровска, Владивостока, Москвы. Играл центральные роли в пьесах А. П. Чехова, Е. Шварца, А. Брагинского, Ж.-Б. Мольера, Ж.-П. Сартра.

Публиковался в журналах, альманахах и антологиях («Юность», «Огонек», «Театр», «Литературная учеба», «Драматург», «Литературная Грузия» и др.).

С середины 80-х годов пишет для театра. Издано семь книг стихов и пьес (стихи, переводы с грузинского, пьесы в стихах). В театрах России, стран СНГ, Франции, Германии поставлено восемь пьес.

В 1990 году уехал в Германию, с 1992 года по настоящее время живет во Франции. Окончил аспирантуру в Сорбонне (русский поэтический театр). На международном поэтическом турнире имени А. С. Пушкина в Лондоне (2004 г.) был назван публикой королем поэтов.

Выступает с авторскими вечерами и моноспектаклями по своим пьесам в Москве и других городах России и Украины, Грузии, Германии, Франции, Голландии, Швейцарии.

В июне 2014 года ушел добровольцем на восточный фронт. Работал корреспондентом в агентстве «Новороссия».

Свидетель

Киносценарий

(В основе сюжета — реальные события, происходившие на Юго-Востоке Украины летом и осенью 2014 года)

Рисунки Марины Медведевой

ДОНЕЦК. КОМНАТА ЮРИЯ. ВЕЧЕР

Небольшая, почти пустая комната. Из обстановки — только лежащий в углу на полу матрас, накрытый одеялом, и стол, освещаемый настольной лампой. За столом перед открытым ноутбуком сидит Ю р и й — немолодой, лет за пятьдесят, седой, коротко стриженный человек, печатает на клавиатуре. Он — в военных камуфляжных брюках и в такой же майке. На спинку стула, на котором он сидит, наброшена пестрая, пятнистая куртка и кожаная портупея с кобурой.

За окном слышны отдаленные глухие артиллерийские разрывы.

Раздается стук в окно. Юрий смотрит в окно — никого. Продолжает печатать. Стук повторяется.

На подоконнике, с внешней стороны окна, стоит черный грач, смотрит на Юрия. Снова стучит требовательно клювом в стекло.

Юрий встает из-за стола, подходит к окну, открывает его.

Грач переступает через окно на подоконник, топчется там, затем перепрыгивает на стол, за которым работает Юрий. Приближается к клавиатуре, тычет клювом в клавиши.

Юрий садится на стул, с интересом наблюдает некоторое время за грачом, отламывает кусок от лежащей на столе булки, крошит его на блюдце, подвигает к птице.

Та смотрит на хлеб, на Юрия, отворачивается, снова стучит клювом по клавишам.

На экране — бессмысленный набор латинских букв...

Юрий смотрит на экран...

На экране монитора начинают проступать очертания какого-то помещения... Слышатся голоса, музыка...

ПАРИЖ. САЛОН. ВЕЧЕР

Зал модного кафе-салона.

По стенам развешаны яркие картины современных художников-абстракционистов. В центре зала — небольшой пандус-сцена.

В зале много молодых, и не очень, людей — элегантные ж е н щ и н ы в вечерних нарядах, м у ж ч и н ы — в дорогих клубных костюмах.

На сцене, у микрофона, — шансонье, в котором мы узнаем П а т р и к а Б р ю э л я.

П а т р и к Б р ю э л ь *(поет)*.

Cette chanson légère,
Qu'est-ce-que sa te coûte?
Ces paroles, cet air,
Jusqu'à l'aube écoute.

Et bois ce venin
De la voix nomade
D'un poète venant
De la contrée froide.

Mais ce beau canevas
S'effacera net :
Le matin on va
Retrouver nos têtes...

Шансонье продолжает петь.

За одним из столиков, недалеко от сцены, сидят двое мужчин: в одном из них мы узнаем Юрия (но сейчас у него — длинные, отливающие белизной седые волосы) и Франсуа (щеголевато одетый, лет сорока пяти). Франсуа читает Le Figaro.

Ф р а н с у а *(откладывая газету)*. Нет, с этим надо что-то делать! Надо как-то остановить этих твоих русских, извини! Они захватили уже почти всю Украину, и их танки вот-вот двинутся на Париж! Ладно, к делу. Что с тобой происходит, Юр? Два месяца, как мы подписали этот контракт, и — где пьеса?

Ю р и й. Пишу...

Ф р а н с у а. Покажи мне, что ты уже написал!

Ю р и й. Режиссерам и друзьям полработы не показывают...

Ф р а н с у а. Ладно. Тогда, может, расскажешь сюжет или хотя бы намекнешь, о чем она, эта загадочная пьеса?

Ю р и й. Ну, если хочешь... Вот сцена, над которой я работал сегодня ночью... Восток Украины. Ополченцы заходят...

Ф р а н с у а. Террористы, ты хочешь сказать?

Ю р и й. Это ты хочешь... Итак, ополченцы заходят в разбомбленное, пустое село и в одном из подвалов находят шестилетнего мальчика и его полугодовалую сестру. Родители их погибли во время обстрелов села

украинской артиллерией. Два месяца они жили в этом подвале, мальчик ходил в соседние села, побирался, а сестру кормил молоком ощенившейся суки, клал ее между щенятами, чтобы не замерзла, и этим спас девочку...

Ф р а н с у а. Скажи мне, что ты шутишь...

Песня заканчивается. Аплодисменты.

П а т р и к Б р ю э л ь. Я хотел бы поблагодарить человека, подарившего мне текст этой замечательной песни, моего друга поэта Юри Горбенко!

Юрий встает, раскланивается. Вновь садится на место.

Ф р а н с у а. Убийца! Ты сейчас убил меня! Ты знаешь, чего мне стоило получить для тебя этот контракт? На твою пьесу никто не пойдет! Людям нужны комедии, мой глупый друг! Час тридцать, без антракта! Короткие смешные комедии! И — вот такие песенки... *(кивает на шансонье)*. И то и другое у тебя отлично получается. А ты — то трагедии в стихах, то — мифические ужасы из жизни террористов!..

Ю р и й. Извини, Франсуа, мне еще надо успеть на репетицию... *(Встает из-за стола.)*

Ф р а н с у а *(вслед Юрию)*. Одумайся, умоляю!..

ПАРИЖСКАЯ УЛИЦА. ФАСАД НЕБОЛЬШОГО ТЕАТРА. ВЕЧЕР

Над входом, большими буквами, название театра: LES SAISONS RUSSES.

В стеклянной витрине, справа от входа в театр — анонс ближайшей премьеры: Faust et Hélène.

МАЛЕНЬКИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАЛ. ВЕЧЕР

На сцене — а к т р и с а в костюме Елены Троянской, сидит перед зеркалом, накладывает на лицо крем. Ю р и й сидит в кресле в зале, наблюдает за ней.

А к т р и с а.
Не смотри ж ты так... А что я? —
«Бессмертная, богиня, все такое».
Но к ним...
(кивает на небо)
пришла я, если разобраться,
немолодой — уж было мне за двадцать...

Юрий встает со своего кресла, подходит к рампе.

А к т р и с а *(Юрию)*. Что-то не так? Я все переврала?..

Ю р и й. Нет-нет, все так. Просто тут у вас будет новый текст, я сегодня дописал. Попробуйте его сейчас...

Протягивает лист бумаги с текстом актрисе.
Возвращается в свое кресло.

А к т р и с а *(читает по бумажке)*.
Да-да, за двадцать уже было где-то...
А ты что думал: девочка?.. Поэты!..
Сдала тогда я, и не без причины:
Война ведь, смерть... Как любите, мужчины,
Вы воевать, все б бегать вам с железом...
Как вспомню: Гектор бьется с Ахиллесом!..
Разруха... Илион лежит в крови весь...
Морщины эти там и появились...
Как хорошо — уже за то люблю лишь —
Что ты ни с кем хоть, милый, не воюешь!

Раздается чуть слышный сигнал телефона;
Юрий достает телефон, читает сообщение.

Я так устала, правда — в век из века —
Немножко лишь привыкнешь к человеку —
Его уже убили... Ты так ласков...
Но осторожно — не сотри мне маску...

Юрий выключает телефон. Поднимается с кресла.

Ю р и й (*актрисе*). Простите меня, Ира. На сегодня все.

ПАРИЖ. РУССКОЕ КАФЕ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Уютное парижское кафе.

В углу — телевизионный экран, передают новости по российскому каналу RT.

За столиком — Ю р и й и А л л а — женщина лет сорока пяти, в черном платье. Светлые волосы убраны под черный платок.

А л л а. «Мам, — говорит, — я отъеду тут ненадолго...» А врать-то не умеет, по нему ведь сразу все видно. Катя плачет, говорит, это, мол, не твоя война, ты детям здесь нужен... Будь жив его отец, он бы смог его удержать. Что это за война, Юра? Почему именно — мой Егор?.. Спасибо, хоть тело прислали. Многие пропадают вообще, бесследно...

Подходит о ф и ц и а н т.

О ф и ц и а н т. Еще что-нибудь?

Ю р и й. Спасибо, все.

Юрий кладет купюру на стол. Официант берет ее, кивком благодарит Юрия и уходит.

Алла достает из сумки конверт.

А л л а. Вот... После смерти Паши ты — единственный, кого он слушал. Он тебя очень уважал... даже любил. Здесь диск... Он просил передать его тебе, если вдруг... Сказал, ты его поймешь.

Алла отдает Юрию конверт. Вытирает платком слезу на щеке.

Официант берет ТВ-пульт, увеличивает звук.

Д и к т о р Т В *(на русском языке)*. ...По заключению Одесского бюро судебно-медицинской экспертизы, смерть людей, погибших в Доме профсоюзов 2 мая, наступила в результате отравления угарным газом и из-за ожогов. Признаков насильственной смерти на теле кого-либо из сорока восьми жертв не обнаружено...

На экране — кадры любительского видео: пожар в Доме профсоюзов в Одессе — летящие в окна горящего 6-этажного здания «коктейли Молотова», прыгающие с крыши люди, толпа в балаклавах, с дубинками, скандирующая «Слава Украине!»...

А л л а *(глядя на экран)*. И это — наш родной город, Юра?

Ю р и й. Это еще недавно — наша с тобой страна, Алла.

В кафе шумно вваливается к о м п а н и я м о л о д е ж и, заказывает напитки, один из них переключает телевизор на французский канал.

Официант бросает извиняющийся взгляд на Юрия...

Юрий и Алла встают и идут к выходу.

Мы слышим комментарий новостей на французском языке.

Д и к т о р Т В. ...Соединенные Штаты возглавляют усилия мирового сообщества в противостоянии российской агрессии в отношении Украины, заявил в субботу американский президент Барак Обама...

ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ ЮРИЯ. НОЧЬ

На экране монитора — м о л о д о й ч е л о в е к лет двадцати восьми, спортивного вида. Широкое русское лицо.

Е г о р *(на экране)*. ...И завтра отбываю в Славянск. Надломила меня Одесса, дядь Юр... Я никогда не разделял Россию и Украину, для меня это все — один народ. Я здоровый мужик и не могу прикрываться же-

ной, мамой, работой, детьми. Однажды сын спросит: а ты, отец, что делал, когда нацисты убивали людей?..

Юрий сидит на диване, смотрит на экран...

Рядом с ним, на диване, лежит спаниель.

...Мельчают мужики, дядь Юр, все комнатные бойцы, все кричат: «Надо ехать! Надо спасать людей!» И в итоге — так и сидят у телевизора... Думаю, вы меня поймете... Отец бы понял, если бы был жив...

На стене — фотография, на ней на фоне собора Василия Блаженного — Юрий, Алла, Егор и еще один мужчина, тех же лет, что и Юрий. У всех счастливые улыбающиеся лица.

...Поддержите маму. Вы с ней для меня самые близкие люди. Удачи вам! И — спасибо за все...

Юрий долго сидит, опустив голову. Наконец он встает, идет в прихожую, достает с верхней полки шкафа большую дорожную сумку.

Спаниель спрыгивает с дивана, с тревогой наблюдает за Юрием.

Телефонный звонок.

Голос Дани. Это я...

Юрий. Как мама?

Голос Дани. Уф-ф-ф! Как обычно. Капризничает. Ничего не ела. Я осталась здесь на ночь. Как репетиция? Моя роль еще за мной?

Юрий. Ты знаешь, я тут подумал... Мы, пожалуй, сделаем паузу. На пару недель...

Юрий роется в шкафу, находит старые берцы, бросает их в сумку.

Голос Дани. Как — паузу?.. Ты хочешь все остановить?

Юрий. Я объявил всем, что улетаю на фестиваль поэзии в Кишинев. Так что ты пока спокойно занимайся мамой.

Голос Дани. Подожди, ты когда туда едешь?..

Юрий. Да прямо сейчас. Я и так задержался — фестиваль уже начался, они там все съедят и выпьют, пока я доеду.

Идет в ванную комнату, укладывает в несессер зубную пасту, щетку, бритву...

Спаниель не отстает от него, поскуливая...

Голос Дани. Я ничего не понимаю... Почему так срочно?.. Юри, нет, ты — невозможный человек, я — единственная женщина в мире, которая может терпеть этого сумасшедшего русского!.. Двадцать лет галер!

Юрий. Девятнадцать... с половиной!

Голос Дани. Уезжай к своим старым подружкам по беспутной юности! Можешь сразу просить в Кишиневе убежище — я тебя обратно не приму!

Юрий. Договорились! Я люблю тебя!

Голос Дани. Я тоже. Там, в холодильнике, лежит курица — возьми ее с собой.

Юрий. В самолете кормят. Поцелуй маму!

Голос Дани *(громко)*. Мама! Тебя Юри целует! Она тебя тоже!

Юрий. Je t'aime... quand même!

Голос Дани. Ты — псих!

Юрий. Ты — самая лучшая жена в мире!

ПАРИЖ. НОЧЬ

Под аккомпанемент песни в исполнении Патрика Брюэля, которую мы слышали в салоне, Юрий едет в такси по ночному Парижу.

ДОНЕЦК. КОМНАТА ЮРИЯ. ВЕЧЕР

Юрий кладет кусок хлеба себе в рот, жует, наблюдает за грачом, потом мягко отодвигает его от клавиатуры, стирает напечатанные им буквы, продолжает печатать текст.

Грач издает недовольный звук, возвращается к клавиатуре, опять стучит по ближним к нему клавишам.

Открывается дверь, в комнату входит Начштаба.

Он в замешательстве останавливается, некоторое время смотрит на Юрия и грача, печатающих на компьютере.

Юрий вновь стирает грачиный «шифр», пытаясь оттеснить птицу от клавиатуры.

Начштаба. Это... что?

Юрий. Не что, а кто. Коллега. Позывной — Грач.

Юрий и грач продолжают печатать.

Ошеломленный Начштаба, некоторое время молчит, затем встряхивает головой.

Начштаба. Есть новости, не очень хорошие, про группу Седого.

Юрий *(резко поворачиваясь к Начштаба)*. Что с ними?..

СЛАВЯНСК. БАЗА ОДНОГО ИЗ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОПОЛЧЕНЦЕВ. ДЕНЬ

В тени деревьев — группа разведчиков-ополченцев, человек двенадцать, готовится к выходу на задание — проверяют снаряжение,

рассовывают патроны и гранаты по карманам «разгрузок».

Среди них — Ю р и й. С автоматом и с кобурой на поясе, он ничем не отличался бы от других разведчиков, если бы не компактная видеокамера, закрепленная на его левой руке.

Рядом с ним — единственная во всей группе девушка, Н а с т я, санинструктор. Она совсем юная, на вид — не больше двадцати лет.

Ю р и й *(девушке)*. Я уже три дня здесь, на «Целинке», а вас не видел.

Н а с т я. Я раненого отвозила в госпиталь. Только вернулась.

Ю р и й. Как вас зовут?

Н а с т я. Настя. Позывной Тигра.

Ю р и й. Меня Юрий. Позывной Анри. Откуда вы?

Н а с т я. Из Краснодара.

Ю р и й. А почему вы решили сюда приехать? Извините, если...

Н а с т я. Почему?.. Не знаю, трудно ответить...

Г о л о с к о м а н д и р а. Построились!

Все выстраиваются в один ряд. Командир группы, позывной С е д о й, оглядывает отряд, задерживает взгляд на Юрии.

С е д о й. Ну все. С Богом!

Г о л о с Б о р и с а. Стойте!

От здания бежит ополченец — Борис.

Б о р и с. Анри! Я за тобой! Тебя срочно вызывают в штаб!

Ю р и й *(с досадой, Седому)*. Да мы ушли ведь уже! *(Подбежавшему Борису.)* Борь, ну, скажи там, что ушли уже, не застал меня.

Б о р и с. Начштаба ждет!

Юрий умоляюще смотрит на Седого.
Тот отрицательно мотает головой.

С е д о й. Нет, Анри. Со штабом ссориться я не хочу. В следующий раз...

Юрий выходит из строя, идет к Борису, спохватившись, возвращается, вынимает из подсумка две гранаты и отдает их Насте.

Ю р и й *(фотографируя Настю)*. Удачи!

Идет к поджидающему его Борису.

Н а с т я. Подождите!

Юрий оборачивается к ней. Настя делает шаг в сторону Юрия, но спохватывается и смотрит на Седого.
Тот кивает ей.

Настя быстро подходит к Юрию.

Н а с т я. Хотите, я скажу, почему я здесь?

Ю р и й. Конечно.

Н а с т я *(торопясь и сбиваясь)*. Когда приехала, я, если честно, не очень еще соображала, что здесь происходит... Но тут, в Славянске, я увидела девочку лет четырех — в песочнице играла. Я ей: «Молодец, хороший домик построила». А она посмотрела на меня и говорит: «Это не домик. Это — бомбоубежище». И вот тогда я поняла, что я здесь уже до конца... Все, я побежала!

Убегает к ожидающей ее группе.

Ю р и й *(ей вслед)*. Спасибо!

Юрий направляется вслед за Борисом
к ожидающей их машине.

УЛИЦЫ СЛАВЯНСКА. ДЕНЬ

Ю р и й с Б о р и с о м проезжают по улицам разбомбленного города.

За окном машины — разрушенные дома, взорванные дороги, сломанные деревья.

У останков пятиэтажного жилого дома лежат несколько прикрытых простынями женских и мужских трупов; под одной из простыней угадываются очертания маленького детского тела...

КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОПОЛЧЕНИЯ. ДЕНЬ

В кабинете Ю р и й и Н а ч ш т а б а.

Н а ч ш т а б а. Я тогда отпустил вас с условием, что это будет последняя ваша вылазка. А вы...

Ю р и й. Да поймите вы меня, Саныч! Я должен быть там, с ребятами, на передовой. Люди читают меня и верят, что получают информацию из первых рук. Стоило приезжать в Славянск, чтобы здесь все записывать с чужих слов!

Н а ч ш т а б а. На войне у каждого — своя работа! И ваша работа, Анри, — рассказать миру, что здесь на самом деле происходит. Этим вы принесете гораздо больше пользы, чем участием в боевых операциях!

Ю р и й. Но я приехал сюда воевать!

Н а ч ш т а б а. Вот и воюйте! Но — своим оружием! И без бессмысленного риска!

Ю р и й. Ладно. Но в следующий раз — я уйду с ребятами!

Н а ч ш т а б а. До следующего раза дожить надо...

Юрий делает шаг к двери...

Погодите, Анри.

Юрий оборачивается, смотрит на Саныча.

Мы уходим. Сегодня ночью мы оставляем город.

Ю р и й. Как... оставляем?.. Совсем?.. А люди? Да мы же... да как же так, Саныч?..

Н а ч ш т а б а. Укры стянули сюда всю артиллерию, танки, авиацию. Тут сейчас такое начнется... Наш уход — единственный способ спасти город и жителей.

Ю р и й. Да нет, мы не можем... А группа Седого?.. Что, их не дождемся?..

Смотрит на Начштаба. Пауза.

Подождите... Им что — никто не сказал?!

Н а ч ш т а б а. Никому еще не сказали. Всем, кто должен это узнать, скажут за час до выхода.

Ю р и й. Господи, с ними же эта девчонка, Настя-Тигра!..

ДОНЕЦК. КОМНАТА ЮРИЯ. ВЕЧЕР

Ю р и й, Н а ч ш т а б а. За ними с любопытством наблюдает грач.

Ю р и й *(Начштаба)*. Так что там с группой Седого, Саныч?..

Н а ч ш т а б а. Они попали в окружение. С ними уже четвертый день нет связи...

Ю р и й. Она же, эта Тигра, — совсем ребенок...

Начштаба молчит.

...А я *(кивая на ноутбук)* сейчас как раз писал о ней, о нашей с ней встрече, об этом бомбоубежище в песочнице...

П а у з а. Начштаба выходит.

Юрий сидит у стола, опустив голову... Грач вопросительно смотрит на него. Юрий поднимает голову.

(Грачу.) ...Там, у них, парень один, командир отделения, смешной, чуть завидит меня, всегда радостно кричит издалека: «Bonsoir, Henri!..» Он в мирной жизни французский преподавал...

Грач все так же вопросительно смотрит на него...
Юрий открывает окно, подталкивает к нему грача.

Давай-ка, брат, лети куда-нибудь, где повеселее...

Закрывает окно. Грач через стекло смотрит на Юрия...

КАБИНЕТ ПРОФЕССОРА. ВЕЧЕР

Вечер. Рабочий кабинет (библиотека) в одной из киевских квартир. Со вкусом меблированная комната. Высокие потолки, люстра, тяжелые шторы на окнах.

Старинная библиотека с позолоченными переплетами книг...

Юнг... Фрейд... Ницше... «Майн кампф»... восточные философы, «Наиболее удачные операции Моссада», «Моссад. Тайная война»...

На полке — семейная фотография: мужчина, женщина, мальчик, лет тринадцати и девочка лет восьми.

На массивном деревянном столе лежат книги с заложенными между страницами закладками, одна из них — сверху — раскрыта на титульной странице: «История Моссада и Спецназа».

Рядом — номер газеты Le Figaro, открытой на странице с фотографией убитой женщины, лежащей у стены разрушенного дома и статьей, над которой — крупно — фамилия автора статьи:

«Youri Gorbenko. Slaviansk».

За столом сидит м у ж ч и н а с маленькой аккуратной бородкой и усами, лет тридцати трех, в домашнем халате, пролистывает газету «Новороссия», на одной из статей задерживается, всматривается внимательно в фотографию автора статьи... На фотографии — Ю р и й.

Ниже заголовок: «О подвалах и пыточных камерах Службы безопасности Украины».

Мужчина пробегает пальцами по лежащей перед ним на столе клавиатуре, на экране монитора открывается папка «Террористы — добровольцы из Европы».

Мужчина открывает папку, пролистывает страницы многочисленных досье, на одном из них, с названием «Анри», останавливается, открывает.

На экране текст:

«Горбенко Юрий Сергеевич. Позывной Анри».

Поэт, драматург.

Окончил театральный и литературный институты.

В 1990 году выехал в Европу.

Окончил аспирантуру в Сорбонне.

Лауреат международных театральных и литературных премий.

Имеет российское и французское гражданство.

Жена — французская актриса Дани Менар».

СЛАВЯНСК. ДВОР БАЗЫ ОПОЛЧЕНЦЕВ. НОЧЬ

В открытые ворота из двора выезжает колонна — КамАЗы, «мерседесы», грузовые «газели» и прочая разношерстная техника, ощерившаяся пулеметными и автоматными стволами...

В одну из машин садится Ю р и й, оглядывается...

На фоне половинки лунного диска отчетливо вырисовывается силуэт грача, сидящего на свисающей над окном штаба ветке дерева.

ДОНЕЦК. ПЛОЩАДЬ ЛЕНИНА. ДЕНЬ

Над заполненной народом площадью Ленина колышутся флаги Новороссии и России.

На одной стороне площади возвышается сцена, собранная из металлических конструкций.

На сцене — п о ж и л о й о п о л ч е н е ц в камуфляже.

П о ж и л о й о п о л ч е н е ц. Мужчины Донбасса! Укрофашисты жгут нашу землю! Не ждите, что кто-то за вас защитит ваших дочерей, жен, матерей! Берите в руки оружие и поступайте так, как вам велит ваша совесть и честь! Наше дело правое. С нами Бог и Отечество!

Аплодисменты.

Над площадью, над толпой раскачиваются знамена ДНР и Новороссии.

К микрофону подходит в е д у щ и й.

В е д у щ и й. Я приглашаю к микрофону еще одного защитника Славянска! Он приехал к нам из Франции и здесь вступил в ополчение! Поэт, военкор, позывной — Анри!

Юрий выходит к микрофону. Толпа аплодирует. Юрий поднимает руки, призывая всех к тишине...

Обводит взглядом площадь...

Шум постепенно стихает.

Ю р и й *(сначала тихо)*.

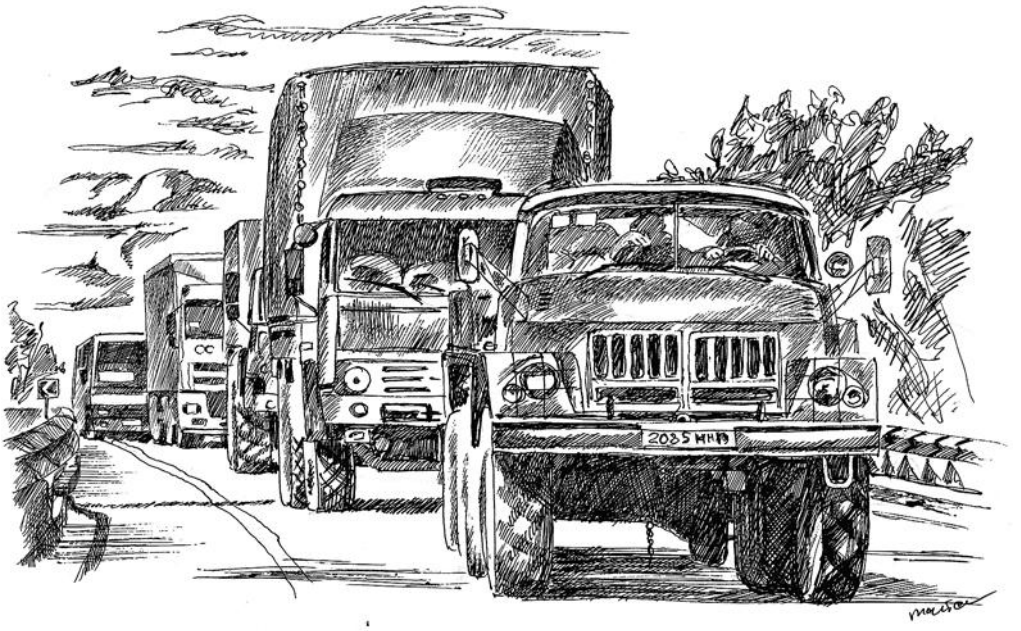
Мой черный грач, простимся, брат.
Я — ополченец, я — солдат,
И может жизнь — в момент любой —
Позвать меня на смертный бой.

И мать опять не спит моя,
Ночами Господа моля
О том, чтоб сын ее родной
Живым с войны пришел домой.

Скажи мне, грач, какой же толк
В словах про память и про долг,
Когда не сможем мы сберечь
Ни нашу честь, ни нашу речь?

И плачет женщина моя,
Ночами Господа моля,
Чтоб — хоть изранен, но — живой,
С войны вернулся я домой.

Мой грач, о, как бы я хотел,
Устав от скорбных, ратных дел,
Прижать к груди жену и мать.
И просто — жить. Не воевать.



Но плачет Родина моя,
Меня о помощи моля,
И я иду опять, мой грач,
На этот зов, на этот плач.

Юрий умолкает. Тишина.
Затем площадь взрывается аплодисментами.

Юрий спускается со сцены.

Пожилой ополченец одобрительно хлопает Юрия по спине.

Путь Юрию преграждает журналистка с микрофоном с логотипом украинской телекомпании.

Журналистка. Вы понимаете, что вы вот этим своим выступлением призываете к эскалации войны? Эту страну сейчас может спасти только одно — всеобщее покаяние и примирение! А вы — «честь... речь... на смертный бой»... Вы же бросаете... вы же разжигаете!..

Юрий задерживается на мгновение, смотрит на нее...

Юрий. Извините, меня ждут. *(Пытается обойти ее.)*

Журналистка *(преграждая ему дорогу)*. Вы приехали и нагнетаете тут со своими «грачами»! Ну почему вы, западный человек, не хотите согласиться с тем, что в гражданской войне нет правых и виноватых — вина в равной степени лежит на обеих сторонах?

Юрий. Да потому что, согласившись с вами, я уравняю карателей с их жертвами.

Юрий решительно отстраняет рукой журналистку и направляется к стоящему у машины Борису.

Юрий садится в машину.

Машина трогается.

ДОНЕЦК. САЛОН АВТОМОБИЛЯ. ДЕНЬ

Машина с Юрием и Борисом за рулем проезжает по улицам Донецка.

Борис. Достала журналистка?

Через окна машины видны разрушенные дома, разбитые дворы и детские площадки.

На домах — указатели-стрелки «Бомбоубежище».

Юрий. То ли они действительно не понимают, то ли мозги у них так промыты?..

ОКРАИНА ИЛОВАЙСКА. БЛОКПОСТ ОПОЛЧЕНИЯ. ДЕНЬ

Бой на окраине города. Дым, огонь, автоматная пальба, уханье артиллерийских разрывов.

Разрушенный дом.

Рядом с ним, прячась за мешками с цементом, за бетонными блоками, отстреливаются ополченцы.

Юрий снимает бой на видеокамеру...

На дороге, ведущей к блокпосту, видны разрывы... Со стороны блокпоста появляется бегущий ополченец...

Ополченец *(кричит)*. Танк!.. Прямо на нас прет!.. Танк!..

Снаряд разрывается недалеко от Юрия. Он продолжает снимать, прижимаясь к стене разрушенного дома.

Ополченцы выкатывают из двора дома гаубицу[1]. На дороге появляется танк... Ополченцы разворачивают гаубицу, заряжают ее (работают они слаженно и быстро), бьют прямой наводкой по танку...

Одновременно с гаубицей стреляет и танк.

Снаряд обрушивает часть стены за спиной Юрия.

Взрывной волной Юрия сбивает с ног, он падает, его засыпает землей и мелкими камнями.

Рядом с ним, отплевываясь от пыли и грязи, вылезает из-под бетонной плиты молодой ополченец с автоматом.

Молодой ополченец. Твою мать, думал, уже хана! А ты как, француз, жив?

Юрий вылезает из-под обломков рухнувшей стены дома, стряхивает с себя землю и грязь, мотает головой...

Ополченцы перезаряжают гаубицу.

Юрий *(бормочет, глядя на деловито снующих в дыму и в пыли артиллеристов)*.

Война совсем не фейерверк,
А просто трудная работа...

Молодой ополченец. Че ты сказал, француз?..

Юрий. Это не я, это он сказал... *(Показывает на лежащую между ними треснувшую мемориальную доску.)*

Молодой ополченец стирает с доски кирпичную пыль...

Юрий наводит видеокамеру на лицо шевелящего губами ополченца — он читает надпись на мемориальной доске:

«Здесь, 19 июня 1943 г., защищая землю Донбасса от немецко-фашистских захватчиков, геройски погиб командир минометного расчета младший лейтенант поэт Михаил Кульчицкий».

[1] Советская 152-мм буксируемая пушка-гаубица Д-20.

Рядом с Юрием и молодым ополченцем взрывается фугас.

Ополченец хватает Юрия за куртку и увлекает за собой в какую-то дыру, заваленную кирпичом.

Юрий и молодой ополченец скатываются куда-то вниз и оказываются в полной темноте.

ПОДВАЛ МНОГОЭТАЖНОГО ЖИЛОГО ДОМА. ДЕНЬ

Темнота.

Постепенно Юрий начинает различать в темноте очертания, а затем — фигуры и изможденные лица женщин, стариков, детей...

Молодого ополченца рядом нет.

Три пожилые женщины. Одна из них сидит, положив опухшие, отечные ноги на стул, другая, сидящая рядом, — растирает их.

Рядом с Юрием оказывается молодая женщина с подвязанной платком — через шею — рукой.

Недалеко от нее, раскачиваясь взад-вперед, крепко прижимает к себе детское тельце довольно еще молодой, но абсолютно седой мужчина.

Молодая женщина. Он уже так двое суток сидит. Жену с сыном накрыло прямо на пороге подвала. Мы хотели похоронить малыша, но он не отдает.

Юрий. И давно вы здесь прячетесь?

Молодая женщина. Кто две, кто три недели. Многим уже и возвращаться-то некуда — дома разбомбили, родных убили.

Юрий. Я могу чем-нибудь помочь?

Молодая женщина. Нужны медикаменты, особенно инсулин, обезболивающие, перевязочные материалы...

Юрий. Напишите, что нужно, я попробую достать и завтра привезти.

Молодая женщина. Да список у меня давно готов. Правда привезете?

Протягивает Юрию исписанный с двух сторон лист бумаги.

Юрий. Правда. Если жив буду.

Пожилая женщина с отечными ногами, слушающая их разговор, осеняет Юрия крестом.

ДВОР ТЕРРИТОРИИ ШТАБА ДНР. ДЕНЬ

Юрий укладывает в машину несколько коробок с эмблемой Красного Креста и большую коробку шоколада «Гвардейский».

Борис заливает в бак машины бензин из канистры.

К Юрию подходят Начштаба и Багира — миловидная средних лет женщина в камуфляжной футболке.

Начштаба. Анри, ну что ж вы упертый-то такой? Ну сказал же, завтра отправлю туда ребят из разведки. Заодно они и ваши лекарства доставят.

Ю р и й. Ну не могу я, Саныч, ждать! Я им пообещал — сегодня!

Б а г и р а. Ты бы лучше, Анри, вон в госпиталь заглянул, с ребятами, которых вчера обменяли, поговорил... Двое уже скончались. Им перед самым обменом укры все внутренности отбили. Мы им — здоровых, сытых боровов, а они нам — мешки с костями, только по документам — живые...

Ю р и й. Багира, с ребятами я уже поговорил утром.

Н а ч ш т а б а. Вот о чем вы должны писать! А вы...

Ю р и й. Да никому я ничего не должен! Нет, конечно же, я напишу про пленных, сегодня же. Только вот отвезу...

Б о р и с. Саныч, ну он же пообещал. Люди ждут. А я его мигом туда-обратно, через пару часов уже назад будем.

Начштаба в бессилии разводит руками.

Н а ч ш т а б а *(Юрию)*. В последний раз...

Ю р и й. Понял, товарищ Начштаба!

Начштаба машет на него рукой.

ДОРОГА. САЛОН АВТОМОБИЛЯ. ДЕНЬ

Машина проезжает по окраине Донецка.

Б о р и с озабоченно смотрит на приборную доску машины.

Б о р и с. Вот черт!

Ю р и й. Что случилось?

Б о р и с. По-моему, приехали! Бензина в баке почти не осталось.

Ю р и й. Ты же только что залил канистру?

Б о р и с. Может, бак пробит? Да нет, вроде не стреляли... Ладно, до блокпоста дотянем, а там посмотрим.

БЛОКПОСТ ОПОЛЧЕНЦЕВ ПОД ХАРЦЫЗСКОМ. ДЕНЬ

Машина подъезжает к блокпосту.

О п о л ч е н е ц в к а с к е и о п о л ч е н е ц в б а л а к л а в е, оба с автоматами, подходят к машине.

Ю р и й и Б о р и с протягивают свои удостоверения.

Б о р и с выходит из машины, открывает капот, что-то проверяет.

О п о л ч е н е ц в к а с к е. Куда вы?..

Ю р и й. В Иловайск.

О п о л ч е н е ц в к а с к е. Так там же укры!

Ю р и й. Знаем. Надо. Город же не весь захвачен.

К ним подходит Борис.

Б о р и с *(Юрию)*. К сожалению, дальше, Анри, ты один. Конь сдох.

К блокпосту подъезжает «газель», останавливается.

Борис подходит к ней, о чем-то говорит с находящимися в ней о п о л ч е н ц а м и.

Ополченец в каске подходит к «газели»; сидящий рядом с водителем командир группы протягивает ему документы.

Борис быстро возвращается к Юрию.

Борис. Они тебя подбросят до Иловайска. А я попробую подлататься и подожду тебя здесь.

Борис и Юрий переносят из «Нивы» коробки с красным крестом, ящик тушенки, коробку с шоколадом в «газель».

Юрий пробирается на заднее сиденье, «газель» трогается.

Борис, в стороне, разговаривает по мобильному телефону.

ДОРОГА. САЛОН «ГАЗЕЛИ». ДЕНЬ

Юрий, сидя на заднем сиденье, снимает ополченцев на камеру, закрепленную на левой руке, в правой — пистолет «Макаров».

Кроме водителя и командира группы в кабине, в салоне сидят — в камуфляже, с автоматами — рыжеволосый, худощавый, еще двое ополченцев и большой лохматый пес.

Ополченцы, молодые ребята, выставив автоматные стволы в окна, всматриваются в «зеленку».

Внезапно начинается ураганный обстрел, стреляют из автоматов и пулеметов по «газели». Слышны разрывы гранат.

Корпус машины прошивают пули.

Юрий пригибается, продолжает снимать ополченцев, палящих в ответ вслепую — по «зеленке», откуда стреляют по машине...

Пес забивается в страхе под сиденье, на котором лежит коробка с шоколадом...

Коробка вдруг «взрывается» от попавшего в нее то ли осколка, то ли разрывной пули. Шоколадные плитки разлетаются по всему салону.

«Газель» несколько раз сильно подбрасывает, но она продолжает мчаться вперед.

Стрельба так же внезапно, как и началась, стихает — зона обстрела остается позади.

Бойцы ощупывают себя, оглядываются, хлопают друг друга по плечам, убеждаясь, что все живы, смеются — никто даже не ранен...

Машина несется по дороге, подпрыгивая на ухабах.

Рамка экрана прыгает на руке у Юрия: на экране мелькают счастливые лица чудом избежавших смерти ополченцев.

Симпатичный, лет двадцати, рыжеволосый ополченец в эйфории начинает громко и дурашливо петь.

Рыжеволосый.

Вроде лишь недавно
Я ходил в детсадик,
А сегодня, мама,
Я уже — десантник!

Села на панаму,
Побледнела даже.
Не пугайся, мама!
Я же в камуфляже!..

Около него прыгает, пытаясь лизнуть его в лицо и громко лая, пес...

Что ж ты — по лбу кружкой? —
Несолидно даже.
Я же, мам, на службе,
Я же — в камуфляже!..

Юрий снимает все это на видеокамеру...

Машина выныривает из ложбины на холм.

Изображение на экране у Юрия перестает дергаться и дрожать. Наступает тишина.

Юрий отрывает взгляд от экрана видеокамеры.

Вокруг машины — пестрое пространство с резко бьющим в глаза преобладающим желтым цветом...

Картинка фокусируется, желтые пятна оказываются повязками на рукавах и наклейками на касках украинских солдат... Черные дыры направленных на «газель» стволов...

Время замедляется...

ДОРОГА. ХОЛМ. ДЕНЬ

Машина окружена тремя десятками украинских нацгвардейцев с направленными на «газель» автоматами и ручными пулеметами...

ДОРОГА. МАШИНА. ДЕНЬ

Юрий в машине: он смотрит на пистолет в правой руке...

Юрий поднимает голову и взглядом упирается в злобные ненавидящие глаза нацгвардейца, целящегося в него сквозь разбитое окно «газели».

Юрий медленно поворачивает руку с пистолетом в сторону украинского солдата и стреляет.

Тут же из всех стволов укры начинают палить по «газели».

Пулеметные пули разрывают голову рыжеволосого ополченца.

Открытые в предсмертных криках рты, искаженные от боли юные лица ребят, прошиваемых автоматно-пулеметными очередями.

Палец уже убитого командира группы, судорожно жмет на гашетку «Калашникова», но пули уходят в потолок «газели».

Рядом с Юрием падает граната, и десятки банок тушенки взлетают в воздух...

ДОРОГА. МАШИНА. ДЕНЬ

Ю р и й в машине: он смотрит на пистолет в правой руке...

Лица замерших м а л ь ч и ш е к-о п о л ч е н ц е в...

Время возвращается...

Юрий осторожно прячет между двумя кожаными спинками заднего сиденья пистолет.

Затем, так же осторожно, вынимает из кармана телефон и засовывает его за отогнувшуюся обшивку корпуса «газели»...

ДОРОГА. ХОЛМ. ДЕНЬ

Укры выволакивают ополченцев из машины, бросают их лицом вниз на землю, связывают им руки и жестоко избивают кулаками, ногами, прикладами, втыкают в тела штык-ножи.

Последними из «газели» выбрасывают Р ы ж е в о л о с о г о и Ю р и я.

На корпусе, стоящей чуть в стороне БМД, надпись: «Спецназ батальйону нацгвардії “Донбасс”».

Один из нацгвардейцев собирается связать руки Рыжеволосому.

Внезапно из машины выскакивает пес и с лаем бросается к ним. Стоящий рядом н а ц г в а р д е е ц вскидывает ручной пулемет.

Р ы ж е в о л о с ы й. Не надо!..

Он вскакивает, пытаясь отвести ствол автомата от собаки.

Пулеметчик реагирует мгновенно: выпускает в Рыжеволосого длинную очередь...

Пули прошивают тело парня, буквально разрывая его надвое и отбрасывая назад.

Рыжеволосый падает рядом с лежащим на земле Юрием, накрывая его спину рукой и забрызгивая его кровью.

Из кармана разорванного в клочья френча Рыжеволосого, прямо перед лицом Юрия, падает небольшой белый сложенный вдвое тетрадный листок.

Разгоряченный кровавой сценой, пулеметчик переводит ствол на других лежащих на земле ополченцев.

Г о л о с Ф р а н к о *(с акцентом)*. Не стрелять!

Нацгвардейцы поворачиваются в сторону окрика.

К ним подходит Ф р а н к о — крупный мужчина в натовской военной форме, в каске с крупными буквами NY, внешне сильно отличающийся от остальных нацгвардейцев.

Ф р а н к о. Они пока живые нужны!

Пользуясь тем, что внимание нацгвардейцев отвлечено, Юрий пытается протянуть руку к листку, выпавшему из френча Рыжеволосого, но пулеметчик замечает движения Юрия.

П у л е м е т ч и к. Лежать, сука!

Пулеметчик бьет Юрия прикладом по голове. Кровь заливает ему лицо. Пулеметчик заламывает Юрию руки за спину и туго связывает их жгутом.

Время замедляется...

Легкий порыв ветра медленно разгибает листок, открывая старательно выведенные шариковой ручкой синие буквы:

МЕЧТЫ, ЖЕЛАНИЯ, ЦЕЛИ!!! С 21 января 2014 по ...

1. Сделать тату. √
2. Прыгнуть с парашютом.
3. Рассчитаться с долгами.
4. Нырнуть под лед.
5. Жениться на умной, красивой, доброй.
6. Перед уходом попрощаться с настоящими.
7. Завести собаку. √
8. Переспать с негритянкой.

Время возвращается...

Франко подходит к ополченцам.

Ф р а н к о. Встать!

Ополченцы поднимаются с земли.

Ф р а н к о. Бегом, через мост — марш! *(Юрию.)* Ты, седой, стой здесь!

Ополченцы со связанными за спиной руками бегут по мосту.

На той стороне их ударами кулаков и прикладов принимают нацгвардейцы во главе с двухметровым верзилой — С е м е р к о й.

Франко подходит к Юрию.

Ф р а н к о. Я из-за тебя, сука, все бросил — семью, бизнес в Нью-Йорке, сюда приехал!

Бьет с размаху Юрия по окровавленному лицу.

Ф р а н к о. Ты — их командир?
Ю р и й. Я — военкор.
Ф р а н к о. Из России, падла?
Ю р и й. Я — гражданин Франции.
Ф р а н к о. Француз?.. Позывной?

Юрий молчит. Франко наотмашь бьет Юрия по лицу.

С другой стороны моста, метрах в двадцати от «газели», Семерка кричит:

С е м е р к а. Франко, кто там у тебя?.. Француз?.. Давай его сюда!

Ф р а н к о *(Юрию)*. Бегом, вперед!

Юрий бежит через мост.

С е м е р к а. Стоять!

Юрий застывает на середине моста.

Вдруг наступает звенящая тишина...

На экране — круг, метки с делением... В кругу — очень близко — чуть шевелятся от ветра волосы на виске Юрия, мы видим его застывший профиль...

Круг сдвигается вниз — задерживается на связанных за спиной руках...

Круг сужается, виден винтовочный ствол в маскировочной обмотке, мушка, рука на курке, трава вокруг...

Мы видим Юрия глазами снайпера — сквозь прицел, установленный на винтовке...

Ф р а н к о. Бегом!

Юрий бежит, добегает до поджидающего его Семерки, тот сбивает его ударом кулака с ног на землю и начинает бить сапогами по ребрам.

Подскакивают еще двое нацгвардейцев, бьют Юрия ногами и прикладами до тех пор, пока он не перестает шевелиться.

С е м е р к а. Встать! Бегом!

Юрий пытается приподняться, видно, что эта попытка дается ему с трудом — очевидно, поломаны ребра. Он пробует встать на ноги, но не может — левая нога сломана.

С е м е р к а. Вставай, сука!

Ю р и й *(еле слышно)*. Не могу, добивайте здесь.

Два нацгвардейца подхватывают его за руки и волокут.

Юрия бросают на землю у кирпичной стены, где уже лежат лицом в землю пятеро ополченцев из «газели».

Подъезжает БМД, с нее спрыгивает Франко. На ходу вынимая из кобуры пистолет, он решительно подходит к Юрию, нагибается, приставляет ствол к его виску.

Ф р а н к о. Быстро — информацию, которая может меня заинтересовать. Считаю до трех!..

Ю р и й. Стреляй сразу.

Ф р а н к о. Раз... два... три...

Щелчок бойка пистолета. Франко пинает Юрия ногой, отходит.

С е м е р к а. Француз, сука, убью! *(Бросается к Юрию.)*

Ф р а н к о *(останавливая его)*. Успокойся! Он мой!

Семерка в ярости хватает валяющуюся в траве стеклянную бутылку и швыряет ее в сидящего у стены Юрия...

Бутылка разбивается о стену в нескольких сантиметрах от головы Юрия; осколки летят ему в лицо...

Юрию трудно дышать, он задыхается, хрипит, корчится от сильной боли в груди, руки туго связаны жгутом за спиной...

К Юрию подходит М а й о р, пожилой нацгвардеец, смотрит на него.

М а й о р *(Юрию)*. Конечно, вас нужно бы расстрелять... *(Стоящему рядом нацгвардейцу.)* Развяжите ему руки, куда он убежит? Он двинуться не может.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. ДЕНЬ

Во дворе трехэтажной кирпичной школы стоят н а ц г в а р д е й ц ы, среди них — Семерка.

Напротив — п я т е р о о п о л ч е н ц е в из «газели».

В центре — стол, за столом — Б у г о р и Ф и л и н.

Перебирая на столе документы пленных ополченцев, Бугор находит маленький календарик с изображением Кремля.

Б у г о р. Филин, смотри!

Ф и л и н *(взглянув на картинку)*. Це чье? Отвечать! Быстро!

Х у д о щ а в ы й. Мое.

Ф и л и н. Виткиля? З Москвы?

Х у д о щ а в ы й. Я местный, из Иловайска.

Филин встает из-за стола, подходит к допрашиваемому, тычет ему в лицо календарик.

Ф и л и н. А это що? Или в Украине уже календариков своих немае? Що, сука, в Россию захотив?

Бьет его кулаком в лицо, тот падает на землю.

Ф и л и н. На колени, сука! Уси на колени!

Остальные четверо пленных опускаются на колени.

Нацгвардейцы, по примеру Филина, начинают их избивать ногами и прикладами.

Во двор школы въезжает и останавливается помятый и простреленный минибус с зияющим широким дверным проемом, самой двери нет.

На полу салона лежит Юрий.

Сидящий рядом с Юрием нацгвардеец спрыгивает на землю и выдергивает его из машины.

Семерка, избивающий вместе с другими нацгвардейцами пленных, замечает Юрия и направляется, радостный, к нему.

С е м е р к а. А-а! Француз! Тебе повезло — ты попал в хорошие руки! Слово даю — живым ты отсюда не выйдешь! *(Бьет Юрия кулаком в лицо.)*

Сопровождающий Юрия нацгвардеец с силой толкает его вперед.

Юрий упирается в дверь высокого, размером с платяной шкаф, железного ящика, стоящего у стены небольшой деревянной постройки, тут же, во дворе. Это — школьные мастерские.

Нацгвардеец открывает засов на двери шкафа, открывает ее, проталкивает Юрия внутрь и с лязгом захлопывает дверь.

В ШКАФУ. ДЕНЬ

Темнота. Ничего не видно. Рядом, во дворе, шум, крики.

Г о л о с М и р о. Это правда, что вы француз?

Ю р и й. Да, я живу во Франции.

Г о л о с М и р о. И правда, что вы — корреспондент?

Ю р и й. Я ополченец, военкор.

Г о л о с М и р о. Тогда я вас знаю. В Донецке, на площади, вы читали стихи про грача. Я хотел тогда подойти к вам, но... не смог. Заплакал и ушел. А на следующий день я записался в ополчение.

Ю р и й. Так, значит, это я виноват, что вы оказались здесь? Простите, я не хотел... В любом случае, рад знакомству. Юрий.

Г о л о с М и р о. Мирослав. Можно — Миро.

Постепенно из темноты проступают очертания второго обитателя железного шкафа, Миро. Это высокий худощавый мужчина лет сорока, в рваном камуфляже, со следами побоев на лице.

Занимающая треть пространства внутри шкафа железная станина с торчащими из нее железными прутьями позволяет пленникам лишь стоять, и только один из двоих может сесть на пол.

М и р о. Садитесь.

Ю р и й. Спасибо, но если я сяду, то уже не поднимусь. Нога... сломана.

Миро пытается разогнуть торчащие из станины железные штыри, затем снимает с себя камуфляжную майку, накрывает их ею.

М и р о. Вот... Попробуйте. Долго на этом не усидишь, но все же...

Свист снаряда и взрыв. Крики и ругань нацгвардейцев, топот разбегающихся солдат.

Взрывы раздаются все ближе, и кажется, что каждая следующая мина летит прямо в шкаф.

Во всплывающих и уходящих через затемнение меняющихся кадрах — Юрий и Миро, которые пытаются приспособиться к существованию в узком замкнутом пространстве шкафа.

Видно, что Юрию невмоготу терпеть мучительную боль. Наконец он затихает, оседает и замирает в странно изогнутой неудобной позе, уткнувшись лбом в стенку ящика.

ДОНЕЦК. КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДКИ. ДЕНЬ

В кабинет Начальника разведки Барса входит Начштаба.

Барс возбужденно кричит в телефонную трубку.

Барс. ...Как «пули не берут?» Что ты несешь? Да шарахнете этого терминатора из «мухи»[1]!

Выключает телефон.

Начштаба. Что за «терминатор»?

Барс. Да есть тут у нас одна зубная боль!..

Достает из папки листок и бросает на стол перед Начштаба.

Начштаба *(читает вслух)*. «Марк Паславский. Позывной Франко. Американец. Инвестиционный банкир, миллионер... Родился на Манхэттене, в 1981 году окончил военную академию в Вест-Пойнте. Майор полка рейнджеров. По материнской линии — племянник сподвижника Бандеры, бывшего офицера Гестапо, а затем сотрудника ЦРУ Миколы Лебедя, руководившего вербовкой и заброской агентов ЦРУ на Украину. Обучает и финансирует карательный батальон “Донбасс”...»

Барс. ...И понимаешь, этот бандеровец американский, мало того что здоровый — под два метра ростом, так он еще непробиваемый!

Начштаба. Как это — непробиваемый?..

Барс. Ну, слышал? «Пули не берут»! Какие-то специальные броники! Прет впереди танков! Ну, зомби, блин!

[1] «Муха» — реактивная противотанковая граната РПГ-18, принятая на вооружение Советской армии в 1972 году.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. УТРО

Нарастающий свист, взрыв. Взрывом подбрасывает шкаф.

В ШКАФУ. УТРО

Юрий открывает глаза, стонет. Пауза. Свист...

Миро. Это еще не наша...

Взрыв. Снаружи раздаются крики, стоны, ругань, звук моторов машин.

Голоса. Франко! Франко убили!..

Юрий выглядывает во двор через пробитую осколком дыру в шкафу.

Мимо шкафа нацгвардеец проносит каску Франко с крупными буквами NY, с плавающими в крови мозгами.

Юрий. Неплохо день начинается...

Лязг открывающегося засова шкафа.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. УТРО

Двое нацгвардейцев открывают дверь шкафа. Один из них — Жердь — тычет в Юрия, затем в Миро железным прутом.

Второй нацгвардеец, со свастикой на рукаве, хватает их за одежду и выволакивает из шкафа, бросает на землю, пинает ногами.

Жердь бьет несколько раз лежащих на земле пленников железным прутом.

Жердь. Ну, суки, конец вам пришел!

Голос Филина *(громко)*. Жердь, гони их в мастерскую.

Жердь. Вставай, се́пары, пошли.

Юрий не может встать. Миро помогает ему подняться и почти тащит его на себе.

Подгоняемые пинками и железным прутом, Юрий и Миро кое-как добредают до входа в класс труда, находящийся рядом, во дворе школы.

КЛАСС ТРУДА В ШКОЛЕ. УТРО

В классе с верстаками и установленными на них тисками — пять ополченцев из «газели», в одних трусах, и человек десять нацгвардейцев с автоматами, в полном боевом снаряжении.

Трое нацгвардейцев держат к о м а н д и р а г р у п п ы с приспущенными трусами у верстака, на котором, в тисках, зажата его мошонка. Тут же, у верстака, стоит один из пленных — Х у д о щ а в ы й.

Ф и л и н *(Худощавому)*. Крути, се́пар! Крути, мразь! Або пальці отрублю!..

Филин хватает руку Худощавого, прижимает ее к верстаку и замахивается топором.

Ф и л и н. Крути, падла! Або ти зажимаеаш йому яйця — або я тобі пальці отрубаю! Решай, падла! Яйця або пальці! Яйця або пальці!..

Х у д о щ а в ы й *(в ужасе)*. Я не могу...

Филин опускает топор на руку Худощавого, нажимает на топорище, на пальцах ополченца выступает кровь.

Ф и л и н. Крути, ватник!

Худощавый затравленно оглядывается, берется за ручку тисков, начинает медленно ее поворачивать.

Командир взвывает от боли, пытается вырваться, но трое нацгвардейцев крепко его держат.

Худощавый инстинктивно останавливается.

Филин вновь замахивается топором.

Г о л о с М а й о р а. Прекратить!

В дверях стоит М а й о р.

Худощавый рыдает и падает на колени.

М а й о р. Прекратить! Филин, что вы делаете?..

Ф и л и н. Те, що не додилал слабак Гітлер — чищу рідну Україну від цих ублюдків.

М а й о р. Я сказал, прекратите! Пленных по местам. Этому *(кивает на Командира)* найдите фельдшера, пусть посмотрит.

Видит окровавленную руку Худощавого.

И этому пусть руку перевяжет.

Нацгвардейцы освобождают из тисков глухо стонущего командира.

В ШКАФУ. ДЕНЬ

В шкафу Ю р и й и М и р о. Снаружи слышатся голоса, шум машин, редкие выстрелы, далекие взрывы.

М и р о. Знаешь, мне легче, чем тебе, — меня никто нигде не ждет, и никто по мне плакать не будет.

Ю р и й. А жена?

М и р о. А жены нет. Есть одна женщина, которую я люблю, но она никогда со мной не будет.

Ю р и й. Она замужем?

М и р о. Нет. Просто она меня не любит. Поэтому я и уехал из Словакии. Бродил по Европе — жил в Англии, в Италии, работал каменщиком, шофером, плотником...

Начинается артобстрел. Приближающийся свист мины.

М и р о. Это не наша.

Звук взрыва. Снова свист, переходит в громкий визг.

М и р о. Ой-ой-ой!..

Взрыв, очень близко от шкафа, шкаф сотрясается, на Юрия и Миро сыпется откуда-то земля, все пространство в шкафу заполняется пылью.

Юрий сидит на станине, вжимаясь спиной в железные прутья.

Широко открытые глаза Юрия. Он смотрит сосредоточенно куда-то вверх — как бы прося кого-то о чем-то очень важном...

Новый снаряд разрывается почти вплотную к шкафу.

ВИДЕНИЕ ЮРИЯ

Шкаф подбрасывает вверх. Он падает набок, у него отрывается днище.

Школьный двор. День

М и р о выкатывается из ящика. Следом выбирается Ю р и й. Вокруг взрываются мины, снаряды. Дым, пыль, гарь. Во дворе — никого. Недалеко стоит знакомая «газель» ополченцев.

Ю р и й. Сможешь?

М и р о. Да.

Миро помогает Юрию добраться до машины...

В машине в замке торчат ключи...

Миро заводит машину, она резко срывается с места и вылетает со двора школы.

Дорога в поле подсолнечника. День

«Газель» спускается с холма, где осталась школа, и мчится по дороге вниз.

За спиной беглецов не прекращается артобстрел холма, но они уже вырвались за пределы огня и мчатся навстречу свободе.

Яркое солнце золотит огромное желтое поле подсолнечника...

Нарастающий, до оглушающего, свист переходит в визг.

Снаряд — взрыв — машину разносит в клочья. Темнота. Тишина.

Голос Миро. А вот это уже наш... *(Пауза.)* Юрка, ты жив?..

КОНЕЦ ВИДЕНИЯ ЮРИЯ

В ШКАФУ. ДЕНЬ

Юрий полулежит на своих железных штырях, глядя в потолок шкафа.

Миро. Юрка! Что с тобой?..

Юрий не отвечает.

Артобстрел прекратился. Слышны редкие выстрелы вдалеке.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. ДЕНЬ

Нацгвардейцы выгоняют из здания школы пятерых пленных ополченцев, ставят их к стенке школы. Из одежды на пленных — только трусы.

Шестеро нацгвардейцев становятся в шеренгу перед пленными и вскидывают автоматы.

Филин. Готовсь! По врагам Украины — огонь!

Раздаются автоматные очереди.

Пули дробят стену над головами ополченцев.

...О, один таки обоссался!

Тычет пальцем в обмочившегося от страха Худощавого.

...А теперь на четвереньки и — бегом по кругу.

Нацгвардейцы пинают ополченцев ногами, гонят их по двору на четвереньках.

...А теперь громко: слава Украине!

Пленные *(хором, вразнобой)*. Героям слава!

Филин. Еще громче! «Украина понад усэ!..»

Пленные. «Украина понад усэ!..»

Тех из пленных, кто делает это недостаточно громко, нацгвардейцы пинают ногами в тяжелых берцах, бьют прикладами.

Жердь и нацгвардеец со свастикой направляются к шкафу.

Жердь. А с этими че? Все вокруг раздолбано, а шкаф — целехонек! Так они и нас переживут!

Нацгвардеец со свастикой. Да расстрелять их, и все дела!

Жердь. Куда ты спешишь? Вон, в Попасной, посадили на танк сепаров, седого и девчонку, и бросили на свои же пули... Седой-то — хрен с ним, а вот с медсестричкой поспешили: с ней бы еще ребята повеселились!

В ШКАФУ. ДЕНЬ

Ю р и й внимательно вслушивается в разговор охранников.

Г о л о с б о е в и к а с о с в а с т и к о й. Ну ты сравнил: медсестричку — с этими уродами! Да если бы сейчас в шкафу эта Настенька была — уж я б ее поохранял!..

У Юрия на глазах слезы.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР. ДЕНЬ

Б о е в и к с о с в а с т и к о й. ...А с этих — что толку? У-у, суки! Не, дай я им щас в шкаф — гранату, и звиздец, и мы свободны!

Ж е р д ь. Нет, ты не рубишь! Весь интерес-то: чтобы их — свои же!.. Давай так... Если за сутки их сепары не расхерачат — ставлю пузырь!

Свист летящего снаряда. Нацгвардейцы убегают в бомбоубежище.

ШКОЛЬНЫЙ ДВОР/В ШКАФУ. НОЧЬ

Светит яркая луна. Во дворе необычно тихо. Не слышно свиста мин, взрывов снарядов.

Изредка слышны далекие одиночные выстрелы.

У шкафа на земле сидит М а р к с автоматом.

Подходит М а й о р.

Марк поднимается с земли.

М а й о р. Открой.

Марк отодвигает засов, открывает дверь шкафа.

Майор оглядывает пространство внутри шкафа. Качает головой.

М а й о р *(Юрию)*. Да... не сиделось вам во Франции. По-хорошему — вас нужно, конечно, расстрелять...

Ю р и й. Хорошо, только сначала вы не могли бы принести пустую пластмассовую бутылку — очень нужно.

П а у з а. Майор кивает Марку, тот закрывает дверь. Майор уходит.

М и р о. Ты это, не слишком — с бутылкой?

Ю р и й. Может, и слишком. Только терпеть больше не могу.

Гремит засов, дверь открывается.

Майор протягивает Юрию пластмассовую бутылку.

Ю р и й. Спасибо.

М а й о р. Вас кормили?

Ю р и й. Нет.

М а й о р. Ладно. Я пришлю кого-нибудь.

Марк закрывает дверь шкафа. Майор уходит.

Звонок мобильного телефона.

Марк задвигает засов на двери шкафа. Достает из кармана телефон.

М а р к. ...Та не, Илонушка, я не тикав от тебя сюда. Просто тогда, когда мы с тобой поссорились, я пошел до хлопцев, а они в ту ночь решили вступить в батальон. И меня позвали... Та не, Илонушка. Я уже не могу вернуться...

Продолжение следует.

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008—2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжаются споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем! Всем спасибо за первые отклики!

Эрнст Теодор Амадей Гофман. «Золотой горшок: сказка из новых времен»

Может быть, 240 лет — для кого-то это и много. Только вряд ли для Гофмана. Потому что Гофман придумал Гофмана. Потому что Гофман придумал гофманиаду. Вне хода часов. Вне границ. И вне материков. Он не умел читать по времени и пространству. Он не умел писать по времени и пространству. Маг или сказочник? Волшебник или фокусник? Старина Гофман. Он умер в 46 лет. Жить бы да жить. Не получилось... В этом году Эрнсту Теодору Амадею Гофману исполнилось бы 240 лет...

Немец Гофман, которого после смерти и забвения миру вернули (как часто было и будет) русские. «Наш» немец Гофман умудрился родиться в Кенигсберге (Калининграде). Так что вместе с Кенигсбергом Россия присоединила и Гофмана. Справедливо присоединила. Немцы всегда (мягко говоря) его недолюбливали. Он был им непонятен. «Не как все...» Волосы торчком. Поношенный фрак. Подпрыгивающая походка. Робкий взгляд и зловещая усмешка. В минуту — тысячи слов, и — полчаса гробового молчания. Вежливые жесты и грубая шутка. Человек-контраст. Безумный, хотя «у себя на уме». За его спиной сплетничали, перешептывались. И крутили пальцем у виска. Он так не был похож на них, на этих самодовольных невежественных филистеров. Этих лицемерных ханжей. Ох, как им доставалось от Гофмана в его гениальных творениях!.. И они не преминули отомстить. И на надгробном камне писателя сделали надпись с не очень скрытой могильной иронией: «...он был одинаково замечателен как юрист, как поэт, как музыкант, как живописец». «От его друзей». Юрист — на первом месте!

Хотя Гофман действительно был отличным юристом. Справедливым. Ему удалось помочь многим подсудимым, репрессированным властями под пред-

логом борьбы с демагогами. Но все же в историю он вошел как блестящий писатель. А надпись — «от его друзей» из судебного департамента, который он всегда ненавидел, — вообще веет издевкой. Учитывая, что незадолго до смерти писатель подвергался судебному преследованию. За сатирическую сказку «Повелитель блох», в которой высмеял и обличил юридическое крючкотворство председателя особой комиссии. Сказку запретили. Было заведено «дело Гофмана».

В историю культуры вошел беспрецедентный по своей жестокости допрос гения на смертном ложе. За несколько дней до кончины... Так что от тюрьмы Гофмана спасла смерть... А вот от сумы... От сумы мало что спасало Гофмана. Похоже, правда, что «черт на все может положить свой хвост». А про чертей Гофман знал как никто другой. Нет, он не водился с ними. Совсем наоборот. Просто «я похож на детей, родившихся в воскресенье: они видят то, что не видно другим людям». А дети любят по вечерам, в темной комнате, пугать. Закатывать глаза, сдвигать брови и протягивать ручки: «У-у-у!..» «Ой, как страшно!» — в ответ врут им взрослые. А по-настоящему страшно лишь детям. Потому что они видят то, что не видно взрослым. Воображают то, что взрослые уже не способны вообразить. И сочинить, и придумать, и довести до абсолютного совершенства эти фантазии. И написать. Золотым пером. Вернее, вообразив, что перо золотое. И золотые буквы легко ложатся на пергамент. Контраст. Двуликость. Двойственность. Двусмысленность? Дуализм?.. К чему так склонен был Гофман.

Он пугал по-своему. Он был изящен и виртуозен в своем стращании. Слишком талантлив. Поэтому его произведения переливаются переменчивым светом. Хотя за окном — только ночь... Это и называется — жизнь. Она единственная могла напугать Гофмана. Жизнь, от которой он всю жизнь бежал. В Атлантиду. В мир собственных грез.

Интересно, как бы сегодня Гофман отметил свой юбилей? Наверняка по привычке. Заглянув вечерком в свой излюбленный погребок Лютерна и Вегнера. Правда, модернизированный — но это его не испугает. Он сам кого хочешь может напугать! 240 лет? Подумаешь! Его некоторые персонажи вообще живут вечно. Он сам умер в 46? Трагедия! Зато меньше трагедий на его долю. Гофманиада? Быть может... Нет, Гофмана ничем не запугать. Его привилегия — запугивать других. Сам он ничего не боится.

Памятник Гофману и коту Муру в Бамберге

Поэтому, по законам гофманиады, он сядет в свои 240 на привычное место, на деревянную лавку. Закажет еще, потом еще и еще искристого фирменного вина. Скользнет взглядом по картинам местных художников. (Неужели потом некоторые из них будут стоить миллионы?! Наверняка бы стащил хоть одну из них.) По знакомому буфетику. (И он тоже?) И, наконец, по-гофмановски, демонически усмехнется. Или также, по-гофмановски, ласково улыбнется... (А ведь так же любил посидеть и его обожаемый Моцарт! Да, Гофман даже изменил имя Вильгельм на Амадей! Все — из-за Моцарта! Страсть к музыке — от Моцарта! А на могиле — имя Амадей не указали! Вот уж этот судебный департамент. Его бы судить... А как композитор он вообще творил под псевдонимом Иоганн Крайслер. Зачем? Чтобы запутать историю?..) Гофман выпьет залпом искрящееся вино. И что? Что там, позади, за окном? Вечером. В Германии. Его судьба? Безотцовщина? Ненавистное служение судебным чиновником? Наполеон? Судьба его родной страны? Его родного города (который гораздо позже окажется в России)?.. За окном — молчаливый народ, трусливые политики и церковная реакционность. И его бесконечная «сума», от которой, впрочем, он и не зарекался. «Это было как раз в начале пережитого нами рокового времени, когда я считал свою жизнь, посвященную искусству, разбитой и погибшей навсегда, и мною овладело глубокое отчаяние...» И вновь — «тюрьма», где он должен служить юристом... Но где же, где же Моцарт? Нет, он мысленно не покидал Гофмана. Вот она, сочиненная Гофманом опера «Ундина» — 20 великолепных премьер! И потом — сгоревший театр... Гофманиада.

Гофман — из маленьких людей. Это не ирония. Просто он сознательно хотел быть среди них. Маленьких, гордых и талантливых. Может быть, раздавленных жизнью. И искусством. Но, никогда, никогда свою жизнь и искусство не продающих. Может быть, поэтому в его творчестве так гармонично сочетаются и красота, и уродство. И здравый смысл, и безумие... Пожалуй, родись он век назад — его сожгли бы на костре. Впрочем, его готовы были сжечь и после смерти.

Его спасла Россия. Его любили и по праву ценили. Если и существует гамбургский счет — то он только в России. И на свой юбилей Гофман, не раздумывая, пригласил бы в первую очередь наших, русских. С ними бы он нашел общий язык. Белинский громогласно назвал бы его «одним из величайших немецких поэтов, жи-

вописцем внутреннего мира». И, потягивая шипучку, удивленно заметил бы: «Отчего доселе Европа не ставит Гофмана рядом с Шекспиром и Гете?..» Достоевский, перечитавший всего Гофмана на языке оригинала, воскликнул бы: «Потрясающе!» А потом бы побежал писать своего «Двойника». Самый великий «возвращатель» Гофмана — Чайковский — непременно бы выпил с автором «Щелкунчика» на посошок. Да и вообще, Гофмана обязательно пришли бы поздравить и Жуковский, не раз с ним встречавшийся в Берлине. И Пушкин, у которого на книжной полке стояло полное собрание сочинений Гофмана на французском. И Гоголь, и Герцен, и Чернышевский, и Андреев, и Булгаков... С нашими бы он с удовольствием пофилософствовал в винном погребке... Там, где ночь за окном. А впереди... Точка. Когда всего лишь 46 лет... А после 46 — аж 240... Ведь это — Гофман.

Он не любил гулять по ночам. Ему непременно казалось, что его персонажи материализуются. Выскочат со страниц книг. Которые он написал дерзко, вдохновенно, лукаво. И что они с ним могут сделать? Знает лишь сам Бог... Или сам черт... «Кавалер Глюк», «Дон Жуан», «Щелкунчик», «Песочный человек», «Крошка Цахес», «Кот Мур»... Впрочем, разве что кот Мур не обидится. Обожаемый Гофманом кот Мур, которому он и посвятил свое последнее произведение.

А еще Гофман знал тайну «Золотого горшка»... В самом названии одного из лучших его произведений скрыта отчаянная ирония. Отчаянный сарказм. Отчаянное отчаяние. Не верьте золоту. Которое всего лишь может оказаться горшком... И продолжение названия: «сказка из новых времен». Вера в сказку — вечна. А новые времена всегда наступают потом. Завтра. Значит — никогда. Значит, они — всего лишь мечта...

Обыкновенный Дрезден. Обыкновенные улочки. Обыкновенные немцы. Все настолько обыкновенно, что необыкновенное неизбежно. И там живет Гофман. Точнее, его герой. Студент Ансельм. Недотепа, неудачник, недо... Из тех, у кого бутерброд падает непременно масляной стороной. Мир законченных романтиков и законченных мещан. Мир прозы и поэзии. Гармонии и хаоса. В общем, мир сторонников музыки и противников ее. Впрочем, такой обыкновенный мир... Ансельм этот мир не понимает и не принимает. Но этот мир, не понимая его, заключает в свои объятия. И это ужасно. Кто хочет сделать миру хуже — забирает лучшее...

Ансельм безволен, слаб. И жизнь его кружит в вихре волшебных событий. То поднимая вверх, к небу и звездам. То безжалостно бросая на землю... Автор подтрунивает над ним. Иногда грубо смеется. Но при этом сердце автора сжимается от боли и сострадания. Потому что он сам такой — Гофман. Потому что он знает, как необыкновенно тяжело вырваться из двуликости мира. И обрести гармонию. Для этого нужно быть необыкновенным... За душу Ансельма борются темные силы и светлые. У него есть выбор. Стать надворным советником. Жениться на Веронике, предел мечты которой — менять наряды и кокетничать в окне с проходящими франтами. Как прозаично! Но Гофман не был бы Гофманом, если бы этот продажный, примитивный мир не приравнял ко злу. Тут-то и возникает страшная колдунья — няня Вероники, которая помогает ей овладеть сердцем Ансельма. Тонкая аллегория: ведьма-няня, воспитавшая законченную мещанку. Мещанство по Гофману — это категоричное зло. От него — все пороки... Но светлые силы тоже волшебны. Это архивариус Линдхорст, князь саламандр, придумавший свою Атлантиду, потому что ее не придумала жизнь. Атлантиду, где можно спастись чистым натурам. И в его дочь Серпентину, золотисто-зеленую змейку, влюбляется Ансельм. И любовь эта возвышает его, пробуждает в нем абсолютно детскую веру в чудеса.

И как замечательно заканчивается сказка! Добро побеждает. Влюбленные женятся. Но! Это — старина Гофман. Он любит подшутить, похихикать и лукаво подмигнуть... В приданое Ансельм получает золотой горшок. Символ мещанского счастья. Который вот-вот примирит его с будничной жизнью. Потому что новые времена будут потом, потом. Ведь не все золото, что блестит. Так не все ли равно? Если мечта заканчивается горшком, даже пусть золотым... Если Атлантида так и останется всего лишь мечтой...

Проза Гофмана необыкновенна. Он сделал невозможное возможным. Он синтезировал три вида искусств, в которых легко разбирался. Его проза — это одновременно стихи, живопись и музыка. Гофман — новатор. Революционер. Он сотворил неведомый в мировой литературе оригинальнейший стиль — музыкально-живописно-поэтический.

«Жизнь — ужасная игра мрачных сил», — любил повторять Гофман эту сентенцию на все лады в своем творчестве. По Гофману, искусство — это трагедия. Художник — мученик. Отверженный и прокаженный. И в то же время: «Кругом благоухали цветы, и их аромат был точно чудное пение тысячи флейт, и золотые вечерние облака, проходя, уносили с собою отголоски этого пения в далекие страны...» Он мог себе позволить так написать. Потому что в своей жизни познал трагедию и комедию. Прозу и поэзию. Драму и фарс. Романтику и филистерство. Он мог позволить себе романтику сделать фарсом. Фарс — трагедией. Трагедию — волшебством. И это уже не сказка. А нечто большее. Когда в конце стоит вопросительный знак. Для всей нашей далеко не сказочной жизни... Гофман все-таки победил в игре «мрачных сил» с помощью пения «тысячи флейт». Впрочем, как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

Александра ГЕРАСИМОВА

Александра Герасимова родилась в 1987 году в Томске. Окончила факультет иностранных языков Томского государственного университета по специальности «преподаватель иностранных языков и культур». Поэт, предприниматель, преподаватель английского языка, англоязычный переводчик. Публикации в периодических изданиях: «Сетевая словесность», «45-я параллель», «Новая реальность», «Русский переплет».

Мнимая лампада в ладонях путника

Поэзия — тонкая мембрана, подобная пластинке стрекозиного крыла, по жилкам которой нектарным соком протекают время и пространство. Она есть клокот и гул, сменяемые то колоколом слова, то болью немоты. В ней столь же мало телесного, сколько способна вобрать дождевая капля, не изведавшая земли, сколько уместилось бы в полете пера, оброненного птичьим крылом, сколько известно тающему к рассвету инею. Она много больше всего, что есть, и много безутешнее того, чего быть не может. И как бы ни был близок шаг к ее предбожьей кромке, безбожно скуден и худ всякий охват человечьего зрения, слуха и духа, поэзия — море, в котором зародилась жизнь, ноющее и болящее своей раненностью вечность за вечностью. Белая пороша нетореного пути. Мнимая лампада в ладонях путника, принявшего беспроглядность как веру.

Александра Герасимова

* * *

остынь в садах горючая рябина
о первом снеге горлица отпой
прими покой как богоматерь — сына
нагорный непокорный ледостой
лети мой вспорх стрелой из подреберья
сверкая смертолезвийным крылом
к ненареченным землям безземелья
к зиме за амальгамовым стеклом
перелетите ласточки три моря
на крае света свейте три гнезда
в одном родите дочь в срединном — горе

а в третье пусть слетит с небес звезда

и заживите темнокрылым миром
и не покройте снежности листа
когда на ней надкровленным пунктиром
рябиновая гаснет красота

* * *

безмолвность губ по-зимнему бела
вздрог слова ищет теплоты скворечной
на переплет ольховый остроплечий
медвяность воска льют колокола

ожог рябинный стынет у ручья
по ряби путь прокладывает солнце
и в отсвет водный как в слюду оконца
все смотрится синичья толчея

некрепок лед, проталин топь тепла
под стежкой шага снег очеловечен
как птичий след несытен и невечен
предзимний слог моей коснется речи
и ляжет тишина белым-бела

* * *

не обмани одичалой веры
на тонкокрылый не стань ледок
когда сочится побагровело
надрезом ягод рябинник строк
не отступи от приплечной тайны
не отведи снегопад крыла
пуховой снеженностью латай мне
снегирьи выстрелы добела
не оброни полных вод купели
предвосхити колыбельный крен
там где рукой твоей полог стелен
мой рай и плен

* * *

мне тебя отвоевывать
у берегов земных
сцеливать окольцовывать
мертвенность чернозевую
взорванной бороны

мне тебя выговаривать
в ночь четырем ветрам
предупреждая зарево
порохового варева
стынущего к утрам

мне тебя перекликивать
трижды на голоса
чтоб не сулила лихого
хворь тебе темноликая
глядя глаза в глаза

мне тебя убаюкивать
в ангеловой люле
чтобы во сне аукала
ночь тебя белорукая
святая на земле

мне тебя пересказывать
с чьих-то срывая губ
смаливать черноглазую
горлицу-недосказанность
мне с тобой жизнь и казнь на
сожженном берегу

* * *

стучало о кружку ложечкой
звенчание тишины
плыла по синели лодочка
рожденной на свет луны
мелькали в прудах кувшинково
бутончики первых звезд
в глуби утопал до щиколоток
тишающий к ночи плес
такая стояла крошечность
так струнка была тонка
что падал сухой горошиной
в беззвучье смычок глотка
и мы превращались в деревце
и ветвь находила ветвь
и щедро молола мельница
небесная лунный свет
и мы становились совами
и вили венок гнезда
и в дом наш входила новая
парная еще звезда
и нас укрывала бременно

лиловая топь реки
и знали мы
струнка целена
пока не отнять руки

* * *

и на просторах моей ладони
и на краю моего глагола
цвети отчаянностью бегоний
полукустарно и однополо
звучи звени как над темью моцарт
переливайся за край живого
пока мое не потухло солнце
пока луна не отпела слова
и не прервись на разверстом вдохе
в ледовом не оступись беспутье
пока пылает моя эпоха
пыльцой и ртутью

* * *

прожилками за меловой мембранкой
сереневеет светлячок-висок
и надо мной чудные чужестранки —
две бабочки две стати две осанки
кружатся и слетает терпкий манкий
в мои ладони золотой песок

Степан МЯННИК

Продолжение. Начало в № 5, 6, 7, 8, 9 за 2016 год

Дрейф Айсберга[1]

Повесть

Иллюстрации автора

А путешествие только началось, и якорь еще ни разу не достиг дна. В Карибском море медленно плелась луна, пытаясь сравниться со скоростью делавшего свои последние узлы лайнера. Под капитанским мостиком, практически на носу корабля, сидел Дов Гершон. Он разместил там своих дорогих гостей: доктора Джастина Френда, капитана из прошлого и уже криминального копииста, востребованного сегодняшним черным рынком искусства. Остальным членам семьи не досталось должного внимания, кроме бесплатных напитков и верхней палубы, где бурлящая вода подогревала их тела.

Доктор Френд был необходим в роли основного проводника, дабы энергетическая связь дала искру, сулившую всем выгоду. Тут он находился между своими дорогими пациентами, приносили они одинаковую прибыль: у двоих были несомненные проблемы с психикой. Генри был похож по своему характеру на Дова, порожденного жестоким духом к авантюрам. Однако беглый олигарх являлся живым. Мистер Айсберг становился все более необходимой фигурой, но все-таки нужно было познакомиться с ними обоими, что привело Дова в недвусмысленный восторг, так как видел он в этом недуге исключительно положительные характеристики для своего предложения. Ознакомившись с талантом Мартина и его работами, которые висели по музеям Великобритании, ему хотелось узнать особенности его дальнего родственника. В Генри он нашел своего кровного брата и соратника по траектории мыслей — это был один и тот же человек, живущий в одну и ту же эпоху. В России время растекается очень медленно за счет холода и бескрайней территории. Оба находились в состоянии глубочайшей скорби по поводу утраты могущества былых империй, откуда они были родом, так те времена ассоциировались с периодом, когда их страна имела мнение, которое являлось единственным. Простонав от одинаковой боли, они начали томно дышать от общей страсти — к авантюрным приключениям, а именно к элегантным преступлениям с печатью безобидности. Дов знал, какую именно картину хотели Айсберги, находясь в неведении о координатах, таящихся внутри холста, а те знали о слежке за счетами и желании продолжать бизнес списанных вертолетов в восточные страны в обмен на искусство. В этот раз умения Мартина копировать работы не находили столь сильного применения, как обычно. Нужны были только его глаза, способные найти по-настоящему ценные оригиналы из музеев, и умение Генри проявлять лидерские качества и сноровку, пускай и в бренном теле своего потомка, дабы извлечь ценные экспонаты из музея. Риск отсутствовал, пока присутствовала справка от врача, с которой можно было поделиться с любым способным отнять у мистера Айс-

[1] Публикуется в авторской редакции.

берга свободу и тягу к прекрасному. С диагнозом о раздвоении личности даже сам преступник может дать показания, но его могила окажется неизвестной, просто он орудует от другого лица. Можно было зайти на самую темную сторону и остаться сухим, обмотавшись столь уважительной причиной. Заходить далеко не было необходимости — все так же красиво умещались на ладони, как и луна, уже поравнявшаяся с носом корабля, а между ними плескались дельфины с двумя сознаниями. Идея была окрашена в самые романтические цвета: ограбить Музей искусств, вырученные картины повесить у себя на стене, а остальными расплатиться за вертолеты, пока деньги в банке испытывают штиль. Мартин будет выбирать наиболее ценные предметы живописи, пока Генри произведет тщательный осмотр здания и выработает алгоритм действий. Дов Гершон предложит своих охранников. Как только мистер Айсберг передаст украденную коллекцию, Дов отдаст картину, на которой стоит подпись забытого Айсберга и, возможно, координаты места, где лежат золотые слитки. Все это делается ради денег, но это только одна причина, основным блюдом является кровь, пузырьками лопающаяся в горле, и содержимое желудка, в котором теряется гравитация и все поднимается вверх, а потом немеет, — ради этого острого ощущения азарта можно забрать достаточно ценных вещей.

Пока мужья рассуждали об искусстве, их жены разглядывали друг друга. Венди была удивлена неожиданным переменам в жизни мужа, что это не мешало ей завидовать его успеху. Она не знала правды, в отличие от жены Дова, так как не знала ни любви, ни прелести помолчать вдвоем. Ей сказали, какой-то богач шел в парк купить сосиску в

тесте, как вдруг наткнулся на безвестного мастера, отдававшего свои произведения по схожей цене. Потом начались заказы — и вот теперь дорогой муж обсуждает очередную копию. От таких новостей взгляд на вещи у нее перевернулся подобно камню в траве: наверху была бесплодная грязь, на дне — жизнь, кишевшая быстро прячущимися насекомыми, питавшимися скопившейся влагой. После этого сдвига она с обгоревшими на солнце щеками рассказывала жене Дова о своих страданиях и преданности делу своего горячо любимого мужа, так как любовь в талант может существовать лишь в состоянии бесконечности. Моментально были выдуманы трагические истории по поводу ее суицидальных наклонностей, ведь она питалась в основном долголетней надеждой о будущем, где горячие лучи солнца наконец достигнут замороженных просьб и будет получен столь необходимый для жизни загар. О своих воспоминаниях она вещала громким шепотом, почти взахлеб и в то же время с проникновенной открытостью — именно так жена Дова распознала ложь, ведь ее муж имеет похожую привычку, когда речь идет о деньгах. Поэтому вместо обвинений пришло время самопожертвований: Венди будто шла всегда рядом и обнимала мужа своими ладонями в трудные минуты. Отныне для нее было честью содержать свою любовь. За этим доброжелательным тоном и излишне сочувственными откровениями не составляло труда заметить завистливую сплетницу. Такой можно открыть душу — она все равно направит свет на себя под знаменем правды на декоративном коне. Людей с открытым сердцем миссис Брикс превратит в небрежный рисунок на картонной декорации, выкинув их в безлюдную оркестровую яму. Все должны в ее жизни превратиться в исключительно ее инструмент. Это было грандиозное и просчитанное шоу, но только для зрителя, никогда до этого не посещавшего театр. Сама она совершенно позабыла, что взошла на сцену опустевшего после настоящего спектакля театра, где обитала исключительно в качестве кассира. Настоящие актеры смеются над ней во весь голос, заглушая смех громкими аплодисментами.

В ответ жена Дова решила скрыть истинное лицо своего мужа, пряча его маску лидера и боевой грим, нанесенный визажистами из телевизионных программ. Пребывать в спокойном состоянии у себя дома он привычки не имел, подобно лисе он прислушивался к каждому движению ветра в поисках сквозняка. Бесконечная суета была для него комфортной зоной — энергия, которую он демонстративно тратил на свою семью. В домашних условиях, скрытый от постоянных позывов де-

монстрировать свой контроль, он хотел, чтобы контролировали его. Здесь он проявлял реактивную готовность к компромиссам и уступчивость. Такое поведение чрезвычайно удивляло посторонних, особенно охрану. С утра они наблюдали его в офисе, угрожающего расправой какому-то чиновнику, обедал в изысканном ресторане с партнером, который тоже любил покручивать глобус в своих руках, окруженный циничными ценами в меню и подплясывающими на одной ноге официантами вокруг. С таким же цинизмом обсуждали они очередной закон, побуждающий еще несколько миллионов людей шагнуть за порог бедности, а на ужине можно было лицезреть отца, расплавленного от внимания обнимающих его.

Так проходили скромные рождественские каникулы Айсбергов, пока их планы на будущее не воспарили вверх, ибо ветер понес их сквозь океан назад, в Лондон.

* * *

Сара уехала позже и приехала на день раньше остальных, а значит, Сэм был неподалеку. Поздно вечером он подошел к ее дому — окна горели на первом и втором этажах, где находилась ее комната, — он искал тени, хотел удостовериться, что она была одна, так как в противном случае не пошел бы к ней. Он стоял возле мусорных баков, продолжая смотреть. Вот появилась тень в комнате Сары — она помелькала около окна, черты усваивались глазом издалека как знакомые. Больше теней видно не было. Убедившись, что никого нет поблизости, он засунул под дверь ее открытку с портретом Моны Лизы — она должна понять его стиль. Перейдя дорогу, он оказался вновь около мусорных баков и продолжал смотреть на ее тень. Через несколько минут подъехала машина, чтобы забрать мусор, прямо к его месту слежки, и начала на всю улицу гудеть. Это разбудило соседей и привлекло Сару, так что шторы открылись, и она посмотрела прямо в его сторону. Нельзя было дать себя распознать, одежда его одинакова — вся надежда была на тусклый от пыли фонарь и рабочих, укладывающих контейнеры в машину. Он смешался с рабочими, жестикулируя и усиленно делая вид, что руководит процессом. Рабочие его не заметили, так же как и Сара, превратившись вновь в тень. Так он и ушел.

Она не прокомментировала его скромной посылки под дверь, и он так и продолжал молчать в ожидании, что их отношения опустятся на более низший уровень, уподобившись обычным людским. Утром он проснулся с мыслью, истязавшей его мозг, о Саре, так как терпеть больше не было сил — слишком надолго эта история затянулась. Возможно, она даже не представляет о его чувствах, возможно, она ждала тех самых слов, так как гордость не позволяла сказать их первыми. Так прошел целый день в поисках плана, как именно сделать это красиво, а поздно вечером он отправился вновь к ней. С привычного «мусорного местоположения» было видно, что она одна. Возможно, если бы он увидел чужой силуэт, можно было бы объяснить, откуда веет таким холодом. И тогда он долго стоял у ее двери с пальцем у звонка, пока наконец не дотронулся до него. Пауза. Она открыла дверь, обомлела от неожиданности и улыбнулась, а затем пригласила его войти. Там она сидела, укутавшись в плед, и смотрела фильм про куртизанку, которая влюбилась в своего пациента.

— Тебя это смущает? — со смехом спросила она.

— Вовсе нет, — ответил он в смущении.

Она продолжала смотреть фильм, пока Сэм готовил сам себе чай. Он сел на другой стороне дивана. Он хотел было начать говорить о своих чувствах к ней, но вместо этого начал расспрашивать о сюжете фильма. Она же без конца теребила свои волосы — в каком-то журнале было сказано, что женщины так демонстрируют тайное желание, чтобы до них дотронулись. Сара сидела на расстоянии руки: это означало, что ему пришлось бы привстать и дотронуться до нее — было бы неловко, если б автор того текста написал об этом явлении исходя из своей больной фантазии, а не из суждений квалифицированных психологов. Ему самому не нравилось, когда до него вдруг дотрагиваются, проводят рукой по спине или треплют волосы на голове, а тут он нарушает личное пространство в ее собственном доме — нельзя, чтобы она перестала чувствовать себя в безопасности. Так прошло два часа. Он решил использовать тот же способ, что и в их последнюю встречу. Сказал, что уходит, и попросил закрыть за ним дверь. Встав на пороге, он собирался сказать наконец-то, что никогда в жизни никому не говорил искренне, никогда никому не открывался полностью, так как судьба выбрала ее.

— Я хотел тебе сказать, что люблю тебя. Не знаю, как ты с этим будешь жить дальше. Но все так и есть.

Она выслушала его первое в жизни признание, задумалась на минуту и ответила с едва заметной улыбкой:

— Один философ сказал, что иллюзия есть высшее наслаждение.

С этими словами она закрыла дверь.

Что она имела в виду? Был ли это вежливый отказ или он действительно не имел понятия, с кем разговаривает, и все это придумал, а она лишь пытается продемонстрировать себя в подлинном свете? И что это еще за философ такой? Этот ответ был неожиданным, но ведь он уверен в себе, уверен, что она не иллюзия. Он спрашивал себя, точно ли ее любит, и ответ всегда был один и тот же, а теперь он стал еще более отчетливым. Он не мог представить себе, к какому результату это откровение приведет, но, во всяком случае, ему стало легче, будто снова поговорил с Богом в церкви. На остановке он снова ждал ее, а когда открылись двери все того же автобуса, пришел в недоумение. Утешать себя можно было своим откровением, ссылаясь на ту же статью в журнале, где говорилось, что нужно быть открытым, чтобы обозначить свои намерения. Все больше хотелось посмотреть, насколько счастливы авторы подобных советов. Больше он ей не звонил — теперь никакой тайны его отношения к ней нет. Поэтому он продолжил изучать компьютерные программы.

* * *

Позвонили четыре сестры: от сильного ветра у них унесло крышу. Их веранда стала открытой, а крыша накрыла все цветы. Им нужна была помощь, которую он не мог не оказать им, да и сам был в душе рад помочь — они его сильно баловали и позволяли веселиться, принимали его таким, каким он был, хотя иногда он заигрывался и пребывал в чрезвычайно возбужденном состоянии. В компании он всегда в основном молчал, иногда вставляя свои шутки, но с ними было по-настоящему легко: все внимание было сосредоточено на нем как единственном представителе мужского пола. Беспрестанно звучали комплименты, причем не по какому-то конкретному поводу — просто хотелось выразить все, что накопилось внутри. Этой дружбой он дорожил, несмотря на то, что они жили в той части города, к которой приходилось добираться часами. Но смотреть на их любовь друг к другу и к нему было более чем достойной наградой. Не раздумывая он отправился за нужными материалами и долго оставался в их доме, рисуя чертежи, подбирая похожие по цвету материалы, необходимые для работы, чтобы сделать крышу, вздумавшую слететь, только более крепкие. Пока он стоял на лестнице, сестры подносили ему то гвозди, то кофе, сменяя друг друга. Вся работа заняла больше недели. За это время они все отметили изменения в нем в лучшую сторону: он стал более мягким и ответственным. К сожалению, Сара там не присутствовала, так что перемен не наблюдала. В результате все вернулось на круги своя. Крышу покрасили в тот же цвет, раздавленные цветы сменили на более свежие.

* * *

Пока сестры «строили» новую крышу, Айсберги строили свои планы. Выбран был Тэйт Британ — бывшая тюрьма для самых отъявленных преступников, которых отвозили в жизнерадостную Австралию на каторжные работы. Бывшая тюрьма имела заметную архитектурную особенность: в ней не было окон, лишь потолок в некоторых комнатах был стеклянным, дабы показать картины при натуральном свете. Отсутствие окон не было проблемой, все было намного проще: капитан Генри в обличье закона должен будет постучать в двери перед закрытием в самый час пик и рассказать какую-нибудь небылицу, а в это время охрана Дова вместе обезоружит персонал. Но как выяснилось, план был хорош во всем, кроме одного: с некоторых пор Дов не имел собственной охраны, так как считал их уже не телохранителями, а свидетелями. К тому же были непонятны пути отхода. План отступления нарисовал Мартин Айсберг: у него не было друзей, но у него был поклонник Рон из паба. Он много говорил, распускал слухи, но за его плечами был опыт — внимательность к деталям и скрытность, а также его умение слушать, но молчание можно было обеспечить только за счет

его преданности. Дов не имел возможности доверять некому человеку из паба, но его кандидатура была принята, так как у него лежала особая справка.

Мартин нашел его, выпил бокал сока, выслушал рассказ про старуху, у которой было множество кошек, — от ее квартиры, как и от нее самой, тянулся шлейф кошачьих меток. Потом она пропала на месяц. И когда соседи уже не могли терпеть вонь, они решили взломать замок. Открыв дверь, они увидели кости, обтянутые кожей, лежащие в коридоре, которые тянулись к упавшим на пол лекарствам.

Терпеливо выслушав и ехидно посмеявшись, Мартин предложил доказать Рону свою преданность в виде помощи и переодевания в полицейских. Рон поклялся, что эта информация будет плескаться исключительно за его зубами. Оставалось последнее — пути отхода. Эту дорогу указала сама смерть. Проходя мимо своего дома, Мартин заметил катафалк, который ехал весьма плавно и чинно. К нему проявлялось особое уважение на дороге, так как водители, собравшиеся в пробках, полагали, что это средство передвижения опаздывает. Были приобретены костюмы, соблюдающие закон страны, и костюмы, соблюдающие закон смерти. Оставалось выбрать правильный день и момент.

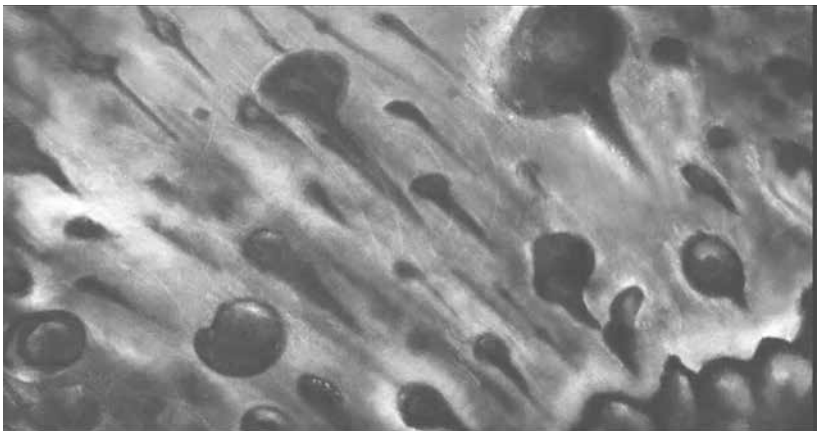
* * *

В это время намечался громкий скандал: дядю Сэма — Лео Лавлока — повысили в должности, и теперь он являлся практически главой отдела по борьбе с подделками искусства Скотланд-Ярда. Отметить столь высокое назначение он решил проверкой. Особенно сильно его внимание привлекло увеличившееся число вдруг найденных картин разных художников — он описал это явление как «великий всплыв». Дядя Лео собрал комиссию, члены которой тщательно изучали работы, соблюдая все меры предосторожности, но к картинам не нашлось ни единого упрека. Именно эта идеальность и заставила изучить дружно всплывшие картины более детальным образом. Он смотрел на холсты, за холсты, сверял даты и, просматривая фотографии, был удивлен красотой женщин и бабушек, которым ранее эти картины принадлежали. Ему захотелось увидеть такую красоту вживую. Некоторые из них ему так понравились, что он даже сделал отдельные фотографии и продолжал рассматривать их как предметы эстетики. Некоторые из них показались ему похожими друг на друга, и он долго рассматривал их, пока не убедился, что на них изображен один и тот же человек.

Культурный мир столкнулся с одной из величайших афер за всю историю: Лео показал, что не зря был повышен в должности, и в свою очередь поднял все вверх дном — перепроверяли каждую подпись, найденную за последние годы. Оказалось, что минимум на двенадцати фотографиях изображено одно и то же лицо женщины, стоящей возле разных картин и одетой в наряды соответствующего времени. Остальные работы Айсберга не могли попасть под сомнение, так как там использовались джентльмены без документов. Теперь Лео смотрел на незнакомку, понимая, что она находится рядом. Проверяли весь путь «всплытия» картин на глаза зрителей, но следы постоянно терялись, так как попадали картины прежде всего с черных рынков: единственной зацепкой было это ангельское лицо, которое покорило Лео. Аукционеры, купившие эти картины, потерпели фиаско — многие из них даже разорились, так как не распознали подделки. Было установлено, что некто делает копии и имеет в сообщниках даму. Преступление было громким, но все расследования заходили в тупик.

* * *

Настал день, потом вечер, последняя пара людей покидала здание. Катафалк стоял рядом с музеем. Полицейские, минуту назад стоявшие рядом с ним, теперь поднимались по лестнице в музей. Охранная система даже сработать не успела, как весь персонал был оперативно связан и нежными ударами уложен па гладкий мрамор — слишком силен был уровень доверия к форме представителей закона. Генри пробежал через главный зал к картинам Тернера: было взято несколько экспонатов, которые отчетливо передавали ощущение воздуха и одновременно умещались в сумку. Операция заняла чуть меньше десяти минут, так как план и цели внутри были подготовлены. Затем оба полицейских спешно вышли из храма искусства и пересели в катафалк, положив сумку в гроб. Они двинулись прямо в сторону остановившегося потока. Увидев в заднем стекле машину с мертвецом, каждый живой уступал место — так они и выехали из Лондона при большом стечении свидетелей. Машину вел Генри — весь последний месяц в теле в основном был капитан, — а Мартин все никак не мог понять, каким образом некоторые из его картин «вскрылись», что эти двенадцать картин объединяло и где он совершил ошибку. Затем ему в голову пришла мысль, что если там



и была ошибка, то она была совершена подсознательно, так как теперь он стал знаменитым. Пусть это будет ненастоящая слава — от своей неуловимости он внутри весь трясся, но он не знал, куда деть весь запал, пока капитан держал руль. От перенасыщения самим собой он залетел назад, на остров, и бил себя камнями, кидался в раскаленную лаву, разглядывая свою безнаказанность и бессмертие в отражении воткнутого им куска льда: он смотрел на свои обожженные конечности — так выражал накрывший его восторг. Воистину он отмечал свой собственный триумф. Теперь хотелось большего: чтоб его имя продолжало сидеть на языках галеристов и на кончиках пальцев журналистов, что восхищаются его умением обманывать всех финансовых копиистов. В глубине души хотелось выйти из этой тьмы и продемонстрировать самого себя, но пока еще было рано.

В загородном доме мистеры Айсберги узнали, что их сделка не совсем удалась, так как картина с координатами перевезена во Францию — на побережье с голубой водой, а человек, который должен был принести картину в срок, слегка задерживался: на пару дней. Компромисс был найден: мистер Айсберг волен держать картины британского художника Тернера ровно до того момента, пока не приедут картины с цветами. Мартин вместе с капитаном оценил такой на удивление честный подход к делу и отдал три картины из семи. Они из рук в руки передавались дипломатам из дальних стран, чей багаж не подлежит тщательному осмотру, ибо лишь особые люди имеют неприкасаемость. Четыре картины пока лежали в сумке на чердаке, а план перехвата уже гремел по всем закоулкам. Рон проводил Айсбергов до дома и отправился спать, устал, да и желудочный сок начал, как нарочно, вырабатываться и поедать самого себя, так что он с особым энтузиазмом желал скорейшего прибытия на место жительства. Очевидно, он не просто любил Мартина — он его обожал и, несомненно, сделает исключение и сохранит тайну. Мистер Айсберг достал одну из картин, так как хотел вплотную изучить передачу света и тени этого художника, чтобы получился воздух. Дома его снова окутало ощущение собственного величия: он был горд, что его до сих пор не поймали. — все его ищут, тратят время, а он сидит тут, у себя дома, и смотрит на награбленное. Пальцы рук начали сильно дрожать, словно он сидел под арктическим ветром. Всю ночь он не мог уснуть и баловал себя новостями об ограблении музея. Говорили, как сильно все желают видеть работы Тернера и как ценны для мира были те самые украденные картины художника. Тут он видел непосредственно лично свою заслугу, выбирал работы именно он. С тех пор Мартин не мог спать: слишком много нужно было о себе узнать, эта бессонница могла доставлять лишь наслаждение.

* * *

С тех пор как ограбление прошумело по всему миру, Лео перестал практически видеть как дом, так и душ — он жаждал отправиться на поиски той позировавшей красавицы, рассматривая пошаговое действие дерзких преступников сквозь пыльный экран для видеонаблюдения. За городом оказалось не так уж и много камер. Отсутствие дяди заметил Сэм Лавлок — сестры слишком часто приглашали его к себе погостить, в то время как сами ни разу у него не были. Он пригласил всех сестер, в каком-то полусне пригласил и Сару — не мог вспомнить, какой предлог он нашел. Потихоньку начали подходить гости, помогая с приготовлением еды. Дольше всех пришлось ждать приготовления картошки — она была упрямой и все еще твердой, но сильнее всего он ожидал Сару. Когда она войдет, он сообщит ей, что эта квартира предназначена для нее, в вариантах были и более пафосные фразы, но он не сказал ни одной. Она вошла, и они обменялись приветствием издалека — на этом общение было прервано, он лишь иногда ловил ее взгляд под видом поиска куска мяса. В такт вращения Земли и смены дня на ночь алкоголь подступил к горлу, и можно было говорить все, что угодно. Он лишь тихо при всех

сказал: «Скоро ты станешь моей». Вопрос мисс Айсберг «Зачем ты мне это говоришь?» озадачил его. Ведь это было так просто и понятно, во всяком случае, для него. Вечер продолжился, и пришла Венди, которую тоже необходимо было позвать, так как ни один вечер не имеет права быть идеальным — должно быть все как с инь и ян. Эту функцию своеобразной гармонии она выполнила, рассказав о пыли на полу, которую он очистил несколько часов назад. Потом она заставила собравшихся слушать истории про своего мужа: он все еще описывался в роли тяжелой ноши, а она занималась неблагодарным самопожертвованием. Венди нуждалась в сопереживании, а у сестер это всегда происходило искренне. Она изображала жалобный вид — это было настолько наигранно, что становилось не по себе: неужели он единственный, кто видит эти слезы, с трудом выжатые из глаз, чтобы показать горе, или они жалеют ее из-за ее вранья? Это не обсуждалось, да и много чести тратить время на столь ясные вещи. Вниманием собравшихся она продолжала бы питаться остальную часть вечера, если бы не пришел Лео.

По привычке он включил свет в комнате и застыл, увидев то, из-за чего у него замирало все внутри: он увидел девушку с фотографий. Осознав неловкость собственной паузы, он опустился на стул и от волнения выпил стакан вина. На лице его было написано спокойствие, в отличие от пальцев ног, которые терлись друг о друга, высвобождая энергию счастья. Он чувствовал себя подобно людям, выигравшим в лотерею и не имеющим понятия, куда потратить свой выигрыш. Он расспросил каждого гостя о его образовании, скрываясь за образом джентльмена. Лео понял, что должен оставить самолюбование и постоянное упоминание своего имени, так как вновь оказался на собственном следствии. В процессе разговора Лео выяснил, что Венди является женщиной, подарившей такую красоту, как Сара, чьи очаровательные сестры из прошлого по ошибке находились в сегодняшнем веке. В свою очередь он представился скромным юристом, ведь первое образование у него было именно такое, а Сэм не возражал. При виде такого статного мужчины Венди хотела выделяться на фоне остальных и начала говорить о высоком, без малейшего понятия, что собой это может представлять. Гниль лезла даже из еды, отчего аппетит был потерян, но дядю Лео это забавляло и одновременно пугал этот напор в отчаянно прямолинейных попытках соблазнить его. Спустя некоторое время после знакомства дядя был приглашен в дом Айсбергов, где его обещали познакомить с творчеством мужа, его копиями и малым спросом на них. Венди причитала, что муж ее оказался подлецом: живет не только на ее подачки, но и за счет русского богача Дова Гершона, который подарил им недавно путевку на море. Разговор Лео стал записывать на диктофон с того момента, как обнаружил, что юная мисс Айсберг похожа на девушку с фотографии. Лео никак не мог отказаться — давно он не давал волю эмоциям. С нетерпением ждали они с дядей приглашения на ужин — каждый по собственным причинам, которые они не имели привычки обсуждать. Все разошлись, расцеловались, он помахал Саре рукой и пошел спать.

С того дня он и почти не покидал собственную комнату и часто смотрел в окно, пребывая в уверенности, что через секунду увидит ее возле собственных дверей, так как она не могла более терпеть, чтобы передать ему свою любовь. Он выходил из дома и рисовал ее возле двери, так же как и по пути обратно. Такие иллюзии не давали никакой радости. Вероятно, тот философ сам давно погрузился в иллюзии по поводу своей правоты.

В день февраля, когда влюбленные дотрагивались друг до друга, рассматривая волны Темзы, в дверь постучался Сэм, но вместо красивого платья увидел на Саре некое подобие школьной спортивной формы. Она чистила холодильник, а он принес ей в подарок свои стихотворения, оформленные

в рамки. Поблагодарив за проявленное внимание, она сказала, что поставит хокку про цветы в свою комнату, а дальше наступила тишина, в которой слышалось шуршание губки, моющей полки в холодильнике. Особенной нужды говорить не было — достаточно было посмотреть ей в глаза, но в них не отражалось ничего. Скоро он придет и покажет ей свой лотерейный проект — конечно, он нуждался в дополнительной обработке, но сама концепция должна восхитить ее. Она взглянет на него — и все поймет, поймет, что перед ней человек, переставший жить только надеждами, но у которого есть будущее. Хорошенько подумав, он передал ей карту памяти, на которой была записана его программа.

— Это тебе.

И ушел.

Ушел в самом приподнятом настроении — на ее лице читалось одобрение. Эту карту памяти с неким подарком она положила в свои ладошки, словно крохотного зверька, и быстро унесла к себе в комнату. Теперь все было великолепно — в мыслях он уже жил с ней и весь вечер прогуливался с ней по паркам. Было непреодолимое желание пригласить ее на ужин, но денег хватало именно на парк. Это постоянное отсутствие элементарных средств давило на его самолюбие. Именно это и стесняло его, именно пустой кошелек не давал ему сказать слово и не позволял позвонить на выученный наизусть номер. Некуда было ее водить, некуда было идти, а значит, и беспокоить ее не имел права. Любовь к ней не позволяла требовать ничего, кроме ожидания. Если бы она его любила, то без устали бы ждала. Эта ситуация первоначально унизила бы его самого: нельзя дышать на цветок, не имея при себе воды. Именно поиску воды и были посвящены последние недели молчания. Все изменится, как только она поймет, что он выйдет победителем. Тогда она должна его полюбить.

Земля зазвенела новыми лучами солнца. Сэма разбудил звонок. За секунды до ответа были пролистаны годы собственной жизни, слух напрягся, чтобы распознать почти бесшумный голос, сотканный из шелка. Разочарование окатило его подобно холодной воде: это была Венди Брикс.

— Что я хочу сказать тебе, мой дорогой, если хочешь знать мое мнение, то эта твоя затея не имеет никакой перспективы. Мы с Сарой, откровенно говоря, ничего не поняли. Она дала посмотреть мне эту твою ерунду, так как я все-таки разбираюсь в компьютерных программах. Это самое бездарное творение, которое я видела в своей жизни. Ты, конечно, большой молодец, что пытаешься создать нечто новое, но мой тебе совет: прекрати это.

Сэм как мог пытался объяснить свои намерения, что это была всего лишь разработка и не стоит судить так строго очевидные недочеты, а нужно смотреть в суть, но это было неважно, так как нахально-ехидный голос жаждал этого разговора, чтобы еще раз унизить его.

— Между прочим, сейчас Сара занята. Она пошла в парикмахерскую — хочет выглядеть сегодня бесподобно, ведь у нее свидание с одним очень занятным мужчиной, так что не думаю, что сегодня она сможет присутствовать на ужине. Но тебя мы в любом случае ждем.

Сначала эта фраза показалось ему нелепой, затем забавной, но мимолетная улыбка так же быстро исчезла. После таких фраз каждый отдельный орган стал чувствовать силу притяжения чрезвычайно чутко, дружно они просились в землю. Пульс замедлился, время стало застывать, голова погрузилась в муть реки, глаза нашли убежище в часах, пробивающих один час за другим. К нему зашел бывший одноклассник Пен Френд, сын доктора, с нестандартными методами решения задач. Он собирался повеселиться. Пен поделился своим видением по разработке Сэма нового вида лотереи — в глазах его читалось очевидное уважение к проявленной его другом мозговой деятельности, однако он констатировал факт того, что в самой программе было чрезмерное количество ошибок, которые должны быть устранены перед демонстрацией кому бы то ни было, тем более если Сара далекий от таких вещей человек. Проект должен быть сделан до конца и лишь после этого может оказаться объектом внимания. Сэм не показывал своей грусти, а его друг щадил его хрупкое спокойствие и не собирался лезть в душу. Он был в состоянии утешить сам себя тем, что Венди, проплыв по течению зависти, начинает уже выходить не только из берегов здравого смысла, но и из собственных фантазий и теперь отчаянно придумывает истории. Еще больше он успокоился бы, если б сама Сара попросила маму сказать такое, дабы вызвать ревность и желание действовать. И все же если сказанное окажется правдой, то идти в тот дом и видеть это разбивающее душу лицо желания не было. В минуты его отчаяния позвонили сестры и поведали, что вечер пройдет в их доме. Этот звонок утешил Сэма — там можно было дать волю поиграть своими масками.

С Пеном Френдом они подъехали в разгар вечера: было много вина, неприятные мысли начинали отпускать его. Сестры развели костер в

саду, чтобы сжечь пустой старый чемодан. Вокруг костра они водили хоровод, а затем окружили Сэма и стали благодарить его за починенную крышу. Очередной стакан был пуст, но мысли бегали обеспокоенной собачкой по черепной коробке — он предчувствовал раскол. Первый удар нанесла Венди, подкравшись со спины. Сверкающие лунным светом глаза погрузились под плотные складки лица, заставляя все тело излучать свечение, через которое проявлялось содержимое этого кожаного сосуда. Он бурлил энергией превосходства, состоящей из кипящих грехов наинизшего сословия индивидуумов, которой она собиралась окатить всех присутствующих. Для начала она собрала всех гостей доброжелательным тоном хозяйки.

Обняв рукой стул, на котором сидела жертва, она слегка приподнялась, так же как и ее голос.

— Что я могу сказать тебе, дорогой мой, это, конечно, прекрасно, что ты так много труда вложил в свою работу, но обязана сказать следующее: это просто ужасно, даже комментировать это не собираюсь.

На этом она закончила свою речь, попутно подмигивая толпе, которая тоже воздержалась от комментариев. Минута молчания воцарилась в комнате, которая была прервана громкой музыкой. Мнение Венди никогда не принималось всерьез, но факт того, что ей удалось зарезать его самолюбие надменными речами и бойкой улыбкой, вжало его в кресло, в котором он продолжал сидеть. Сестры сказали, что идея им понравилась — они были как всегда откровенны, но их слова только ухудшили сцену: хотелось стать пеплом пустого чемодана, развеянного по ветру. Только после произнесенных речей стало ясно, что его старания жили иллюзиями, но не умениями создать нечто достойное. Оправдываясь, он поспешил раздать обещания, что исправится, но музыка стала уже слишком громкой. Эти слова осуждения, отлетающие от зубов Венди, у которой сегодня был праздник, воспевающий суть ее существования, являлись как всегда правдой, рассмотренной с одной точки зрения: работа Сэма была недоделана. Доставленное от унижения человека удовольствие было облито медом не только оттого, что аудитория состояла из знакомых людей, а оттого, что это произошло перед его другом Пеном. Слова утешения были излишни. Сэм выбрал маску беззаботного веселья, но она закрепилось слишком плохо — для этого нужно было не терять собственного достоинства. Эта маска постоянно поправлялась и если сидела достаточно хорошо, то подходила Венди и спрашивала:

— Надеюсь, ты не обиделся? Просто в следующий раз советуйся со мной — я тебе помогу.

Во время ответа маска тотчас же слетала, и приходилось еще долгое время искать ее в толпе, топтавшей ее. Спокойствие он нашел в саду, там, где когда-то стоял на коленях перед Сарой: здесь сердце билось в теле вполсилы.

Стало прохладно, и он зашел внутрь, чтобы отморозить себе душу. Он увидел, как заходит нарядная Сара: она выпрямила свои кудрявые волосы, накрасилась и надела платье, которое они ей вместе выбирали. Все это предназначалось для человека, который вошел следом за ней, — для дяди Лео. Одного взгляда на их лица было достаточно, чтобы расколоться на множество атомов, облученных болью и ощущением бессердечного и пренебрежительного отношения к его глазам. Разве они пребывали в неведении, что тут находится он, разве она не могла прийти одна? Нет, Сара не знала, не знал и Лео, — эту встречу организовала ее мать, на которую никто не может смотреть без отвращения, которая сама доставляет себе удовольствие именно

таким способом. Дядю винить не было причин. Это был также ответ Сары — она забыла о его существовании, для нее он был невидим и очищался в комнате ее памяти мокрой тряпкой для пыли. Оба поздоровались, не подав виду: между ними все было в порядке вещей. Мероприятие раскола собственного мира продолжало свой путь вниз, чтобы окончательно разбиться о дно души. В горле пересохло, губы покрылись толстым слоем вина, но не соединились воедино с кровью. Так он продолжал ходить по дому, ища в глазах сестер сострадание, но, как выяснилось, упоминание их дальней родственницы приносило лишь еще большую боль. Открывать свою душу перед ними мешало присутствие одного человека, который сидел тихо и жаждал услышать результат проделанной работы. Этой завистливой матери, все время прикрывавшейся заботой и устроением уличных рынков, которая все-таки смогла отобрать его счастье, он открываться более не хотел, этот вечер и так был переполнен плевками. Сестры бились в своих попытках успокоить его, он улыбался, но глаза источали раскол. Ситуацию разрядила женщина, которая была не в курсе их проблем.

— Хватит уже, посмотрите на него, как он хочет, чтоб его пожалели, посмотрите, какой актер! Такой, как ты, заслуживает исключительно главной роли, — захохотала она.

Она истолковала его поведение таким образом, и не стоило рассказывать и объяснять свою боль — в лице окружающих он и на самом деле изящно играл, преувеличивая силу своей любви, — отличный маневр для выхода из создавшегося положения. Выпив, Сэм поставил на стол пустой стакан. Он почувствовал, как кожа натянулась от напряжения, а глаза зажглись хищным акульим блеском. Он перестал воспринимать и посторонние шумы, и речи гостей. В нем росла злоба, через набухшие вены устремлявшаяся прямо в душу. Все приобрело неимоверную четкость и ясность, в голове зрел план, как отомстить обидчикам. Вся энергия сконцентрировалась, чтобы перерасти в ярость: хитрую и бесчеловечную. Глаза выглядели потухшими углями, которые могут воспламениться от малейшего соприкосновения. Одна девушка, поймав его тяжелый взгляд, спросила, в чем дело.

— У тебя такое лицо, будто ты хочешь кого-то убить.

— Да, у меня есть лицо, — прорычал он сквозь зубы и пошел на кухню.

Там он увидел, как они танцуют вдвоем, улыбаются друг другу и двигаются в такт музыке из пятидесятых. Сразу вспомнился тот вечер, когда она сама к нему подошла. Тогда желание танцевать с ней было несбыточным, а тут все происходит так просто, будто они имели возможность долго практиковаться. Ярость упала вниз, к ногам, напряженные руки опустились, и в голову пришла мысль, что, возможно, в этом нет вины Венди. К тому же теперь это совершенно не важно. Он встал, потом сел обратно на диван между сестрами.

— Шанс есть всегда, — успокаивали они, но Венди поставила в конце свою точку.

— Никогда Сара не будет вместе с тобой.

От потери уверенности он вышел в сад — насладиться видом цветов, которые напоминали ему о его игривой погоне за той льдинкой, которая не таяла. Там он увидел ее одну: она стояла и смотрела на небо, где виднелось созвездие Медведицы, что на щеке ее. Он подошел попрощаться.

— То, что я тебе подарил — эту программу, она неидеальна, пожалуйста, не думай, что я дурак, — начал он.

— Я ни в коем случае так не думаю, мне очень понравилась твоя идея. Это замечательно, просто немного запутанно и непонятно, — сказала она громко, ее голос немного дрожал.

Так ее голос звучал впервые — наверное, вечер был для нее действительно радостным.

— Я исправлю все, — сказал и пошел в дом: там светилось довольное лицо Венди.

Что ж, если уходить, то с удовольствием — таким чувством надо делиться.

— Венди, послушайте, спасибо большое за ваши замечания и откровенную критику: не каждый человек может пойти на такое. А теперь будьте любезны, давайте договоримся о следующем: больше вы никогда не будете сравнивать меня со своим мужем, так как мне совершенно безразлична ваша частная жизнь. Надеюсь, мы договорились?

К тому моменту Пен уже спал на диване — сестры разрешили оставить его на ночь, а Сэм медленно пошел к остановке автобуса. Весь путь он усердно гнал прочь неприятные мысли, рассматривая ночные улицы Лондона. Придя домой, сразу лег, но догнать сон не получилось, так как перед глазами возникла сцена казни — не мог он допустить их прихода в дядину спальню. Он разбудил Пена Френда звонком телефона и попросил пожить у него. Пен согласился. Сэм взял полупустую сумку с вещами и ушел из этого дома навсегда.

* * *

Уже рассветало. Для одинокого человека нашелся кров над головой, а человек, предоставивший ему это спасение, поведал о конце вечера. Проснувшись на диване оттого, что музыка закончилась, молодой Френд пришел на кухню попить, где его ждала картина, состоящая из лиц исключительно женского пола. Его поразило отсутствие тяги к сплетням в этих дамах, возможно, оттого, что Венди не выражала своего мнения, а сидела тихо. Лео курил, стряхивая пепел на розы в саду. При виде Пена Венди зарыдала огромными кукольными слезами. Оказывается, Сэм облил неблагодарной руганью женщину, которая желает ему только добра. Эта сирена ревела навзрыд с повторяющимся алгоритмом звуков в виде всхлипов: видимо, ей хотелось продолжать сравнивать Лавлока со своим мужем. Дальше начался вечер откровений: одна сестра хотела открыть семейное кафе, другая — жить в бунгало, третья — путешествовать по миру и т. д. Очередь дошла и до Сары: она поведала всем о своем желании быть на этой земле после смерти — она хотела оставить после себя след, чтобы люди будущих поколений видели и ощущали ее присутствие. Другими словами, она искала бессмертия. Вскоре разго-

вор скатился к более приземленной теме. Одна из сестер спросила Сару:

— Отчего ты не любишь Лавлока, ведь с ним, должно быть, так хорошо?

По-видимому, Сара восприняла этот вопрос как шутку, поэтому ответила с улыбкой:

— Ты серьезно? Как такого можно полюбить?

После ее реплики Пен Френд добавил свое мнение в виде финального выдоха:

— И как в таких, как она, можно влюбиться?

Дальше был звонок от Сэма, потом в гостиную Айсбергов вошел Лео, которому не терпелось осмотреть дом Венди и самого мистера Айсберга.

После сказанных слов он понял: придется смириться с тем, что Сара не любит и никогда не полюбит его. Его чувства остались прежними, а она наверняка забыла о его существовании, как только он ушел.

Высматривая на потолке некое подобие лиц, меняющихся в темноте подобно облакам, он никак не мог заснуть. Сэм решил прогуляться и вышел на безлюдную улицу, освещенную рассветом. Дом Френдов находился рядом с парком: его ноги хотели ощутить мягкость травы, покрытой росой. Чтобы попасть в парк, нужно было пройти по подземному переходу. Вдруг он услышал музыку, которая доносилась из церкви: музыкант исполнял реквием. Те ноты были как

гладкий талый лед и прожигали насквозь как ветер, набиравший скорость в подземном туннеле. По ветру расходились звуки, нашептанные Богом, и переходили в мысли в голове Лавлока. Тут и вспомнился их истинный автор. Общаясь через Моцарта, он дал этому человеку обещание полетать, и именно здесь, погруженный в одиночество, он почувствовал, что уже приземлился... в пропасть. Полет свершился: он пролетел камнем вниз, с разрушительной мощью разбив все живое. У Бога есть свое собственное чувство юмора: оказывается, ему нравятся злые шутки. Полет свершился, обещание было исполнено — нужно быть осторожным в своих желаниях. Дрожащие от холода губы сказали то, что полагалось:

— Спасибо тебе.

По мере поднятия по лестнице из темного перехода его улыбка поднималась по его щекам, пока он не расхохотался. Звуки скрипки того музыканта относило ветром: они следовали за ним шлейфом, попадая в уши. Возле перепонок они взрывались шепотом из умозаключений. Этот жестокий урок не осилить ни одной из его мышц. Это будет меткой на всю жизнь, которая не даст забыть о том, что Бог думает о нем и исполняет просьбы. Значит, в его мольбах есть некий смысл, а если смысл существует, то и отступать от намеченного плана не разрешается. Теперь ему нечего было терять — время было отведено специально под его график: он должен воплотить свою идею в жизнь, начав работать над ней заново. Нелюбимый своим ангелом, он полюбился Богу, который своими шутками направлял его прямиком к некой цели, необходимой для оправдания его жизни. Также был сделан вывод: никому нельзя показывать незаконченные вещи, будь то картина, ремонт дома или книга — впечатление будет совсем не то.

* * *

Продолжение истории, впрочем, может рассказать пресса, так как после ухода большинства гостей остались только близкие друзья и сестры, они отправились в гости к Айсбергам, где дяде Лео был показан дом: между стенами он обнаружил знакомые интерьеры фотографий, представляющих собой начало и середину XX века, даже кривой гвоздь, куда вешались картины. По традиции Венди ему продемонстрировала работы Мартина, телом которого в данный момент управлял капитан Генри, который угощал дам спиртным и своей любознательностью в пабе. Работы Мартина поразили Лео, так как это был вылитый Тернер, что недавно был вынесен из музея. Пришел мистер Айсберг. Лео похвалил за его дар передавать ровно те же краски и ощущение воздуха на картине, что и в подлиннике. Генри и Мартину все стало понятно. После выставки на чердаке малозаметного дома с видом на кладбище была дана команда — и могилы ожили. Дом был оцеплен, не было другого выхода, кроме как рассказать языком жестов о наличии справки о раздвоении личности. Сквозь тихий голос Мартина послышался многоуровневый жаргон человека, долгое время борющегося со стихией, усиленно жестикулирующего во время шторма. От такого зрелища все гости и полицейские, спешащие вернуть картины, опешили, так как то, что они слышали, не вписывалось в естественную реакцию человека, отправляющегося в тюрьму. Копиист был аккуратно положен на пол в карцер.

На суде Мартину было предъявлено обвинение и выдвинут гигантский иск как по финансовой, так и по моральной части. Основными потерпевшими были обманутые галеристы и антиквары. Затрудняла процесс справка, лежащая возле имени подсудимого: около года назад его фамилия раскололась на два имени: теперь они имели дело с капитаном, мертвым около ста лет. В суде Генри преувеличил свое господство над телом, защищая его хозяина. Мотив был прост: вернуть былую славу собственной фамилии, чье влияние было погребено под грудой долгов. Он заставлял его рисовать во благо процветания черного рынка искусств и попутно получал денежные переводы от самого Дова Гершона. Этот человек на суде присутствовать никак не мог: он воспользовался своим излюбленным блюдом, подавая его на обложках газет. На первых полосах упоминалось его исчезновение. Он избежал наказания, взяв якорь своей яхты на борт и курс на Бермудские острова: это был адрес его счетов на черный день. Яхта под названием «Страна чудес» таинственно исчезла с радаров на неделю и появилась вновь благодаря местным морякам. Все вещи остались нетронутыми, там покоились и похищенные из музея недостающие картины. Но ни тел членов команды или его семьи, ни тела самого Дова найти не удалось. Он использовал мифы о собственном могуществе и исчез навсегда, оставив только слухи. Одни сулили ему здоровье где-то на острове, другие — расправу от его врагов, которые скинули все подозрения на мистику, в анекдотах объясняли его смерть всплеском волн стыда. Версий было множество, так же как количество его банковских счетов. Его исчезновение воздвигает самый главный миф, который сулит ему бессмертие и надежду, что он все еще жив.

Доктор Френд выступал в качестве спасителя, так как своим методом хотел создать нового человека, соединив две разные личности в одну, где профессиональный авантюризм смешался с безупречным умением создавать работы в стилях владельцев кисти. Следствие не располагало информацией о другой стороне помощи доктора Френда и о том, что картина с координатами так и не была доставлена на чердак. Зато следствие хотело увидеть сообщника — Рона. Мистер Айсберг поддался доводам доктора, который заключил, что тому человеку, естественно, сложно держать язык за зубами. Жизнь покажется намного проще, если он будет хвастаться своими подвигами соседям по палате, где такое же количество слухов, как и в пабе. Так Рон был передан представителям закона. Это решение было необходимым и в то же время жестоким, так как он был единственным преданным своему другу. Тяжело было упоминать его имя и место обитания в суде, когда выяснилось, что Рон остался верен слову. Даже под весом улик он сохранял молчание, что лично для него равнялось пытке. Хотя, с другой стороны, его состоянию ничто не угрожало: он жил за счет государства на свободе и продолжит это делать в палате с людьми, схожими с ним способом мышления.

* * *

Воспользовавшись своим громким именем, которое выучили журналисты, и пролистывая его вновь и вновь, Мартин радовался пробуждению любви к самому себе. Этот процесс был величайшим проявлением счастья. Несмотря на то, что обсуждались его криминальные деяния, он был знаменит благодаря своему таланту, и это являлось показателем лично для него. Он взобрался на самую высокую из вершин, которую потенциально мог осилить. Наконец-то его ценят, пусть даже таким образом: он невиновен в силу больной справки. Автор картин взял последнее слово.

— Находясь здесь, я сознаю свои ошибки: надо было лучше продумывать, во что переодевать собственную дочь. Мы можем говорить только о моих неудачах — все мои успешные произведения остаются в музеях. Большую часть жизни я жил в забвении, но мой труд нуждался в уважении, которое также выражается в купюрах. Я намеревался потратить их на свою семью, но я вовсе не жадный. С некоторых пор у меня появилась возможность хвалить самого себя, ведь люди хотят верить в оригинальность, а я такую возможность дарю. Запомните, я не стал бы заниматься этим делом, если бы не было спроса на подделки, а не только потому, что меня направляет мой покойный родственник. Если бы спрос на копии отсутствовал, то этой профессии просто не существовало бы.

Затем слово взял Генри, который вновь повторил заученные слова: кража картин и выход на черный рынок — сугубо его задумка. На ее основе заключен контракт с мистером Гершоном, который, к сожалению, на заседании суда присутствовать не смог. Зато Венди и ее дочка сидели рядом в качестве свидетелей. Правом высказаться она дорожила, ибо имела на все свое мнение, которое коррелируется ситуацией. Неизменной оставалась лишь одно: в любой ситуации пытаться самоутвердиться за счет других, унижая и давя своей картонной важностью, или пускаться в истерику. Сегодня была выбрана эклектика стилей. Сквозь слезу, брошенную для вступления, она утверждала, что всегда была абсолютно уверена, что у Мартина были проблемы с психикой, причем с рождения. Всю жизнь она замечала чудаковатости в его поведении, но уже привыкла жить вместе с ним, так что свыклась, что однажды он переступит черту и попадет в криминальную историю, где в первую очередь пострадает она. Чрезвычайно внимательная к деталям, она заключила, что основная причина в силе притяжения, из-за которой он пьяный упал головой об асфальт. Затем снова ее пробило на слезу. Через головы подоспевших к ней людей, подающих стакан воды, она пожелала ему поправляться, потому что все еще любит его, несмотря на его очевидные грехи. Это наблюдение противоречило постановлению психологов, которые описали доминантное поведение этой женщины в семье, вызвавшее защитную реакцию в виде появления родственной души, которая имеет иное представление о мире и не держится перед ее нападками. Мисс Айсберг могла только подтвердить, что была героиней картин, потому что отец просил ее позировать на фоне его творений, воспевая искусство и оставляя ее образ себе на память.

Доктор Френд заключил, что самое важное для выздоровления в попытках соединить две личности воедино будет покой пациента за белыми стенами психологической клиники, дабы прекратить жить по законам того времени, из которого был родом капитан Генри.

Лео Лавлок лишний раз предоставил улики, которые в свою очередь предоставила миссис Брикс. За сотрудничество, долги, возложенные на их семью, переходят на Мартина и его друга внутри него, а Венди подает на развод. Эта новость была последней каплей счастья.

Рон все отрицал, но его мнение не учитывалось.

Суд закончился. Мистер Лавлок с Роном были отправлены в разные клиники с разными методами лечения. Отныне Айсбергу было запрещено рисовать, дабы вид красок не напоминал ему о пагубном влечении уходить в подполье.

* * *

Клиника находилась за городом, в окружении роз и зеленых газонов. На первый взгляд это заведение имело довольно дружелюбный вид, во всяком случае, перед телекамерами. Персонал улыбался, полы блестели, еда в тот день состояла из фруктов. Фасад благополучия обрушился, как только последняя телекамера была выключена. Это напомнило Айсбергу его жену перед замужеством. Персонал был так же холоден, как блеклая плитка заведения. Это был специальный дизайн: всматриваясь в стены, пациенты сами потихоньку отходили от своих внутренних демонов. Холодный душ был одобрен в виде процедуры, описанной как один из методов лечения. Это заставляло демонов отойти от дел, но в таких случаях на их место заступал Генри, который был согласен на менее комфортные условия. Он играл роль защитника.

Работники относились к особым людям с особым цинизмом. Правда, колкости все были похожи друг на друга: они высмеивали внешний вид или настроение пациента. Люди, больше похожие на овощи, не вникали в суть юмора, предпочитая есть землю. Ради развлечения в еду раз в неделю подсыпали какое-то запрещенное вещество: на овощей это производило эффект удобрения, но занимательнее всего смотрелись агрессивные пациенты: на них надевалось несколько смирительных рубашек, а рядом ставилась ваза, способная измерить количество жидкости, пока капала слюна. Так работники поликлиники узнавали, сколько воды утекло. Впрочем, их старались не бить сильно перед камерами наблюдения, так что вне камер приходилось не представлять собой объект раздражения. Искусство бить заключалось в отсутствии синяков, так что в ход шли полупустые мешки с песком. Кроме доставленных удовольствий от корчащихся гримасами лиц иногда это еще и дисциплинировало. Мистер Айсберг в лице капитана Генри оказался стойким духом для обычного запугивания. Никто не изучал этого выдуманного персонажа до тех пор, пока не представилась возможность увидеть шесть обездвиженных смотрителей. Спор начался из-за пустяка в виде замечания, но делать замечание копиисту не то же, что человеку, устроившему геноцид малых масштабов в одиночку под парусами короны. Такой экспонат стали пристально изучать, пока не убедились, что для профилактики стоило посадить Айсберга в карцер, расколоть его. За карцером следили, не давали спать по трое суток и тщательно смотрели, дабы от скуки он не начал чертить что-то штукатуркой и вспоминать былую жизнь по ту сторону закона. За спокойствие отвечал Генри, пока Мартин мирно спал на острове.

Карцер представлял собой один квадратный метр, обитый когда-то белоснежной тканью. На белом отчетливо виднелись следы бывших посетителей в виде пятен крови и испражнений, достающих до пятиметрового потолка. Белый пол был закрыт плотным слоем грязи. Всегда включенная лампа не давала спать. Она горела пламенем софитов, предназначенных для подсвечивания театральной сцены. От крохотного пространства весь жар от лампы вскоре спускался к носовым перегородкам запертого в этой светлой темнице. Вместе с теплом спускался и весь запах жизнедеятельности, происходивший за этими дверями. Дышать было невозможно, но к запаху можно было приспособиться, чего не скажешь об отсутствии кислорода, который нужно было делить вместе с поглощающей его лампой. Все тело источало липкий пот, заполняющий пространство между телом и плотно прилегающей смирительной рубашкой. Перечисленное количество вещей, отнимающих комфорт, не могли сломить Генри, имевшего опыт выживания в плену в подобных условиях, правда, без постоянного шума, как здесь. Этот шум исходил от лампы, он не давал покоя. Этот беспрерывный шум, более походивший на рев, всасывался его ушами и именно тогда сводил с ума. Спасала медитация, в которую он окунался, наслаждаясь своим обездвиженным телом, но шум сверлил

его голову, отнимая мысли и покой. Его не покидало желание выключить источник беспрерывной тревоги, который он всей душой возненавидел. От этого он испытывал глубокую горечь — никак нельзя было достичь пятиметровой высоты. Желваки бродили по его скулам, и руки сжимались от зревшей ярости. Теперь он понимал причину всех этих пятен на стенах — это были следы беспомощности, целью которой было добраться до лампы и остановить этот рев. Расслабив руки и разъединив суставы в нужных местах, он снял смирительную рубашку и скомкал ее в плотный шар. Несколько отчаянных ударов по потолку — и раскаленное стекло острыми осколками падает ему на голое тело, вонзаясь в спину. Следы крови на стенах были уделом победителей тех, кто смог вернуть тишину. Расплачиваться за покой кровью было основным, но не последним испытанием, так как расколоть Айсберга во имя беспрекословной дисциплины никак не получалось. Кроме отвратительной пищи, чередующейся с побоями мешками с песком, были психотропные вещества — это использовалось персоналом ради развлечения. Ему сообщили, что после употребления их в пищу он станет совсем другим. Генри ощущал, что после этого он по-настоящему сойдет с ума, и не знал, что предпринять, пока ему насильно засовывали холодную кашу с особым ингредиентом. Попытки уйти в медитацию не помогут — нужен был другой выход. Генри и Мартин вдвоем сели на плечи тела, принимающего этот яд. После этого слезть с плеч они уже не могли, за сознание отвечал кто-то третий.

* * *

Теперь никто не мог узнать ни одну из черт, соответствующих копиисту или капитану. Это был новый персонаж, держащийся уверенно и не говорящий ни единого слова. Он как будто стоял особняком, со стороны невозможно было узнать прежних обладателей данного тела. Врач Айсберга, приходивший раз в месяц, тоже не увидел ни язвительного, сурового и расчетливого капитана, ни влюбленного в собственный успех Мартина, на устах которого после суда так и осталась кривая улыбка. Это был человек, смотревший сквозь предметы куда-то в пустоту, погруженный в собственный мир, тот, где он не нуждался в общении. Сидевшие на плечах не могли достучаться до родившегося в теле нового сознания: на их крики развернуться и поздороваться был один ответ: отсутствие внимания как к грузу на плечах, так и к объектам из настоящего мира. Осознав свою бесполезность, лечащий врач вызвал на помощь доктора Френда, который немедленно приехал и изучил изменившееся лицо мистера Айсберга. На его лице доктор увидел ясный отпечаток ума и скорби, которые читались во взгляде. Он знал, что Генри с Мартином слышат его, так что начал говорить вслух.

— Не знаю, что у вас произошло, но в теле поселилась новая личность, которая не желает идти на контакт. Я полагаю, это было вызвано защитной реакцией на некое действие внутри этого сумасшедшего дома. Попытайтесь сменить его, отправив на ваш остров, или нужно будет ждать некой смены погоды, как это было в первый раз. Знаю одно: вас надо переводить в клинику с человеческими условиями, где существуют более гуманные методы лечения.

Новое лицо не шло на контакт, и Френд собрался уходить. Перед тем как уйти, он решил позвонить своему сыны Пену, но никак не мог найти телефон. На стол были выложены ключи, документы и бумажник — телефон отсутствовал. Новый человек взял в руки бумажник, открыл его и стал внимательно изучать. Это не так уж понравилось доктору, как и отсутствие телефона, но, видимо, некая инициатива начинала проявляться. Новый человек отложил деньги и фотографии его семьи, оставив в руках фотографию с изображением цветов в вазе, где покоились координаты. Тот человек был Август Айсберг.

Окончание следует.

Марианна ДУДАРЕВА

Марианна Дударева — литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук. Окончила Ивановский государственный университет, филологическое отделение (выпускница кафедры русской словесности и культурологии, ученица фольклориста В. А. Смирнова) и аспирантуру филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (досрочно). В настоящее время является преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин МФЮА. Автор более 90 научных статей о русской литературе и фольклоре.

Не мерзнуть! Отогретые Есениным...

«А сегодня *люди даже мерзнут*, и как раз в такие минуты, когда они, казалось бы, должны были приходить в восторг» — так говорил в своих лекциях по искусству почти сто лет назад известный немецкий философ Рудольф Штайнер по поводу влияния творчества, поэзии на сознание и духовное состояние человека. Мерзли уже тогда. Теперь, сто лет спустя, холод материализма еще труднее преодолеть! Однако неустанно над этим трудится группа есениноведов страны, организовывая вот уже какой десяток лет большую международную конференцию на пространствах Института мировой литературы имени А. М. Горького, Рязанского государственного университета и константиновского музея-заповедника С. А. Есенина, посвященную жизни и творчеству великого национального поэта Сергея Есенина.

Почему не Пушкин, который НАШЕ ВСЕ? Отчего и не Лермонтов, давший Героя времени? Да и не какой-нибудь, например, Бродский, такой популярный в определенных кругах... А все же Есенин — тихий и громкий, нежный и бесстрашный. В общем, известный русский, именно русский поэт. Его песню еще полвека назад пытались задушить, но она вновь полилась, с новой силой, причем на страницах этого

Литературовед Наталья Устименко, поэт Валерий Дударев, фольклорист Марианна Дударева очарованы есенинским раздольем

Ансамбль «Радуница»
в песнях хранит есенинское слово

Тонкий ценитель есенинской поэзии
Константин Воронцов и вдумчивый комментатор
есенинского наследия Максим Скороходов
в ожидании новых открытий

же журнала — с первых публикаций 1957 года отрывка «Страны негодяев» и ранних стихов. Потом активно захватила этакая сила «литературоведение» и совсем разлилась по всей стране: стихами, изданиями произведений поэта, наконец, «водкой» (народ даже водку такую изобрел — есенинскую!). Недавно вновь эту песню, то тихую, то громкую, хотели заглушить, скрывая в московском сквере за «бунтом вещей», горшков, цветов, инвентаря дворников памятник поэту. Однако ничего не выйдет — **никогда**. Есенин жив в песнях, исполняемых и академическими хорами, и отдельными инструментальными ансамблями («Орэра», «Реликт»), и А. Северным... Есенин жив и работами литературоведов — в это непростое для гуманитарной науки время. Есенин жив и заботой о нем родной земли, константиновских работников.

Творчество поэта, даже его *странная* трагическая судьба продолжают озарять лица ученых со всех сторон света (а Есенин переведен на 168 языков!). В этом, не юбилейном, *не литературном* году вновь нашлись силы на такие сентябрьские есенинские дни, которые прошли в Москве, Рязани и Константинове под общим заглавием «Есенин в литературе и культуре народов России и зарубежья». Эти дни — не только время докладов, несомненно, важных для научного сообщества и продвижения имени русского поэта по всему земному шару, но и время отдохновения, тепла и песни. Именно в песне, как одной из главных наших национальных констант, раскрывается все существо человека. А уж в песне на стихи Сергея Есенина, наполненной тайной, страстью и тоской по мировой и *надмирной* культуре, происходит чудесное единение человека с пространством, миром, осуществляется некая *соборность*, позволяющая находить новые силы для жизни и творчества. Такой песней, ярким выступлением песенно-инструментально ансамбля «Радуница», и завершилась научная конференция. Вот потому и Есенин! Лейся, сила стихов, в которых вся душа поэта («всю душу выплещу в слова»!), лейся с новью и отогревай сердца людей. Не мерзнуть, друзья мои!

Татьяна ШИШКИНА

Татьяна Шишкина родилась в 1983 году в Куйбышеве, живет в Самаре.

Окончила Самарский государственный архитектурно-строительный университет, Литературный институт имени А. М. Горького. Работает ведущим инженером по отоплению и вентиляции в проектной организации.

Публикации: поэтические сборники «Липы на асфальте» (2008), «О чем поют наяды» (2015); подборки стихотворений в литературных журналах «Юность», «Волга XXI век», «Берега», «Подъем», «Русское эхо», «Идель» и др.

Участница 15-го Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2015).

Открывает ли глаза Зулейха?

О романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза»

О романе Гузели Яхиной я узнала совершенно случайно: увидела рекламу на литературном сайте, прочитала ознакомительный фрагмент — и затянуло: первые тридцать страниц оторваться невозможно — плывешь за героиней, как рыбка на крючке, буквально живешь ее эмоциями! Уже не раз отмечали, что начальные главы самые яркие, захватывающие, при этом ссылаясь на необычный для русского человека «татарский колорит». Конечно, всегда любопытно приподнять занавеску-*чаршау* и хоть одним глазком глянуть в неизвестный доселе мир, наполненный традициями и обычаями представителей другой эпохи, культуры, религии. Но, думается, дело не только в этом: кого из нас не вдохновляют истории об униженных и оскорбленных иванушках-дурачках и золушках, волей случая или благодаря скрытым до времени способностям превратившихся в супергероев назло врагам? А забитая бесправная крестьянка Зулейха чем не знакомый сказочный персонаж? С первых страниц кажется, что нет такой беды, какая бы с героиней не приключилась: смерть дочерей, голод, тяжкий физический труд, побои, постоянные унижения со стороны мужа и свекрови... А тут еще и новая угроза за окном маячит — потеря имущества, ссылка в Сибирь. Проживая один безрадостный день (а сколько таких было за пятнадцать-то лет брака!) героини в мужнином доме, невольно начинаешь ждать наивного чуда ее постепенного «превращения» в яркую сильную женщину. А иначе ради чего, казалось бы, так сгущать краски в начале? Но вот роман дочитан, а «чудо» так и не произошло... Более того: вдруг понимаешь, что и не должно было произойти. Массовое раскулачивание, ссылка в Сибирь, лагерная жизнь переселенцев — тема большая, серьезная. До маленькой ли Зулейхи тут?! Образ главной героини, детально проработанный автором в первой части, уже к середине романа заметно потускнел, стерся, уступая внимание читателя Ивану Игнатову — командиру отряда

«красноордынцев» и коменданту трудового поселка Семрук. Именно его непростое духовное становление от сталинского манкурта, наделенного советской властью палаческими полномочиями, до порядочного и свободно мыслящего человека мы видим на протяжении всего произведения. А большеглазая тоненькая крестьянка постепенно смешалась с другими персонажами, что весьма символично: перестав быть носительницей «индивидуальной» трагедии, героиня растворилась в новой жизни, основа которой — огромная коллективная беда, где, как пел Высоцкий, «все судьбы в единую слиты». Со временем невольно начинаешь считать Зулейху не столько главной героиней, сколько своеобразным поводом для художественного изображения обширного исторического материала, и — не жалко: помимо нее тут есть на кого посмотреть. К примеру, профессор Казанского университета Вольф Карлович Лейбе — несомненная находка автора. Не выдержав крушения привычного мира во время гражданской войны, он на долгие годы мысленно помещает себя в огромное бедонепроницаемое яйцо. Вымышленная оболочка не дает хирургу работать, однако бережно защищает от жизни: так Лейбе не замечает ни чужаков, заполонивших его дом, ни отсутствия врачебной практики, ни подступившей нищеты, не говоря уже о начавшихся репрессиях в Казани. Единственной связью профессора с внешним миром становится «гороподобная» служанка Груня, нацелившаяся на жилплощадь своего хозяина и потому не спешащая избавлять его от удобных иллюзий. Лишь необходимость принять роды у Зулейхи на берегу Ангары заставляет Лейбе отказаться от защитного яйца, реализовав тем самым известную метафору «вылезти из своей скорлупы». Не менее символичен и образ Зиновия Кузнеца — старшего сотрудника особых поручений Красноярского отдела ГПУ и будущего лейтенанта государственной безопасности, ставшего настоящим «кузнецом своего счастья» на обломках человеческих жизней.

Надо отметить, что роман Гузели Яхиной изобилует аллюзиями на известных литературных (и не только литературных) персонажей. Взять хотя бы хваткую служанку профессора Лейбе: чем не Грушенька Достоевского — «женщина с характером смелым и решительным, гордая и наглая, понимавшая толк в деньгах, приобретательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успевшая, как говорили про нее, сколотить свой собственный капиталец» («Братья Карамазовы»)? Только в романе Яхиной мы застаем Груню не в момент ее телесного расцвета, а уже расплывшуюся и обрюзгшую, как и пророчил своей героине Федор Михайлович. В образе местного председателя сельсовета Давыдова, использующего здание мечети как загон для баранов, можно прочесть отсылку к популярному историческому персонажу — Наполеону, державшему лошадей в московских церквах и прозванному в народе антихристом. К сожалению, чем ближе конец романа, тем меньше остается в нем интересных полнокровных образов, емких деталей, диалогов... Ощущается некая усталость автора от собственного текста: Яхина уже не «показывает» своих героев, а торопливо рассказывает о них — точно подталкивает к развязке. Однако это не сильно сказывается на общем положительном впечатлении от романа.

«Зулейха открывает глаза» — добротно написанная проза, многообещающий дебют молодой талантливой писательницы. И все, что делает литературное произведение хорошим, тут, конечно, есть: интересная (и даже исторически значимая) тема, мастерское владение языком, внимательно подобранные образы... Но меня несколько озадачили высказывания самой Гузели Яхиной о значении ее романа. Оказывается, автор ставила перед собой цель отразить национальный характер татарской женщины и написать книгу о ее феминизации — символическом «сбрасывании паранджи» (и в прессе при этом мелькает фраза «об освобождении женщины Востока от домашнего деспотизма и религиозного дурмана»)!

Не мне судить о том, насколько верно Яхина изобразила татарский характер. Лишь отмечу, что именно эта сторона романа вызвала множество нареканий со стороны земляков автора — казанцев (см. рецензии Миляуши Хабутдиновой, Рабита Батуллы и др.). Вызвал возмущение в первую очередь сам образ Зулейхи: она, как выяснилось, и воровка (надо же: не спросив мужа, в собственном доме кусок пастилы взяла!), и лицемерка (упорно убеждает себя, что муж — хороший), и язычница... Иными словами, Зулейха «праздник татарского духа» собой не являет и своему народу особой чести не делает. Конечно, не заяви автор публично о своей попытке отразить в Зулейхе именно национальный характер, вымышленный персонаж не вызвал бы такую острую реакцию. Были в адрес Яхиной и обвинения в незнании национальных обычаев, в искажении татарской истории. Не стану вмешиваться в вопросы, лежащие вне моей компетенции, однако правомерно ли требовать от художественной прозы документальной точности в описании исторических событий? Вряд ли, к примеру, кому-то придет в голову изучать отечественную войну 1812 года по роману Льва Толстого...

В одном из интервью Гузель Яхина сказала, что вложила в Зулейху все, что знала о татарской женщине. Но главная героиня не единственная татарка в романе: ведь есть еще и Упыриха, чей образ не столь однозначен, как может показаться на первый

взгляд. Я бы избежала часто встречающегося в читательских отзывах сравнения жизнелюбивой столетней старухи с Кабанихой Островского, так как это искажает восприятие яхинской героини. Кабаниха — ограниченная, мелочная хранительница отмирающих устоев, во внутренней сути которых она не пытается самостоятельно разобраться. Героиня Островского мучает и невестку, и сына, потому что «положено» держать домочадцев в «страхе». О том, что Катерина в нормальных жизненных условиях могла бы вести себя достойно просто в силу своего характера, свекрови и в голову не приходит. Для нее человек не грешит, пока — боится. Будь на месте Катерины (которую Кабаниха по-настоящему не знает) любая другая женщина, ее бы ждало аналогичное отношение. Упыриха совсем иная. Первое, что бросается в глаза, — это ее безграничная любовь к сыну Муртазе. Нет таких правил или обычаев, какие она бы не нарушила, при необходимости, ради своего ребенка. Она сильная женщина с незаимствованным миропониманием, и, самое главное, сумевшая собственного сына воспитать сильным. Уважительное отношение Муртазы к матери держится не на страхе, как у Тихона, а на любви.

Конечно, свекровь не добра к Зулейхе, чем и напоминает героиню Островского. Но беспричинна ли Упырихина злость? Упыриха, в отличие от Кабанихи, не глупа и понимает, что за невестка ей досталась: «Всегда молчишь, немота... Если бы кто со мной так — я бы убила. <...> А ты не сможешь. Ни ударить, ни убить, ни полюбить. Злость твоя спит глубоко и не проснется уже, а без злости — какая жизнь? Нет, не жить тебе никогда по-настоящему. Одно слово: курица... <...> И жизнь твоя — куриная. <...> Вот у меня была — настоящая. Я уже и ослепла, и оглохла — а все еще живу, и мне нравится. А ты не живешь. Поэтому не жалко тебя». Пятнадцать лет Зулейха развращает мужа и свекровь своей безответностью и податливостью, а многие ли способны выдержать искушение полнейшей безнаказанностью своих поступков? Откровенное презрение Муртазы и Упырихи к несчастной героине хоть и вызывает чувство жалости к последней, однако ничуть не удивляет. Как Упыриха, за свои сто лет не сломленная ни вспыльчивым ревнивым мужем, ни голодом, ни смертью детей, может ценить слабую, всегда покорную, не уважающую себя женщину? Такая ли жена нужна Муртазе? Должен ли из-за этой «мокрой курицы» прерваться род единственного Упырихиного сына, спасенного от смерти ценой жизни других детей? Может ли Зулейха быть достойной опорой своей семье в тяжелое время? То, что Муртаза, столкнувшись с очередной бедой, ищет утешения и помощи у глухой столетней старухи, а не у жены, говорит о многом. И Упыриха это понимает. Оттого и немыслимы хорошие отношения между ней и Зулейхой.

Сама Зулейха относится к свекрови неоднозначно: с одной стороны, она ненавидит и боится Упыриху, с другой стороны, невольно восхищается ею. Сила духа и жажда жизни Упырихи такова, что даже после своей смерти она продолжает являться невестке — в мрачных видениях. Годы идут, а власть «старой ведьмы» над сознанием героини не ослабевает. Более того, Упыриха становится ее совестью: она приходит в самые судьбоносные моменты, чтобы осуждать, воспитывать, служить опорой. Как-то не получается у Зулейхи жить своим умом, даже освободившись «от домашнего деспотизма»!

Тема феминизации героини в романе Яхиной осталась непрочтенной для меня. Непонятно, в чем же именно эта «феминизация» проявилась? На протяжении всего романа Зулейха не борется с обстоятельствами, а просто плывет по течению. Даже смысл жизни не обретается героиней благодаря ее личным усилиям и долгим духовным поискам, а дается свыше — рождается сын Юзуф (прощальный подарок

мужа-«деспота»). Выжить им обоим помогают многочисленные друзья и покровители: Игнатов, Лейбе, Изабелла, Иконников... Во многом жизнь Зулейхи на Ангаре напоминает судьбу героини «Крутого маршрута»: обе провели свою лагерную жизнь на «блатных» местах (кухня, медпункт) благодаря добрым, отзывчивым людям. Есть ли в таком везении личная заслуга Зулейхи? Или это все же подарок Аллаха, к которому героиня на Ангаре обращается редко и по привычке, считая, что его «высочайший взор не достигал этой глухомани»? Вообще, не ясно, от какого именно «религиозного дурмана» избавилась Зулейха, если истинное религиозное чувство в ней изначально не обнаруживается. В вопросах веры героиня довольно практична: она почитает духов, которые, по ее убеждению, могут быть полезны в том или ином деле. Возможно, она и соблюдала в доме мужа обычаи ислама, но руководствовалась при этом, очевидно, не глубокой верой, а страхом перед очередным наказанием. Но вот героиня нарушила известные с детства правила и — «бездна не разверзалась у нее под ногами, карающая молния не летела с небес, бесы урмана не ловили в свои липкие паутины». Значит — все дозволено! И героиня дальше плывет по течению, пока не сталкивается с «наказанием» — нападением волков на Юзуфа. И — вновь ее окутывает «религиозный дурман»...

Конечно, нельзя сказать, что Зулейха совсем не меняется: необходимость защищать ребенка придает ей силы. Материнская любовь — неисчерпаемый ресурс энергии, наверное, для любой женщины. Но какова же Зулейха сама по себе — вне Юзуфа? На что она открывает глаза и что в итоге видит? Изначально ее мир ограничивался домом, поселком и лесом. После ссылки жизнь героини составляют лес, поселок и барак. Трудно поверить, что в таких условиях ее кругозор стал намного шире. Конечно, не стоит забывать о новом круге общения Зулейхи: с момента отъезда из Казани ее окружают интеллигентные талантливые люди. Но что героиня переняла у них? Она так и остается, по сути, необразованной женщиной, в голове которой безнадежно смешались суеверия и неосмысленные религиозные догмы. Повторюсь: освобождения от «религиозного дурмана» так и не произошло. Даже «паранджу» (платок) она сняла однажды не из внутреннего протеста, а от необходимости оставить какую-то свою вещь сыну, чтобы он не так остро ощущал материнское отсутствие.

Так в чем же выражается новоприобретенная свобода «феминистки» Зулейхи? Не в том ли, что она смогла наконец-то самостоятельно выбрать себе мужчину и так же самостоятельно отказаться от него? Думаю, это, скорее, говорит о любви и великодушии Игнатова: будучи комендантом поселка, он не воспользовался своей фактической властью над раскулаченной, а дал ей неожиданное в ее положении право выбора.

Самый главный, самый решительный поступок героини — разрешение Юзуфу на побег из лагеря. Зулейха оторвала от себя единственное, что годами составляло смысл ее жизни. Впервые в жертвенности героини сквозит не слабость, не покорное следование судьбе, а высокое мужество. Не зря явившаяся перед прощанием матери и сына Упыриха впервые обнимает свою сноху — как равную себе, как родную!

Роман «Зулейха открывает глаза» принес Гузели Яхиной несколько престижных премий и широкий круг читателей. Возможно, автору и не удалось с достаточной очевидностью «открыть глаза» своей героине, зато у него получилось написать хорошую книгу и приобрести собственное место в современном литературном процессе.

Борис РЯБУХИН

Борис Рябухин — поэт, драматург, прозаик, критик. Родился в 1941 году в с. Зимник Фрунзенского района Волгоградской области. Стихи начал писать с ранних лет. В 1959 году опубликовал первое свое литературное произведение — басню в газете «Волга».

В 1966 году переехал в Москву. Работал старшим редактором и ответственным секретарем — членом редколлегии журнала Минмонтажспецстроя СССР «Монтажные и специальные работы в строительстве» (в Стройиздате), научным редактором книжной редакции издательства «Молодая гвардия», разъездным корреспондентом журнала «Смена», литературным консультантом «Москва», старшим редактором и редактором отдела — членом редколлегии журнала «Молодая гвардия», возглавлял библиотечку журнала «Молодая гвардия», работал обозревателем отдела русской литературы «Литературный газеты», менеджером и заведующим отделом газеты ИТАР-ТАСС «Двадцать четыре», заместителем заведующего книжной редакции — членом дирекции издательства «Современник», заместителем главного редактора журнала «Мир транспорта», членом редколлегии, заведующим отделом культуры и ответственным секретарем журнала «Юность», начальником отдела информационно-методических изданий в Московском доме общественных организаций Правительства Москвы, заведующим редакцией издательства «Художественная литература».

Более восьми лет Борис Рябухин был на государственной службе в Миннаце России.

Рябухин — автор шестнадцати книг поэзии, прозы и драматургии.

Международное сообщество писательских союзов присудило Борису Рябухину за исторические хроники в стихах «Кондрат Булавин», «Степан Разин» и сборник стихов «Мятежный круг» Международную литературную премию имени Николая Тихонова за 1999 год. За драматическую поэму «Император Иван» журнал «Юность» присудил литературную премию имени Владимира Максимова в 2005 году. За поэтические книги «Избранное» и «Силы весенние» Астраханский государственный технический университет присудил Борису Рябухину премию имени Бориса Шаховского в 2008 году.

Поэт в России — бомж

Поэт в России — больше, чем поэт...
Е. Евтушенко

Поэт в России — меньше, чем поэт.
Поэт в России — бомж,
Когда переменился Этот Свет
И часть страны — под нож.

На вольных стихарей напал падеж,
Бомж — самый вольный вор.
Падеж—пойдешь—поди ж— падеж—поймешь,
Какой из виршей сор.

«Оставь семью и дом, иди за мной» —
Вольно на свалке жить,
Искать в помойке хлеб насущный свой
И раньше смерти гнить...

На Болотной площади

На Болотной площади,
В Майском доме, шесть,
На ветру полощется
На секирах жесть.

А с моста Лужковского
Слышен лязг замков,
Звон венчанья жесткого
Разинских оков.

На Болотной площади
Срублен атаман.
Что вы вечно ропщете,
Словно тот буян?

На Болотной площади
Еще много плах.
Головы по очереди —
Стынут на колах.

Тьмы тем

Весь мир без пощад поднялся на нас
И Кремль от осад Дух Ада потряс.
Он мертвых поднял в защиту Кремля —
До Судного дня разверзлась земля.

Не выдержал бес божественный срок —
Внезапно воскрес Бессмертия полк.
И ринулся вал из отчих гробов.
Кто жизни отдал — тот к смерти готов.

И мертвых тьмы тем колоннами шли
За стенками сцен хозяев земли.
И полк начал выть, и гроб спину гнет.
Но срок погубить губивших придет.

И на смерть шла смерть по мертвым отцам,
Без срама смотреть чудовищный срам.
Прошел по врагам, по странам тот Ад,
Окликнул гроба весь мир без пощад.

Скворец

Зимой мне было очень плохо.
И дня тянулись без конца.
А нынче улица оглохла
От крика первого скворца.

Он заразил меня весельем.
И ветер задышал весной.
И все дома, как в новоселье,
Вдруг засверкали новизной.

И призраки засохших листьев
Летят за сорванцом-скворцом...
Весна заставит веселиться —
И брызжет смех со всех концов.

* * *

Убаюкан вечер зноем.
Волга черный бархат стелет.
То сазан плеснет волною,
То акацией повеет.

Промурлычут самоходки.
Смех прорвется из купальни.
Шевелятся тихо лодки
Судаками на кукане.

Ночь в разладе

Раскалился край степи
В горнем горне.
Ты помедли, потерпи —
Будь упорней.

Это Астраханский край
Вывел танки...
Стресс у нас семью украл —
Мирно, с тактом.

Помнишь — зеркало в кусках,
Вкус развода?
Твой кураж не отпускал
Я три года!

Четверть века из окна —
Мир до рати.
Я один. И ты одна...
Ночь в разладе.

Рассветы праздновать надо

Я шел
Вдаль.
А степь звала
И все вела
Вдаль.
А ветер пел
И все летел
Вдаль...

И, как перекати-поле,
Носило меня по воле
Силой устремленья,
Силой назначенья,
Силой провиденья,
Ветром вдаль.

Я шел
В жизнь.
Мечта несла,
Как два крыла,
В жизнь.
За страсть и стать
Готов отдать
Жизнь.

Но понял я у заката —
Рассветы праздновать надо.
Выше устремленья,
Выше назначенья,
Выше провиденья
Только жизнь.

Четвертый мир

Из четвертого измеренья,
Отодвинув страстей туман,
Я смирял улыбкой терпенья
Распоясавшихся мирян.

Из страны Четвертого Мира
На бесовские орды жрецов
Посылал я с крестом и секирой
Дикой вольницы храбрецов.

На кургане жизни полынной
Я построил Четвертый Мир,
Перед Западом не повинный —
И Востоком необорим.

Сошедший с небес

Мы ждем мессию, а он здесь.
И не опознан, и не призван,
Но нимб сошедшего с небес
Над головой — святейший признак.

Вочеловечился для нас,
Стать Светом Разума надеясь.
А может быть, распят не Спас,
А человеческая ересь?

Каких он бездн хлебнул сполна,
Былой изгой — грядущий гений?
«А все же вертится она!» —
Твердит он с ужасом гонений.

Но те, чей не зажегся нимб,
Задуть свечу полны отваги.
От страха чернь кричит: «Распни!» —
У Черной речки и в ГУЛАГе.

Пугает Истиной Пророк.
И ученик его растерян.
Цикуты поднесет глоток,
Или повесит в «Англетере».

Богов Олимпа без стыда
Титаны тьмы свергают с бранью.
И жаждут Страшного Суда,
И ждут мессию на закланье.

А в мутном небе — гнус харизм
И белых братств и сатанистов.
Не ведаем, чего творим?
И мрак неведенья неистов.

На рубеже добра и зла,
На грани Разума и Сердца
Крест для Пришельца вознесла
Земля в затменье фарисейства.

Мимо глядел

Я тебе откровенно всю жизнь рассказал.
Только мимо глядел, только мимо.
Почему же всегда отвожу я глаза
От врагов, от друзей, от любимых?

Прибыл в Ад эмигрант из Лазурной страны,
По ошибке в Верховных расчетах.
Потому что в глазах человека видны
Все проказы и образы черта.

С привиденья Лилит[1] начался неуспех —
С первой злобной супруги Адама.
С Евой — новой женой, соблазнившей на грех,
Рай покинул Адам из-за срама.

Сколько ангельских душ извели на людей.
Но осталась ошибка в расчете.
Только мимо глядел, только мимо глядел —
Не видать света ангела в черте.

---

[1] Лили́т (ивр.) — первая жена Адама в каббалистической теории. Упоминается в некоторых ранних апокрифах христианства, не вошедших в библейский канон. В еврейском тексте книги Исаии, повествующей о запустении Идумеи после Божественного суда (Ис 34:14), предсказывается появление ночного привидения (lilith). Упоминается в Свитках Мертвого моря, Алфавите Бен-Сира, Книге Зогар. Согласно преданию, расставшись с Адамом, Лилит стала злым демоном, убивающим младенцев (этот персонаж присутствует и в арабских мифах). В Междуречье подобное имя носит ночная демоница, которая убивает детей и издевается над спящими мужчинами (упоминаются также и мужчины «лилу»).

Все пылает земля, как геенна в огне.
За грехи отвечая до смерти,
Сколько пало людей в тюрьмах, в бурях, в войне!
Люциферы кричат: «Гибнут, черти!»

Только в каждом младенце мне ясно видны
Все воздушные замки Лазурной страны.

Астроному

Е. Л.

— Молчанье — нам ответ
Из глубины Вселенной, —
Сказал один эксперт
С улыбкой Галилейной.
— Открытие других
Галактик послужило
Понять себя самих
И в космос путь открыло.
Кто ж выйдет на контакт
С космической дружиной?
Чужой язык и такт
Планет недостижимы.

Но он понять не смог:
Мы всем мирам известны,
В контакте с нами Бог
И сонмы Сил Небесных.

Сергей ДМИТРЕНКО

Сергей Дмитренко родился в 1953 году во Владикавказе. Прозаик, историк русской литературы и культуры. Служил в ВВС. Окончил семинар прозы Литературного института имени А. М. Горького и его аспирантуру. Кандидат филологических наук, доцент Литературного института. Подготовил издание «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина со сводным комментарием (СПб.: Вита Нова, 2010), антологию «М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra» (2013), несколько десятков разных сборников и др. Лауреат премии «Нового Журнала» (Нью-Йорк) за лучший рассказ (2001), финалист премий «Русский Декамерон» (2003), «Нонконформизм» (2011), международного Волошинского литературного конкурса (2015), всероссийского конкурса «Музыка слов» (2016).

Дебют в «Юности» — статья о поэте Григории Поженяне «Чистая волна» (№ 2, 1984 год). Прозаический дебют в «Юности» — рассказ «Невеста» (№ 7, 2005 год).

Туда-сюда

Рассказ

Рисунки Марины Медведевой

Проводница разбудила-растолкала своих пассажиров после стоянки в Джанкое, и так, в полудреме, они докатили до феодосийского вокзала.

А здесь, оказывается, их ждали.

Ждали на перроне, у самого вагона — только сошли с решетчатых ступенек, и Роня неловко подцепляла пока не загоревшими пальцами слетевшую с левой ноги танкетку.

— Вам нужна квартира, — сказала тетка в сарафане, предназначенном, видно, для привольного открытия грудей.

В руке у тетки была грязноватая пустая сумка квадратиком, сшитая из какой-то синтетической дряни.

— Вы спрашиваете? — предусмотрительно спросила Роня, наконец обувшись и притопнув ногой.

— А чего спрашивать? — сказала тетка. — Оно видно. Если б не надо, вас бы встречали.

— Ну, это не обязательно, — возразила, перекинув сумку через плечо, Алла.

— Пять минут от моря, — сказала тетка. — А море вот оно. Пляж-то есть.

Это было неопровержимой правдой.

— Пять минут от моря, — повторила тетка. — Ну, от силы пять минут тридцать секунд. Беру недорого, убедитесь. Засекайте время и пошли́те уже.

Роня и Алла отступили от вагона, пропуская пассажиров, но никуда не пошли.

— Могут поступить более соблазнительные предложения, — сказала Роня.

— А я думал, вы купаться приехали. — Из-за их спин появился брюхатый дядька в майке навыпуск

и со свернутой газетой в руке. — Если серьезно, есть номер в частном доме. Со всеми удобствами.

— Иди в другое место со своими удобствами. Не нарушай правила! — спокойно сказала тетка.

Брюхатый, осматриваясь, отступил.

Но тут же другой искатель появился, широкоплечий молодой брюнет с усами.

— Девушки, такси надо, рака-бака? Привезу куда скажете.

— Ехай отсюда, рака-бака, — напустилась на голубоглазого усача тетка, даже сумкой своей махнула в его сторону. — А они приехали уже.

— Что это за *рака-бака*? — спросила Роня.

— А... *Туда-сюда* по-ихнему. Это Маирбек, осетин из Цхинвала, пристает ко всем, а у самого «москвич» раздолбанный. У пожарников купил. Обманет, верно вам говорю.

— *Рака-бака*, — повторила нараспев Роня.

— А я не обману, — заволновалась тетка. — Поглядите. Не понравится — ищите сами. Город большой, весь день впереди. Засекайте время.

— У нас часов нет, — сказала Роня.

— А вы по мобильнику...

Тетка не обманула. Она сдавала однокомнатную квартиру поблизости, в квартале хрущевок, слева от Галерейной, на улице Войкова.

— И тут Войков? — удивилась Алла.

— В Крыму тоже была революция и гражданская война, — сказала тетка.

— Когда это было! — подхватила Роня. — Теперь у вас и государство другое.

— Государство здесь всегда одно — Крым, — не отступала и тетка. — Море и люди. А вы, как вижу, студентки.

— Мы ординаторы, — сказала Роня.

— Тем лучше. Меня зовут Изольда Терентьевна, можно Иза, а вас?

— Я Вероника, — сказала Роня. — А она — Авва. — Роня произносила звук «л» немного по-польски.

— Понятно. Я что хочу сказать, Вера и Алла. Вам здесь повезло, что меня встретили. Море рядом. Все удобства. Беру недорого, на пляже у соседей поинтересуйтесь, кто сколько платит. Единственная маленькая подробность: жиличка у меня сейчас в квартире.

Девушки сжали ремни сумок.

— Но это не проблема. Она только ночует, да и то не всегда. Пустила, потому что было свободно. А теперь съедет. Сегодня предупрежу, и до конца недели съедет.

Был четверг.

Девушки стеснились в крошечной прихожей перед Изольдой Терентьевной, перекрывавшей дверь на выход.

— Ничем не рискуете. Вот ключи, — сказала хозяйка. — Она женщина серьезная, работает кондуктором на автобусе до Кара-Дага. Подрабатывает летом, когда народу не хватает, а сама

из Житомира. Спать будет на кухне. А я с вас пока лишь за пять дней возьму, чтоб не сомневались. И без курортного сбора. Только если проверка, не дай бог, всем говорите, что, значит, как бы сегодня приехали, а билеты затерялись где-то. Но вначале поищите их для порядку.

В Крыму Роня и Алла были впервые. В студенчестве и в Турцию летали, и в Тунис, и на Крит, между прочим. А здесь как-то само собой получилось. Роне в мае «ситроен» подвернулся не новый, но ухоженный, из первых рук, по цене выгодно, нельзя упускать — хотя, понятно, в долги влезла. А у Аллы и вовсе любовь закончилась — то есть гражданский брак, три года потеряла, дура, — «Алленок, давай-ка мы на лето разъедемся; а в сентябре посмотрим... а квартира?.. ну, что ж нам за квартиру три месяца впустую платить? получше снимем, если что, все равно ведь не очень она и неудобно до работы добираться...» Разговор происходил как раз тридцать первого мая утром, когда хозяевам за квартиру платить надо... Ну, в общем, все понятно, а любовь не просит, давно известно, и вот уже в слезах-соплях на Ронином «ситроене» вывозят из этой клятой гражданско-брачной квартиры в родительский дом Аллы Анатольевны ее вещи. И вдруг, на просмотре антресолей — не позабыто ли что? — валится Роне на голову старая книжка, «Крымские чудеса», цена 60 коп., солнце закатывается в море, скалы, лодка с мальчишками, красным корешком по кумполу... Полистала. «Поехаи, Авка, дево говорю, поехаи... Там же Коктебевь, Явта, Чехов, Грин, Айвазовский, Вовошин... *Пройди по лесистым предгорьям, по бледным полынным лугам к широким моим плоскогорьям, к гудящим волной берегам, где в дикой и пенной порфире, ложась на песок голубой, все шире, все шире, все шире развертывается прибой...*» Стихов Роня знала много и — самое интересное — читала их так, что никаких полонизмов в ее произношении не слышалось.

И вот поехали-приехали. И «Крымские чудеса» им на голову свалившиеся почитали, и в Интернете покопались — так что решили начать с Феодосии, куда поезд привезет. Все-таки и Айвазовский здесь, и Грин, и Коктебель поблизости...

— Здравствуйте, девушки. Вы сегодня на московском приехали?

Вообще-то Алла этого парня давно приметила. Он мимо них, на пляже лежащих, уже раза три прошел. И все на них пялился, да и сам не промах — это ж надо так на курорте вырядиться: дочерна синие какие-то зимние брюки, тяжелые осенние туфли на толстой подошве — и рубашка в серенькую клеточку, с рукавом длинным.

— Вы удивительно догадливы. — А Роня даже головы не подняла, ничком распласталась под солнцем. — Тоже из встречающих? Припозднились, однако.

— И я на московском ехал. Вы в девятом вагоне, а я в одиннадцатом.

Тут и Роня голову подняла.

— Вы что же, за нами следили?! — подслепова-то смотрела на присевшего рядом с ними парня и моргала — то ли от солнца, то ли изумляясь его одеянию.

— От самой Москвы. Вы так весело на Курском вокзале смеялись...

— Это все маска, — пробасила, и даже с подвыванием, Алла.

— Ну и подошли бы тогда. — Роня была снисходительнее. — Смеялись бы вместе дорогой дальнею...

Парень вздохнул.

— А чего вы не купаетесь? Не любите?

Парень не понял — и вдруг быстро разделся: оказался довольно смуглокожим, ну а плавочки — соответствующие, с пуговками сбоку: такие Роня только на черно-белой фотографии видела, из восьмидесятых годов, на папе, где он с ее мамой запечатлелся, в городе Гагры результативно отдыхаючи.

— Вы за вещичками не присмотрите? Я быстро.

— Не торопитесь, — проговорила Алла. — Мы загораем.

— Вот и кавалер появился, — сказала Роня, когда парень, разбежавшись, нырнул в низкую волну.

— Смотри-ка, плавает он хорошо, — удивилась Алла.

— Плаваете вы хорошо, — повторила она, когда парень наконец к ним вернулся.

Он махнул рукой.

— Я уже в три года по нашей Тойме плавал. И вообще плавать люблю.

— А где эта ваша Тойма? — Алла, родившаяся и выросшая в Москве, догадывалось, что это не поблизости.

— В Удмуртии. — Парень, кажется, удивился, что они не знают.

— Значит, вы удмурт? — вдруг спросила Роня.

— Конечно, — парень вновь ответил с удивлением.

— И по-удмуртски знаете? — не отцеплялась Роня.

— Ну, знаю, наверное. Со мной прабабушка только по-удмуртски говорила.

— И знаете, как будет по-удмуртски *туда-сюда*?

— А, это я точно знаю! — обрадовался парень. — Помню, помню. *Отчы-татчы.*

— *Отчы-татчы,* — повторила Роня. — *Рака-бака.*

— Что? — спросил парень.

— Неважно. Вас как зовут?

— Филипп.

— Можете, Филипп, расслабиться, позагорать. Меня Вероника зовут, а ее — Авва.

— Алла? — переспросил Филипп. — Очень приятно. Только мне сейчас идти надо. С дядей увидеться, он здесь с семьей отдыхает. Но мы обязательно встретимся.

Он подхватил свои рубашку-брюки, сунул ноги в туфли и, не завязывая шнурков, поплелся от них по хрустящему ракушками песку.

— Как думаешь, Филипп к тебе клеится или ко мне? — спросила Роня и сама же ответила: — Думаю, к тебе. Удмурт, а от русского не отличишь.

Когда, уже при вечерней темноте, обгоревшие после первого дня Роня и Алла обмазывали друг друга привезенными с собой кремами, появилась жиличка.

Лампочки по квартире Изольды Терентьевны были слабенькие, тусклые, но разглядеть можно.

Жиличка оказалась загорелой выгоревшей блондинкой, невысокой, коренастой, в желтеньком сарафане выше крепких круглых коленок.

— Добрый вечер, девчата, — сказала она довольно низким голосом, который обычно называют бархатным. — Чего вы за одежду хватаетесь? Я Ира. Все свои. Меня тетя Иза предупредила. Сейчас душ приму, — махом стянула с себя сарафан, оставшись в одних красных плавках, груди торчком, загорелые. — Душ приму и за чайком познакомимся.

— Надо же: познакомимся, — сказала Роня, когда в совмещенном санузле зашумела вода. — А может, мы не хотим: познакомиться.

— Брось. — Алла сосредоточенно и аккуратно разглаживала крем по обгоревшей коже. — Познакомимся — раззнакомимся!

Впрочем, жиличка расспросами их не донимала. Чай оказался коротким. Сказала, что из Белоруссии, а замуж вышла в Житомире, занимается там ремонтом квартир, а летом здесь подрабатывает — и отдыхает заодно. К воскресенью съедет, варианты есть. Пригласила завтра прокатиться на ее маршруте до Кара-Дага: «Вы ж сдуру обгорели, теперь придется хотя бы пару дней от солнца прятаться. А я вас туда-сюда бесплатно провезу. Погуляете, посмотрите. Там очень красиво». И попросилась спать: «Но если что на кухне надо, заходите; мне не помешаете».

Наутро, ежась оттого, что обожженная кожа повсюду терлась об одежду, Роня и Алла вышли ко второму рейсу Ириного автобуса на Кара-Даг, то есть до поселка Курортное. Принципиальная Роня,

несмотря на попытку жилички провезти их за так, билеты у нее почти силком купила. Народу в раздолбанном «пазике» поначалу было битком, но многие выходили на ближних остановках. «Может, в Коктебеле нам погулять? — спросила Роня у сновавшей по салону Иры. — Все-таки Волошин...» Но Ира затолкнула их на освободившееся сиденье: «В Кара-Даг! Красота необычайная. Коктебель никуда от вас не денется. Пройдет ожог, даже с нудистами позагораете. Если захочется».

Засмеялась, и Алла вспомнила, как вчера они при тусклом свете голых квартирных лампочек увидели сплошь загорелую Иру. «Сколько ей лет? Наверное, чуть за тридцать».

Стояла жара, Роне казалось, что у нее температура, и, добравшись до биостанции Кара-Дага они, несмотря на то, что захватили с собой по совету Иры кроссовки, решили экскурсионный осмотр красот отложить на следующий раз, а пока просто погулять. Даже поплавали в тени скал не снимая маек — вода здесь была чистейшая, не то что в Феодосии, а потом, переодевшись в сарафаны, с высыхающими майками на плечах, двинули посмотреть поселок, это самое Курортное. И пообедать, конечно.

На бесконечной эспланаде кое-как отыскали свободный столик в кафе. Впрочем, не совсем свободный, наиболее свободный — за ним сидел пожилой мужчина, можно сказать, загорелый белый — сохранившаяся седая шевелюра, седая стриженая бородка — шкиперская, что ли, она называется — хлопчатая наглаженная рубашка, холщовые брюки со стрелочками, теннисные туфли. Сидел, уставившись в чашечку эспрессо, рядом — свернутая газета. «У вас свободно?» Радостно посмотрел-осмотрел их, придвинул к чашке газету еще на пару сантиментов. «Да-да, пожалуйста».

Проголодавшиеся Роня и Алла взяли чебуреки, салаты, Алла — бокал пива, температурившая Роня, тем не менее, мохито. Пришлось разговориться со скучающим старичком, представившимся Романом Теодоровичем.

— А вы не поляк случайно? — вдруг спросила раззадорившаяся от мохито Роня. — Может, скажете нам, как по-польски *туда-сюда*?

Алла смотрела на подругу с веселым изумлением.

— Нет, я не поляк, — размеренно отвечал Роман Теодорович. — Хотя польские крови, несомненно, во мне струятся. Могу сказать вам, как это по-румынски-молдавски, что одно и то же. *Ынколо-ынкоаче.* Ну, конечно, по-английски...

— Это я знаю, — перебила размеренную речь Роня. — *Тзета*...

— А по-немецки *хин-унт-хир*, — не без иронии произнесла Алла, хлебнувшая пива.

— Да-да, конечно, — закивал бородкой их несколько жеманный собеседник. — А по-церковнославянски, милые барышни, это будет: *овамосемо.* Или на эсперанто: *тиен кай рээн*.

— Кому нужно это эсперанто?!

— Сейчас-то, действительно, интерес ушел. А в наши времена, в студентстве, я из-за эсперанто даже под колпак кагэбэшников попал. Пришлось из Киевского университета сюда, в Симферополь, переводиться. Пытались сшить нам группу, которая перерождается в антисоветскую...

— Кагэбэшники — это эфэсбэ сейчас? — спросила Роня. — За мной курсант оттуда ухаживал. Очень смешной. Говорил, что моя профессия очень ему подходит.

— А какая у вас профессия?

— Я тогда просто студенткой медуниверситета была. А сейчас ординатура по отоларингологии... Да ему все равно было, какая ординатура. Главное, что врач. Он и Алле предлагал кавалера привести, из своих. Помнишь?

— Забыла сразу. Много их, таких, сновало, на профессию падких. *Хик эт иби.* Обхохочешься.

— Вы и латынь знаете?! — обрадовался Роман Теодорович.

— Медицинскую. А сейчас учим украинскую терминологию. Знаете, что это такое... Ронь, как... Мы в аптеке здесь видели..

— Э-э... Пэрэдмихурова залоза.

— Шутницы вы, девушки. — Роман Теодорович со всеми своими сединами и белоснежностями вдруг как-то предынсультно побагровел. — Туда-сюда...

— Да, так как-то... Потихоньку изучаем языки общения, — меланхолически отвечала Роня. — А вы филолог?

— Искусствовед. Ученик профессора Габричевского. Александра Георгиевича. Родился перед войной в Феодосии, а после освобождения Крыма мы здесь, в Отузах, то есть в Курортном этом жили. Как-то в Коктебеле, его тогда в Планерское переименовали, с Александром Георгиевичем и с его женой Натальей Алексеевной познакомился. Они меня подкармливали, книжки давали читать, а потом и в университет подготовили...

— Так вы приезжий... отдыхающий? — спросила, поправившись, Алла.

— Давно уже постоянно отдыхающий и здесь живущий. После сестры дом остался, я и заселился. Кстати, свободен от постоя, но хорошим людям сдаю. Вам и вовсе сдам безвозмездно.

— Мы в Феодосии поселились, — сказала Алла.

— Здесь не занято? — Сорокалетний примерно крепыш со стаканом красноватого сока показывал на четвертый, свободный стул за их столиком.

— Пользуемся успехом, — едва слышно прошипела Роня и одарила вопрошавшего своей знаменитой застенчивой улыбкой. — Пожалуйста.

Крепыш сел, отхлебнул своего соку.

— Так вы из Феодосии? — обратился к Алле.

— Пожалуй, это не имеет никакого значения.

— Мы в Феодосии тоже работаем, — сказал крепыш, — но отдыхать нужно здесь. — Он достал из рубашечного кармана визитку и положил перед девушками. — Vadim Shapovalov «Federal-Context-Invest» coordinator. Russia, Moscow, box... Mob. ...

— Понятно, — сказала Роня. — В свободном полете.

— Почему в свободном? — удивился Vadim. — Мы здесь инвестициями занимаемся, недвижимостью. И много чем.

— Из Москвы?!

— А что, «из Москвы»? Разве вы политэкономию не учили? Капитал границ не имеет. Россиянами, между прочим, в Крыму, наверное, на две трети всякой собственности скуплено. Эрмитаж Херсонес раскапывает. А западный Крым Янукович собрался продать китайцам...

Роман Теодорович завороженно смотрел на крепыша.

— Да-да, включая Евпаторию и Севастополь. И Саки...

— Неужели и Саки тоже? — заполошно изумилась Роня, но бизнесмен юмора не понял — не принял.

— Скоро увидите!

— Тогда вы, наверное, знаете, как по-китайски *туда-сюда*, — завела свое, уже привычное, Роня, но у Vadim'а знакомо — «Прощание славянки» — заиграл телефон. Он ответил, сосредоточенно слушал.

— Хорошо, едем в Судак, — ответил наконец. — Сейчас выйду к воротам. Кстати, тут девочки интересуются, как по-китайски *туда-сюда*?

Послушал, засмеялся.

Роня и Алла нахмурились.

Vadim сделал успокаивающий жест.

— Говорит: у китайцев есть только *сюда-туда*. А вообще-то слушайте. Повтори, Коля.

Включил громкую связь, и они услышали немного визгливый мужской голос:

— *На-ли-дчо-ли*, — так, кажется. — *На-ли-дчо-ли*.

Vadim вновь переключил телефон, стал слушать.

— Передам.

С сожалением расстающегося посмотрел на Роню и Аллу.

— Вынужден вас покинуть. — Романа Теодоровича он не замечал. — Мы здесь в гостинице остановились. Колеса есть. Так что если заскучаете, звоните. Коля тоже приглашает. Как видите, он уже и китайский знает.

— Да, мы слышали, — кивнула Роня.

— Бизнес. Ничего святого, — вздохнул Роман Теодорович, когда Vadim исчез среди туй и кипарисов.

— Неужели китайцам продадут? — И Алла припала к своему пиву.

— Могут и турки опередить, — покачал головой Роман Теодорович. — Они сюда давно вглядываются. Ждут, небось, когда аренда Севастополя кончится. Это даже хорошо, что там российский флот стоит. Но этому... москвичу... никакого дела до флота. «Две трети Россия скупила» — и что?

— Приятно, что наше. Будем как домой ездить, — сказала Роня. — *Туда-сюда.*

От гостеприимного старичка отвязались только на автобусной остановке, куда вышли, как им велела Ира. Ученик профессора Габричевского предлагал провезти их с культурно-историческими экскурсиями по всему побережью Крыма — от Феодосии до пока еще украинской Евпатории, правда, на прямой вопрос Рони: «На чем провезти?» ответил обобщенно: «Это не проблема», зато, выхватив из рук Аллы зачем-то ею взятую со стола визитку Vadim'а, накарябал на ней своей плохо пишущей ручкой номер мобилки.

— Остаетесь? — подмигнув, спросила Ира, увидев Романа Теодоровича рядом с ними.

— В амбулаторном режиме, — ответила Роня, забираясь в автобус и даже не простившись со старцем.

Она вдруг ни с того ни с сего напыжилась, давно Алла ее такой не видела. Ира это тоже почувствовала и ехать им за *бесплатно* даже не предлагала. Народу в автобусе было мало, Ира уселась на кожух, справа от водителя, прикрывавший двигатель, и, болтая ногами, что-то шумно, с хохотом обсуждала с ним.

— Ну и ну, — вдруг сказала Роня. — Смотри, как трусами своими светит, расставила ляжки. Пойду скажу ей.

Извиваясь вместе с поворотами автобуса, пробралась к Ире. Та громко засмеялась, а вслед за ней загоготал и водитель.

— Ну что? — спросила Алла, когда Роня доползла до нее.

— Да что ей! Ржет. Говорит, это не трусы, а плавки — курортная форма спецодежды.

Близ феодосийской автостанции затихал вечерний базар. У одной из загорелых старушек, на перевернутом ящике, застеленном потрепанной газетой, рядом с горкой мелких кривых помидоров лежали лампочки в картонных старинных футлярчиках.

Роня посмотрела одну. Сто ватт.

— Берите, — сказала старушка. — Сто ватт. Берите все. В России теперь таких не выпускают.

— Откуда вы знаете, что мы из России? — удивилась Алла.

— Оно видно, девочки, — не стала объяснять, может быть, не такая уж по возрасту и старушка. — Берите все. Недорого прошу.

Лампочек взяли пять: на коридорчик, санузел, кухню — и две в комнату. Но только начала их Роня в квартире перевинчивать — заперлась тетя Иза и вслед за ней Ира.

Ни той ни другой усовершенствование не понравилось. Ира сказала, что при тусклом свете ей спать удобнее, а Изольда Терентьевна хихикнула в том смысле, что вы, девочки, дело молодое — вам свет не включать на полную, а гасить надо.

Роня ей, понятно, отпела: «А мы любим с Аввой — при свете». И посмотрела соответствующе, после чего Изольда Терентьевна напомнила, что свет тоже денег стоит. Сговорились на том, что девушки, съезжая, заплатят ей по счетчику, отдельно.

Но на следующий день платить им стало совсем нечем: после обеда на пляже у них украли все деньги.

Деньги были доверены Роне: она их — и наменянные гривны, и рубли, и пятьдесят долларов — аккуратно свернула и засунула в пачку из-под сигарет «Ява золотая» с наклейкой «Курение — причина рака яичек», собственно, из-за этой наклейки пачка года два назад к никогда не курившей Роне курьезно попала — отдельная история, и вот: пригодилась, так из Москвы и везли, глаз с нее, можно сказать, не сводили. Хотя бабушка советовала Роне по старинке их в лифчик зашить. «Куда ж я зашью? Вон их сколько, нам советовали помельче везти, пятисотками и тысячами, чтоб менять там по мере надобности». — «Вот поделите с Аллой поровну — и зашейте, проверенный способ».

Не послушали: набитая деньгами пачка лежала в косметичке, косметичка в пляжной сумке, а теперь — все на месте, кроме этой пачки.

Но пачка была, точно: ведь в косметичке также лежали кремы от загара и для загара, оксолиновая мазь и презервативы, Роня упаковку всегда с собой возила, с тех пор, как заботливая мама положила ей таковую в день отъезда в студенческий зимний лагерь. И крем они уже на пляже в себя долго втирали, и пачку тоже видели — но вот, косметичка есть, а пачки с деньгами нет. Загадка. Тайна. Тупик.

Перерыли, конечно, все. И то, что с собой на пляж брали, и потом то, что дома осталось. Хотя про дом смешно было надеяться: Роня своими руками, под приглядом Аллы, доставала на пляже из пачки сто гривен, чтобы купить кукурузу, рачков и другую бестолковую, но лакомую ерунду. Алла вроде вспомнила, что когда они вздремнули, мимо проходил кто-то и даже свое полотенце рядом уронил. «Что ж ты молчала! — завопила Роня. — Как он выглядел?! — Я же говорю: дремала я. И ты дремала. Уронил — поднял. Невзрачное такое полотенце, застиранное какое-то. Но большое. — И денежки наши с этим полотенчиком — ту-ту! Профессионал работал».

Теперь у них только и оставалось, что сдача с этой сотни в кошельке Аллы — сорок три гривны с копейками.

Провалявшись до темноты на пляже, Роня и Алла побрели домой.

Ира уже спала, так что свет на кухне зажигать не стали.

Безнадежно еще раз перетряхнув все свои вещи, сидели в комнате, грызли оставшиеся с поезда галеты, запивая массандровским мускатом (первая и, как видно, последняя здесь бутылка), а когда мускат кончился, — солоноватой минеральной водой.

Из хорошего было только: уцелевшие паспорта и обратные билеты на поезд. Но это без малого через две недели.

Ни той ни другой не приходило в голову звонить родителям и просить денег.

Наконец в легком хмеле (Аллу, правда, подташнивало) легли спать.

Наутро Роня предложила пойти на вокзал и попросту обменять билеты на ближайший поезд в Москву. «Надо испить свою вину. Коль прошляпили, так прошляпили. Я, конечно, главная шляпа, так что в Москве тебе все деньги верну. Не позже сентября».

— Хватит умничать! — вдруг оборвала ее Алла.

Но обменять билеты не получилось. Сдать — пожалуйста, но купить — после сдачи или до того, даже если бы деньги были, — увы! Нет билетов в Москву, как нет. Впрочем, вообще их здесь нет. И до сентября не предвидится.

Искать выход решили на пляже, но близ вокзала их окликнул Филипп. На этот раз, вероятно, дядя переодел его в длинные шорты жуткого изумрудного цвета, в белую футболку с эмблемой грядущей сочинской Олимпиады и надписью «Пробьемся!» на фоне дерущихся за шайбу хоккеистов. На макушке Филиппа скосилась бейсболка с красно-синим логотипом чего-то: «Сильна Україна».

— Здравствуйте, Вероника и Алла! — поздоровался он, старательно выговаривая каждое слово. — На пляж?

— Да, на пляж, — ответила Роня и вдруг выпалила разом: — Но только не сюда, а в Курортное, на Кара-Даг.

— Правда? А мне можно с вами? Я много читал — и о Кара-Даге, и о Коктебеле... Это ведь рядом.

— Конечно, рядом. Там все рядом, даже нудистские пляжи. *Отчы-татчы*, как у вас в Удмуртии говорят.

— Запомнили! — обрадовался Филипп. — С удовольствием с вами поеду, если приглашаете.

— Поехали. Только учтите, мы сегодня не при деньгах, так получилось. Не одолжите ли нам некоторую сумму... до понедельника?

— Конечно-конечно. Можно, я вам билеты куплю? Это на электричке?

— Автобусом. Только бумажник свой берегите. Воришки сюда не отдыхать, а работать приезжают...

— Как думаешь, Филипп вправду считает, что мы ординаторы? — спросила Алла Роню на автостанции, пока Филипп ходил за водой и фруктами.

— Главное, чтобы мы сами так считали, — отговорилась Роня.

Она не знала, как быть дальше, и пока что неслась туда, куда ее подталкивали обстоятельства.

Дорогой выяснили, что Филипп — аспирант Физтеха, на выпуске. Зимой должен защитить диссертацию. «Дядя у меня в Днепропетровске живет и туда приглашает. Обещает работу с квартирой. Ведь в Москве на квартиру только и придется работать... Правда, между нами, тема у меня по оборонке. Но ведь и у них тоже оборонка и, кстати, очень с нами завязанная. Так что сейчас надо найти общий коридор, как говорит дядя. Он поищет, у него связи. Это вам, врачам, просто — границ нет, всюду нужны...»

— Молодец! — Роня чмокнула Филиппа в щеку. — Правильно. Мы всюду нужны.

Но Филипп на этот поцелуй никак не отозвался. В автобусе он сидел рядом с Аллой, и Роня — вот и не успела рядом с подругой, оказалась позади них — смотрела, как Алка прямо-таки румянилась на глазах.

В Курортном сразу кинулись на пляж. Алла и Филипп — в воду, а Роня осталась вещи сторожить. Впрочем, ее уже и не спрашивали. Убежали. Алка в стрингах, Филипп — в плавках с пуговками.

Роня вытащила из злополучной косметички визитку Vadim'a — с накарябанным телефоном Романа Теодоровича. Пожалуйста, выбирай.

Набрала номер ученика профессора Габричевского. Долго не отвечал, хотела отключиться, но вдруг прорезался.

— Ой, это вы, Веро́ника! А у меня, извините, телефон в кармане запутался... Вы где?

Оказалось, Роман Теодорович, как и позавчера, болтался поблизости и появился рядом с ней, слегка даже запыхавшись от быстрого шага.

Расцвел старик.

— Решились на экскурсии? А где же Аллочка? — В голосе так и пела надежда.

— Аллочка в море с кавалером — вона где. К горизонту плывут. Мы, Роман Теодорович, поработать бы хотели. Дней десять. До отъезда в Москву.

— Э-э... В каком смысле?

— В самом банальном. У нас с Аллой украли все деньги. Обратные билеты обменять не удается, так что надо как-то перекантоваться.

Старик чуть помедлил.

— Так я вам дам денег.

— Нет, вы не поняли. Мы не хотим одолжаться, мы хотим заработать. Я без году отоларинголог, Алла — и вовсе кардиолог. Может, здесь где-то если не как медсестры, хотя бы как санитарки сгодимся. Уколы делаем — комар больней кусает, и все остальное. Опыт работы есть. Вы же здесь всех и все знаете, помогите!

— Э-э... У меня есть знакомый. Он набирает тайных покупателей...

— Простите?

— Это так называется. Неплохая работа. Проверять качество обслуживания. Получаете задание — и заходите в магазин, аптеку, в ресторан. Заезжаете на бензоколонку...

— Я без машины. Хотя права с собой. Не украли, к счастью.

— Ну, и проверяете, как вас обслуживают. Выявляете, так сказать, узкие места. Потом готовите отчет. Оплата сдельная. Но поесть, а то и выпить немного удается. Он меня тоже привлекал.

— Нет, спасибо, Роман Теодорович. Эти тайности нам с Аллой не подойдут. Мы люди скромные... Нам бы что-то под личную ответственность.

Роман Теодорович задумался...

Алла и Филипп плавали долго, не возвращались к берегу. «Наверное, подробности автобиографии Алке излагает», — ворчливо думала Роня, подглядывая то в море, то на Романа Теодоровича, шумно звонившего на разным номерам.

Когда улыбающиеся пловцы наконец выбрались из хлябей морских, все было определено.

— Извини, Роня, увлеклись — здравствуйте, э... Роман Теодорович, — иди поплавай, вода — чудо. Скажи, Филипп.

— Поплаваю. Я тебя и себя поздравляю. С завтрашнего дня мы с тобой — горничные.

— *Не поняла́.* — Алла произнесла это, по-местному, с ударением на последний слог.

— Роман Теодорович договорился, — старец со своей этой театральной жеманностью склонил голову, — и нас примут здесь горничными в гостиницу. Ну то есть, конечно, на самом деле уборщицами. Короче, номера будем убирать, дело нехитрое. До отъезда. Зато есть где ночевать и питание тоже за их счет. Чаевые, если будут, тоже наши. Так что гульнем еще. Сегодня съездим за вещичками, а завтра — за работу, товарищи! Ну?! По глазам вижу, что согласна.

— Во всяком случае свою коллекцию *туда-сюда* ты пополнишь. Усовершенствуешься в познаниях. — Алла растерялась, но уже понимала, что выход найден. Всего десять дней, плевое, в сущности, дело. А потом Москва!

— Девчата, может, я вам все же денег... — Филипп смотрел на молчавшую Аллу. — У меня должно хватить.

— Побереги на автобус! Будешь к нам в гости приезжать!

Какой-либо уверенности в голосе Филиппа Роня не услышала, да и дело уже обговорено. Надо будет рассказать Алке, как этот старый пердун все же попытался предложить знакомство со здешним... ну да, понятно: фотохудожником! Ландшафтные и морские съемки... «Голыми, что ли?» «Обнаженными», — потупился Фома Тартюфович. «Нам же с Алкой на двоих без малого полтинник... Нашли топ-моделей». «Вы ничего не понимаете в женской красоте, в женском взгляде!» Или на вшивость проверял, все же человек культурный, с языками. Хотя: ну что ж — *обнаженными*?! Когда тянуло, фотографировались и обнаженными, бывало...

— Но все же, Вероника, я оставляю за собой право приглашать вас с Аллочкой к себе в гости... Отдохнуть под сенью винограда. — Роман Теодорович опомнился. — И молодого человека приглашаю...

— Ну, это ежели рабочий график позволит.

Роня почувствовала, что настоящий отдых, с неожиданностями и приключениями, на этот раз не противными и не такими бездарными, как эта непонятная кража, у них только начинается.

— Не везет мне в этом сезоне, — сказала тетя Иза. — Бежит клиент.

Роня и Алла стояли с вещами наготове. Следующий рейс автобуса до Кара-Дага был через сорок минут.

— Извините, Изовьда Терентьевна, — сказала Роня. Ее польское «л» слышалось сильнее, когда она волновалась. — Но вы сами предвожили нам квартиру, мы и с поезда сойти не успеви. А потом у нас деньги украви. Пватить нечем.

— Да я понимаю, — сказала тетя Иза. — Но и вы меня поймите. Я тоже потери несу. Где мне сейчас новых найти? Московский уже пришел, киевский тоже...

— Но мы же не регистрировались, — сказала Роня. — Навог платить не надо.

— И ночевали только четыре ночи, — напомнила Алла.

Как яростно посмотрела на нее Роня.

— Что ж, мне деньги вам возвращать? Из чего? Я уж потратила. Квартплата, на прожитье, сами знаете.

— Ничего возвращать не надо, — твердо сказала Роня. — Пусть это будет маленькой компенсацией. Спасибо вам за все! Пойдем, Авва.

— Хорошо, что Ирку не выперла окончательно, — проговорила тетя Иза им в спину, потащилась следом. — Пойду скажу, чтоб возвращалась пока. Все же какая-никакая, а копейка от нее приходила.

— Да вы ей, тетя Иза, по мобилке позвоните, — сказала Алла. — Чего ноги бить?!

— Мобилка! — с чувством проговорила тетя Иза. — У ней мобилка вечно незнамо куда засунутая. Лично оно быстрее. Не говоря о том, что вернее. Пойду.

Они вышли из подъезда и по-разному, но все вместе двинулись в сторону автовокзала.

Алла крутила головой — понятно, Филиппа высматривала.

— Тетя Иза, извините, просто хотелось узнать... — вдруг вернулась к своему Роня. — Может, вы скажете, как по-украински *туда-сюда*? А то этот... Маирбек сказал нам, как по-осетински, *рака-бака*, а все-таки интересно узнать, как оно по-украински?

— Э... девочки... *Туда-сюда*. А вот и не знаю. Наверное, так же, как по-русски. Ведь мы ж один народ, как говорится. Все едино. А если по правде, и вовсе советские. *Туда-сюда* всем понятно.

— А Ира нам сказала, что она белоруска, и по-белорусски это: *туды-сюды.* Отличается все же.

— *Туды-сюды*! Белоруска! А живет в Житомире. Я же и говорю, все здесь понятно. — Изольда Терентьевна вдруг огляделась, даже как-то почти что воровато. — Знаю. Вот знаю, как это здесь татары говорят. — Она почти зашептала. — Только вы громко не повторяйте, а то услышат и обидятся еще или что-то. Народ все же горячий. — Прошелестела: — *Уякъ-буякъ*. — Вновь огляделась. — Вот оно как.

— *Уякъ-буякъ*, — громко проговорила Роня.

— Тсс!

Алла МАРЧЕНКО

О себе

Родилась на окраине Ленинграда — в Лесном. Сюда весной 1915 года к критику Льву Клейнборту приезжал Есенин, в феврале 1840-го Лермонтов выяснял отношения с де Барантом. В Лесном же по инициативе С. Витте и Д. Менделеева выстроен знаменитый Политехнический, где в начале 30-х учился мой отец. После убийства Кирова старшекурсных «механиков» забрали в Высшее военно-инженерное морское училище. По окончании распределили в Севастополь, а в 1939-м переместили в Москву. Севастополь остался в памяти сердца самым прекрасным городом мира, а любовные отношения с Москвой так и не сложились. Учиться всерьез начала в 44-м, по возвращении из эвакуации. В нашей окраинной 153-й работали учителя, не прижившиеся в элитных (анкетных) школах. По причине умственной независимости. В университет (русское отделение филфака) поступила до смерти Сталина, диплом по Есенину защитила в лето Двадцатого съезда. В 1961-м вышла замуж за художника Владимира Муравьева. Печататься начала в 1956-м. В «ЛГ» — рецензия на подборку стихов Н. Заболоцкого в «Литературной Москве». Первая большая статья о поэзии — в «Вопросах литературы» (1959). Первая настоящая книга — «Поэтический мир Есенина» (1972).

В 1984 году — «Подорожная по казенной надобности». В перестройку вместе с прозаиком В. В. Михальским издавала толстый журнал «Согласие». В 2009—2014 годах вышла биографическая трилогия «Поэты»: «Ахматова: жизнь», «Есенин: путь и беспутье», «Лермонтов: под гибельной звездой». В 2013-м — сборник стихов для детей «Дом со скворцом». «Ахматова» угодила в финал «Большой книги» за 2009 год, премии, разумеется, не получила.

Из книги «Такое длинное детство, или Проделки Клио»

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

Я не участвую в войне.
Война участвует во мне.
Юрий Левитанский

1945
Москва
Щукинская, 26, корпус 1, кв. 287

Не то январь, не то февраль, какой-то чертовый зимарь...

Холодно. Мама, закидывая на платяной шкаф обувную коробку с чудом сохранившейся перепиской поры эвакуационных мытарств, спрашивает:

— А ты что, все еще думаешь, зря в Ульяновске не остались?

— Да, — отвечаю. — Мы везде не своими были.

— Везде? И в сторожке с рогатой козой?

— Ну да... Сторож радовался. Коза под приглядом, но коза...

Мама подтыкает мне одеялку, и мы вместе, как на уроке, перечисляем названия «населенных пунктов», через которые волоком проволокла нас эвакуация. Некоторые помню и посейчас. Некоторые забыла начисто. Но только названия, потому что все остальное... Больше того, теперь-то уверена: без тех вынужденных университетов жизни и впечатлений бытия из меня наверняка выросло бы нечто другое, на такую, как есть, не похожее.

1941
Июнь-июль

Двадцать второе июня застало меня в Лопасне. (В город Чехов собственно Лопасню (бывший уездный центр) и станцию переименуют позднее, после войны.) Радиоточка у дяди Сережи, как, впрочем, и у нас, в Москве, отсутствует, потому и утро как утро — летний умывальник во дворе, самовар на столе. Двоюродных моих сестриц, Веру и Лелю, сразу же после «чаепития» тетка отправляет по хозделам в «город», а меня — за жирной крапивой для поросенка, крапива произрастает на пустыре, в самом конце Вишневой улицы, тогда еще безымянной. Девочек и поторапливать не пришлось, а я замешкалась. Сергей Филипыч искал шило, чтобы починить ремешок на сандалике, запасной пары у меня нет.

Кузин увидела издалека — обе в новеньких цветастых сарафанах — вместо бретелек хитро завязанные ярко-белые толстенькие хлопковые веревки. Шли они очень быстро и налегке, без покупок. Так быстро, что, кинувшись навстречу, чуть было не сбила Веру с ног. Леля промчалась молча, но Вера все-таки задержалась и, ничего толком не объясняя, выпалила:

— Война, понимаешь? — И не оглядываясь, побежала...

Война?

Казалось бы, ну и что? Слово-то известное с позапрошлой зимы. Оно, что называется, витало. Между тем обе сестрицы, что Вера, что Леля, приезжая в Москву и заглядывая к нам на Покровку (1939–1940), о Финской кампании не упоминали. Однажды я даже повела их в ближайшую кондитерскую. За конфетами для их матушки. Ну, и к чаю что-нибудь... Чай пьем весело и не спеша. Мама племянниц не торопит, сами-де знают, когда распрощаться, чтобы не опоздать на удобный, от Каланчевки, дачный паровичок. Но это тогда, зимой. А сегодня... А сегодня они бежали, и на улыбчивое Верино лицо серой маской налип ужас. Поросшая гусиной гречей Вишневая пустынна, и окна задраены. Даже в доме с патефоном, где сутками крутят шлягер предвоенного лета: «Для нашей Чилиты все двери открыты. Она весела и прекрасна, и вспыльчива так и властна, что ей возражать опасно...»

С ужасом справиться невозможно, от него можно только убежать. Я и бегу, нет, не бегу, лечу. Точнее, улетаю от чего-то косматого, липкого и бесформенного. Раскинув руки как крылья. Рухаю километра за два от дядькиного дома, запутавшись в зарослях ежевики, непроходимо

оцепившей берега тогда еще живой, пусть и обмелевшей речки Лопасни. Возвращаюсь медленно-медленно, по неизвестной узенькой тропке. Вильнув, она пропадает, как серо-зеленая ящерка, у самого края крапивной плантации. Ни латаной-перелатаной холщовой кошелки, ни нитяной перчатки при мне нет, но этого почему-то не замечает даже придирчивая тетка. Как и того, что поросенок останется без толокнушки.

Поезд, которым дней, помнится, через десять Леля отвозит меня в Москву, опаздывает. Очень сильно опаздывает. Но мы не досадуем. Мы ждем и молчим. Как и все на станционном перроне. Подкатывает и останавливается отправленный в сторону фронта эшелон. Взрослые мальчики в военном выпрыгивают из теплушек. К ним из толпы выскакивают девочки. Подлетыши. У каждой свернутый из тетрадной странички кулек с земляникой. Мальчики в защитных гимнастерках высыпают землянику прямо в рот, а дарительниц подбрасывают за подмышки. И даже расцеловывают. Толпа ожидающих дачного на Москву оживает. Заулыбалась и Леля. А я стою... истуканом (Лелино словечко).

И так будет долго, практически всю войну: внезапный приступ ужаса, не страха или паники — ужаса! — а после — оцепенение, чем-то похожее на сакуровское «скорбное бесчувствие». Впрочем, подобного рода оглядки — уже претензия на сочинительство. Вот и не оглядываюсь, ибо то, что пишу, вне жанра. Не повесть о детстве и не беллетризованная автобиография. И то и другое предполагает расширенное воспроизведение эмоций, а «сопли плюс вопли» слишком легко придумать (подделать, преувеличив, задним числом). К тому же военные мои «чувствования», за немногими исключениями, мало чем отличаются от общего всем — недоед, бездомье и множество разнокалиберных обид и страхов. Упадет ли на крышу нашего корпуса зажигалка, ждут ли на Ульяновском главпочтамте письмо или деньги по отцовскому аттестату или опять ни-че-го, а это... Словом, эмоции почти типовые, а вот картинки, зачем-то сохранившиеся в загашнике памяти, аналогов, думаю, не имеют. Ахматова называла такого рода отпечатки (следы) времени в себе и себя во времени — выцветшими картинками. Вот так, по-ахматовски, называю их и я. Не все, разумеется, удается отреставрировать. Прикоснешься — и выцветают. До полной невнятицы. Иногда, правда, проясниваются. Вдруг, вспышкой... Но поначалу вживляюсь, вживаясь в те, что сохраннее.

1941
Начало июля
Москва
Покровское-Стрешнево
Военный городок

На окнах, в большой комнате, белые бумажные перекрестья. В маленькой, с лоджией, крестовин-оберегов пока еще нет. Ночь. Тревога. Не первая, но очень уж длинная и надрывная. Кто-то из верхних соседей по лестнице кулаком барабанит в дверь: скорее, скорее, в бомбоубежище!

Спуск в убежище крутой, долгий и почти в темноте. На дне еле освещенный узкий коридор — дощатые лавки вдоль стен. Бомбозащитный подвал под «недоделанным» краснокирпичным 15-м корпусом. (Архитектурное решение этого здания, огромность квартир, внутреннее расположение комнат, не годящихся под коммуналку, — еще, подозреваю, американский проект. Все остальное, включая халтурную кривоколенную кладку, уже нашенское.) Устраиваемся в самом конце подвала. Мама вручает (мне) бутылочку (детская, с черточками-бороздками по стеклу, водичка для Женьки, спящего у нее на коленях). Ножки (носочки, сандалики) выпрастываются из легонького одеяльца. Подставляю под них ладошку. Правую. Левая обнимает поилочку с соской. Соска красиво, платочком, повязана марлей.

Ни сборов, ни погрузки в полуторку (у нас, в Городке), ни разгрузки в Южном порту не помню. Как и путь сквозь город. Не фиксирую и остановок, хотя, по рассказам мамы, заезжали по разным адресам, и краснофлотцы, выпрыгнув из кузова, подсаживали к покровско-стрешневским и другие семейства, за эвакуацию которых отвечало Военно-морское инженерное управление. Да и могла ли что-то запомнить, ежели грузовик, присланный за нами, затянут, как палатка, тусклозеленым брезентом? Зато хорошо помню пристальное свое наблюдение (службу наблюдения?) за нашими вещами. Уезжая *на войну,* отец поручил это мне. *Галя, мол, обязательно проворонит.* Два чемодана (один маленький) и туго набитый тючок с пуховой детской перинкой и зимними одевками и обувками. Утрамбовывал и проверял содержимое отец (по принесенному с работы списку), тужайше утягивая скрипучими ремнями с деревянными ручками. Он же и разрисовал упаковочную холстину (припасенную впрок *наматрасину)* нужными надписями: вещи семьи инженер-капитана Максима Сафроновича Марченко — жена и двое детей. (Чернильным карандашом, с сильным наклоном-нажимом.) Мама на этом, конечно же,

не успокоилась (расплывется, размокнув). Вышив стебельчатым швом на простынном остатке владельческую надпись, пришила ее (надпись) на видном месте.

Телефонный звонок. Телефон у нас в коридоре. Отца вызывают срочно, не завтра утром, как сообщали, немедленно. Мама в растерянности, Женька обляпан горчичниками. Но меня все-таки отпускает... пусть хоть я провожу... До трамвая хотя бы...

По лестнице спускаемся медленно. Отец вручает мне маленький сверток с дорожной едой — наручная петелька из разлохмаченной пеньковой бечевки, а сам перекидывает через локоть снятую с вешалки новенькую ненадеванную шинель. Сопровождает нас до угла корпуса староватая супружеская пара со второго этажа. Идем по проулочку мимо моей первой 153-й школы к трамвайной линии. Занятой шинелью рукой отец держит меня за шкирку. Хочет сказать важное. Говорит ненужное — чтобы на обратном пути обошла стройку! Мало ли что... *Да мы ж в школу через нее бегаем!* Но я этого не говорю, я прижимаю лоб к карману отцовского кителя и замираю. Только бы 21-й подольше не появлялся. Но он не задерживается. Какие задержки. В вагонах ни одного штатского.

Тюк наш всем тюкам тюк! Крепкий. Когда в кузове полуторки становится очень уж скучно, мелкота вскарабкивается на него, как на горку. Ребристый неряшливый след на белоснежности маминой вышивки...

Москва
Южный порт

Мелюзга пересчитана, общие вещи уложены холмиком. Краснофлотцы (грузчики-носильщики) весело-охотно стерегут и неживой, и живой багаж. Взрослые тоже скучились. Приказ: не рассредоточиваться и кормления не устраивать. Женька в первом ряду малышовой группки. Бровки как нарисованные. Меня, восьмилетнюю, никто, конечно же, не стережет, свободно передвигаюсь внутри предпосадочного треугольника (дети, багаж, взрослые). То, что ухитряюсь разглядеть, включая скопление разномастных судов, развернутых в сторону пристани и причалов (вдалеке), решительно не похоже на южный порт, то есть на севастопольскую Графскую площадь и пристань в какой-нибудь календарный черноморский день. А вот с позапрошлым толпищем у входа на ВДНХ нынешнее множество как-то сцеплялось. Разительное их

Эвакуация из Москвы

несходство отменяло всю довоенную жизнь. Не мою или нашу. Всехнюю. Москву всерьез еще не бомбили, а на женских лицах, на мамином тоже, одно и то же выражение, означающее (в моем перекладе на крупные плакатные буквы): скорее бы увезти детей в неопасное место.

Современники Цветаевой вспоминают: Марина Ивановна привезла из Парижа уйму дорогостоящих носильных вещей, включая клубки заграничной шерсти. Набитые бесценным барахлом кожаные мешки-баулы последовали за ней и в Елабугу...

Ни у нас, ни у спутников по грузовику, ни у пассажиров самоходной баржи, на которой инженерно-морская эвакогруппа почти благополучно добралась до Симбирска (по-советски — Ульяновска), ничего лишнего, не носильного (на обмен и продажу) не было. Летнее на себе и в сумках, все остальное в двух средней вместимости (и подъемности) поцарапанных чемоданах.

Баржу-самоходку и загрузили, и отрулили от пристани задолго до отплытия, чего никто из детворы не дождался. Проснулись под осторожно-тревожные, полушепотом, рассказы взрослых о ночной бомбежке. Угодило якобы в маленький встречный теплоходик.

Жарко. Июль. Мама стянула с меня длинно-рукавную бумазею. Сама тоже переоделась. В сатин-либерти. Красно-прекрасный. В крупный белый горох. Его вскорости обменяют на дюжину яиц и авоську с бело-розовым *наливом.* Но я-то «идучее» это платье, и платье, и маму в исчезнувшем платье, еще раз все-таки увижу. Нет, не на фото. Почти как живую. Спустя, думаю, года два или три. В старой кинохронике, в Лопасне. И не просто увижу, еще и заору на весь маленький кинозал: ***«Смотрите! Смотрите! Это же моя мама!»*** Леля грубо втискивает меня в откидной зрительский стул, сердится, Вера, наоборот, сме-

ется. И никто, кроме мамы, не верит, что в самом деле увидела, не обозналась.

Что ж я увидела? А вот что увидела...

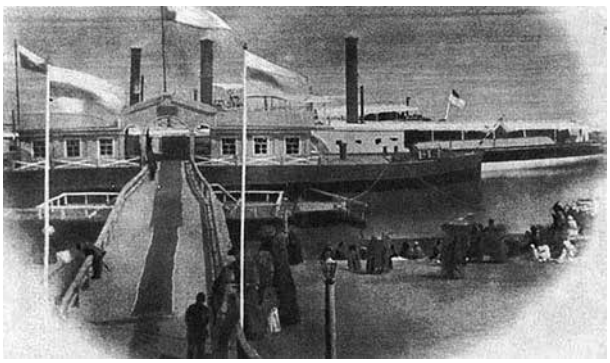
Нижний Новгород (по-тогдашнему Горький)

Первая большая остановка. Очень-очень крутой, почти отвесный береговой склон (наверняка не такой уж он и крутой, но у меня акрофобия). Все взрослые с нашей самоходки выстраиваются наискосок крутизне — цепочкой. По цепочке, из рук в руки, откуда-то сверху и сбоку передают на баржу хлебные, черные и круглые, караваи. На маме хлебный строй прогибается. Стоять ей сподручно, она на ровненьком месте (площадочке) спусковой дорожки. А вот нижним — ой неудобно. И скользимо. Я немного волнуюсь, не за людей, за хлебы. Покатятся и перепачкаются. Зря волнуюсь: ни один не уронили. Они-то не уронили, а вот черненький мой мячик, тугой и тяжеленький, выскочив из кармана и прокатившись по палубе, спрыгивает в воду.

В какой момент это началось, никто, похоже, и не заметил. Заметили к вечеру, когда сразу у нескольких малышей, а потом и у всей ребятни, кроме меня, резко поднялась температура. И если б только температура...

1941
Июль-август
Ульяновск, он же Симбирск

В Ульяновске, оповещенном о ЧП на самоходке, паника, похоже, была такая, как если б *выковырянные* москвичи привезли в город Ленина привитую шпионами эпидемию неведомой смертельной заразы. Зараза оказалась всего лишь корью. Но пока выяснялось, грузовая скоро-помощь примчала зачумленных в помещение горкома партии, спешно покинутое товарищами коммунистами. Осматриваюсь. В небольшом двухэтажном, старинного устройства здании никого, кроме драного кота и двух стареньких уборщиц. Они же первыми, еще до появления людей в белых халатах, выволакивают из кладовок кумач первомайских и ноябрьских лозунгов, при кори, мол, надобно плотно и непременно красным занавесить окна. Они же помогают перетаскивать из длинного дома напротив новенькие, с бирками, раскладушки.



Симбирск. Пристань

Вновь доставленные москвичи, и мамы, и малышня, томятся внутри, в огромном, так кажется, превращенном в лазарет зале. Слева от входа. Я же, еще в Севастополе переболевшая корью, безнадзорна и сама по себе. Лестница на второй этаж широченная, мраморная, но вход туда воспрещен. Беловатый мрамор нянечки протирают особой чистой тряпкой, как мебель. Меня выгоняют на улицу, ласково, но выгоняют. Вот и слоняюсь с утра день-деньской. Вдоль здания с раскладушками, срочно переделанного, как выясняется из родительских реплик, из школы в госпиталь. За горком не заглядываю. Не велено. Да и незачем. По фасаду, вдоль невысокой чугунного литья оградки, — что-то вроде мини-садика, густо заросшего чистотелом. То, что стебельки, из которых, ежели надавить, высачивается густо-оранжевая вязкая ядовитость, называются чистотелом, я, понятно, и знать не знаю. Однако старательно мажу стебельковым ядом разлапистую, в противных сосочках, бородавку на левой руке. Забываю. Вспоминаю. Опять мажу. Просто так. Когда становится очень уж жарко, наступает обеденный час, и одна из нянечек, та, что повыше и побойчее, выносит мне в садик миску с гороховым (из брикета) супом. Присаживается рядом, ждет, пока, дохлебав, вычищу дно черной горбушкой. Горбушку жалко. Сухая вкуснее. Но так надо. Надо. Надо. Всегда надо. Надо подальше от дома не отходить. Ничего не просить. Ни о чем не расспрашивать. Да я и не отхожу. Спрыгиваю с невысокого, на четверть вдвинутого внутрь подъездного входа. Перепрыгиваю через три ступени. Раз, два, четыре... Каруселю, прижимаясь спиной, вокруг нетолстых и невысоких колонок. Головки у колонок кудрявые, темечками поддерживают балкончик. Проезжает телега. Коняга понурый. Дядька в тележке еще понурее. Небо хмуреет. Из-за угла выскакивает хулиганистый верткий ветер. В маленьком пылевом смерчике крутится-вертится рваный обрывок газеты. Бросаюсь за ней, она от меня. Перепархивает через проезжую часть. Опускается на той стороне широкой, вроде маленькой площади, улицы. Запутывается в клумбе. Посреди клум-

Симбирск. Памятник Карамзину

бы памятник. Непонятно кому. Или чему. Ограда разрушена, надписи сбиты или покорежены. Осторожно, чтобы не растоптать понурые анютины глазки и хилые душистые табаки, вытаскиваю газету. Скамеек возле памятника две, и обе не совсем поломанные. Сажусь на ту, что целее. Слова иногда узнаваемы, а фразы нет — концы-то оторваны. Но я все равно читаю...

— И что же сообщает нам, девочка, советское Информбюро?

Рядом со мной, пристроив ладони на рукоятку трости, почти такой же старинной, как у нашего соседа Комарова в Лесном, в Ленинграде, присаживается какой-то человек. Немолодой и нестарый. И я почему-то, крепко-накрепко зная — с незнакомцами не разговаривать, — во всю прыть разговариваю. Не стесняясь и ничего не утаивая. Читаю, мол, потому, что привыкла читать про себя, а не вслух, как урок, — с выражением. А книжек здесь нету. И откуда, и почему приплыли — рассказываю, и про корь.

На крыльце с колонками с гороховой миской появляется обеденная старушка, оглядывается, кричит.

Вскакиваю, не зная, что и как следует сказать человеку с тростью.

Городская управа

Говорю, как детсадовская трехлетка:

— Вот, мне туда, зовут...

Непонятный человек рассматривает меня внимательно:

— Беги, раз зовут. А я уж и про памятник тебе объяснять собирался, и про дом, где вас разместили. Знатный особняк, губернаторский. Ну, ничего, сама все узнаешь...

И добавляет непонятное:

— Авось выживешь.

Выжила и про чудом сохранившийся памятник разузнала, пролистав в «Ленинке» *Симбирские старости:* собиралась писать о лотмановском Карамзине, работа над котором идет в «Книге», в редакции Томки (Т. В.) Громовой (серия «Писатели о писателях»). Написать не написала, все еще занятая своей «Подорожной по казенной надобности» («Книга», 1984), своей первой большой книгой о Михаиле Лермонтове. Симбирскую сторону его биографии я пока, конечно же, обошла. Но только пока. Нет-нет, я вовсе не отношу себя к числу тех, кто, по слову Лермонтова, имеет «один из тех беспокойно любопытных характеров, которые готовы сто раз пожертвовать жизнию, только бы достать ключ самой незамысловатой, по-видимому, загадки». И тем не менее все листаю и листаю симбирскиие свои картинки. Листаю и удостоверяюсь: детская моя память подробно зафиксировала не только окрестные (достопамятные) архитектурные объекты — памятник Карамзину, мужскую гимназию (ту, где учились и Ленин, и Керенский), и далее вправо и вниз по полупустынной улице — дом, где родился и вырос *вождь мирового пролетариата*. Партийный же особняк (по словам человека с тростью, бывший губернаторский) в списке достопримечательностей не значился. Не значился, а памятная картинка с его изображением ярче и сохраннее соседних. Видимо, слишком уж долго на этот горком вынужденно пялилась, от нечего делать слоняясь по жалкому подобию разбитого у памятника сквера. А вдруг не сегодня, так завтра тот, с тростью, все-таки появится? К тому же якобы губернаторский особнячок был самым завлекательным объектом для ничем не занятого жадно-голодного наблюдения. На знаменитую гимназию, к скверику с памятником почти притиснутую, смотреть было скучно, к тому же про ее знаменитость все наши уже знали. Про домашний музей Ленина не знал никто, и я, помнится, даже гордилась, что отыскала его самолично. Тогда же, в месяц кори. Как, впрочем, и деревянный — сцепка коротеньких лестниц — извилисто-змеиный (кажется, именно он в досоветские времена назывался Завьяловским) спуск к Волге. Хотелось — ох-ах как

Карамзинский сквер

хотелось! — немедленно поделиться географическими открытиями с мамой. Почему нельзя? Я же была осторожной, проверяла на шаткость и поручни, и лестничные ступени, и как только перильца качнулись, вернулась. Впрочем, дней через десять с московским нашим квартирным соседом Шурыгиным-младшим полуцирковой этот трюк мы чуть было не осуществили. И если б не гнев его матушки... Но о настигшей нас взбучке, как и о причинах появления в горкоме московской соседки Евдокии (она же Дора) Васильевны Шурыгиной, по Волге со всеми не плывшей, поведаю чуть позднее. Я же раскладываю выцветшие картиночки приблизительно в хронологическом порядке, а для соблюдения порядка нелишне напомнить, что лестничный спуск к Волге самообнаружился к самому концу следующего, после разговора с Неизвестным, жарко-длинного дня. Человек с тростью, конечно же, не появился. Ни в тот день, ни назавтра. Вот тогда-то, вконец осатанев от ничегонеделанья и послушания, я и отправилась в странствие по незнакомому городу.

Улица шла под еле заметный (ногам, а не глазу) уклон, и я, продвигаясь по ней осмотрительно, придерживаясь, как и учил отец, левой стороны, то и дело останавливалась, рассматривая каждое заинтересовавшее чем-то строение. Остановилась и перед этим и нужное прочитала: *что и когда открыто.* Войти вряд ли б осмелилась, если б из полуприкрытых ворот (и забор, и ворота притулились к крыльцу музея) не выглянул дворник. Дворник, бывает же, точь-в-точь как нарисованный в детской книжке. В фартуке и с прутиковой метлой. *Входи, входи, девочка, там рады будут. К ним, как война началась, редко заходят...*

Рады — не рады, однако не сердятся. Всей экспозиции не показывают. Только «Володину» комнатку наверху и большую общесемейную залу внизу. Лестничка наверх коротенькая и не прямая. Ступеньки полувеером, крашеные, с проплешинами. На улице жара, а здесь знобко. Спаленка крохотная. Стены беленые. Две узкие, так запомнилось, железные кроватки, застеленные белыми пикейными покрывальцами. Ничем не примечательный «учебный» столик. На стенах, в рамках, похвальные грамоты. Большая комната поинтересней. По углам сумрачно, посередке большой кругловатый стол, фигуристая лампа, низко нависшая над столом, полки-шкафчики с книжками. Книжки стоят не пряменько, не тесным рядком, заваливаясь, а некоторые повернуты обложечной стороной. Наверное, самые важные. Заглавия с ятями и все в пожелтевших толсто-бумажных обложках. Холодно. Еще холоднее и сырее, чем наверху. Музейные женщины кутаются в серые вязаные платки. И лица такие же, и прически. Серый перманент. Серая косица, закрученная на затылке в плюшку. Меня не замечают. Присаживаюсь. Слушаю. И голоса промозглые!!! И не о войне вроде бы говорят, а все равно войною... Дрова, протечка, сводки... Пересаживаюсь со стула на стул. Громко. Нарочно. Оглядываются. Не спрашивая, провожают к выходу. Смущаясь, выдавливаю «спасибо» и вот, мол, все запомнила. Но дверь уже закрывается...

Правильно ли запомнила? То, что теперь демонстрирует Интернет как якобы довоенный вид мемориального музея В. И. Ленина, не совпадает с оставшимся в воспоминаниях. Тот был некрашеный, обшитый черновато-серым тесом, как и все соседние домовладения. Этот же старательно выкрашен мутно-желтым суриком (в цвет младенческого поноса). Прогуливаясь на досуге по старому Симбирску, удостоверилась также, что в конце позапрошлого века окрест памятника Карамзину росли большие породистые деревья, а близлежащий спуск к Волге, в моей памяти густо поросший невыразительным чернолесьем, в специальный лестнице еще не нуждался. Застроенный разновысотными, но приземистыми строениями непонятного назначения вперемешку с обывательскими хибарками, был он тогда до того безопасным, что именно здесь безнадзорно играли многочисленные дети директора народных училищ Симбирской губернии Ильи Ульянова. Туточки, туточки, на вольном воздухе, а не в унылом мещанском дворике очередного нанятого жилья. На том самом месте, где жарким летом 1941-го не было ни одного тенистого дерева и я прямо-таки сатанела от пыльной жары и безделья.

Словом, несмотря на отсутствие интереса к биографии ВИЛ, я продолжаю наведываться в виртуальный Симбирск. И не всегда впу-

Мебель в музее Ленина

стую. В стародавнем очерке, к примеру, неожиданно обнаруживаю пожелтелую фотографию здешней городской управы. И общий вид дома, и нависший над подъездом причудливый балкончик мигом выхватывают из вороха памятных картинок поразительно похожее на эту управу здание горкома со стороны непонятного памятника. Подпись под фотографией полустерлась, но с помощью лупы выясняю: первый этаж этого особнячка город арендовал для начальных классов знаменитой гимназии, расположенной, напоминаю, напротив, в шаговой буквально доступности. (Новое просторное помещение, возведенное на месте прежнего, тесного, будет готово только к середине 1880-х.)

Ульянов В. И. родился весной 1870 года, в августе 1879-го девятилетним принят в гимназию, в сентябре отправился «первый раз в первый класс».

Ну как тут не вспомнить хитроумную музу истории Клио и все ее штучки-дрючки?

Клио? А она-то при чем? При том, и еще как при том! Ведь это ее изваяние, мраморное, водрузил на увесистый постамент создатель здешнего памятника Карамзину. Это из-за этой мраморной дылды противники предложенного Петербургом мемориального проекта чуть было не передуэлились! Маленький, невыразительный, портретно приблизительный бюст великого историка всего лишь втиснут в блюдообразную нишу? Туристы смущаются: мудрено больно, заумно, но беломраморная чужестранка целехонька, и как ни в чем не бывало плетет свою паутину, подкидывая заблудившимся в непредсказуемой русской истории тесты на сообразительность. Например, Симбирский этюд в поэме Лермонтова «Сашка». Старинный особнячок, садик на взгорье, а откуда, как с идеальной смотровой площадки, на редкость киногеничный вид на Волгу:

Иван Ильич имел в Симбирске дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в нем.
И он дряхлел, заброшен без надзора,
Как инвалид с Георгьевским крестом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились рядами.
Прозрачною решеткой окружен.
Как клетка между них висел балкон...
...
И люстры отражались в зеркалах,
Как звезды в луже; моськи и болонки
Встречали шумно каждого в дверях,
Одна другой несноснее, а далее
Зеленый попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «Кто пришел?.. Дурак!»
...
Из окон был прекрасный вид кругом...
...
Уютный сад, обсаженный рябиной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка...

Под глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величало...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, теснились,
И флюгера на длинных мачтах бились,
Жужжа на ветре, и скрипел канат
Натянутый и, серой мглой объят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной мели.

Ульяновские и пензенские краеведы называют разные адреса изображенного в «Сашке» особнячка. Осторожно, как и обязывает честь мундира. Даже о том, что описанный в «Сашке» ландшафт «снят» с натуры, утверждать не решаются, ссылаясь на отсутствие документально удостоверенных данных. Не решаются, хотя и знают: страшный симбирский пожар (60-е годы XIX века) уничтожил не только городской, но и личный архив осевшего в Симбирске старшего брата бабки поэта Александра Столыпина. Осторожничают — и все тут, несмотря на то, что текст свидетельствует: поэт наверняка приезжал в Симбирск минимум дважды. Впервые, судя по обстоятельствам, летом 1824-го, вторично — зимой 1836-го.

Я, разумеется, не настаиваю, что все было именно так, как мне видится, однако нисколько не сомневаюсь: так могло быть. Доказывая, и прежде всего самой себе, правомочность своей гипотезы, я же проращивала в глубину все-все-все свидетельства — не только прямые и косвенные,

но и легкокасательные. Словом, продолжала доискиваться, хотя и знаю, что до настоящей правды все равно не добраться, потому что на дне одной неразгаданности всегда найдется другая, а на донышке другой — третья.

Расследование получилось долгим и длинным. Для научного издания гадательным. Для журнальной публикации не по сюжету подробным. А вот для моего повествования, в том числе для «романа отношений» с музой истории по имени Клио, — в самый раз. Избирательность и забывчивость нашей памяти — вещь очевидная, но в одном я уверена: потому и избирательна, что собирает в свою «суму» прежде всего то, что сможет прорасти, а то и заколоситься в будущем... Вот почему, вычеркнув из текста избыток исторических скрещений, кое-какие доказательства правомочности своей гипотезы считаю необходимым привести и здесь. И прежде всего те, что касаются самого наглядного, по мнению предполагаемых «экспертов», якобы несовпадения. Да, на детской лермонтовской моей картинке собор отсутствует, а в Симбирской его поэме дом с попугаем и моськами стоит «против собора», что, видимо, и направляло следопытов на поиски его останков в окрестности Соборной площади, к зданию здешнего Троицкого собора, возведенного, как и московский Христа Спасителя, на народные (дворянские и купеческие) деньги в память о «грозе двенадцатого года». Называют, конечно, и другие предполагаемые адреса описанного особняка, привязывая каждый к какой-нибудь церкви. В самый первый момент это, признаюсь, меня ничуть не смутило. А вдруг и его, как и Новотроицкий кафедральный, взорвали еще до войны последователи кудреватого мальчика, севшего за школьную парту в том самом помещении, где в августе сорок первого силился не умереть мой маленький братик. Увы: в списке стертых с лица земли симбирских церквей и соборов таковой не значился. Но я все-таки продолжала стоять на своем, невесть почему уверенная, что хитроумная Клио не ошиблась, настойчиво возвращая и мою память, и мое любопытство на то же самое место. Так настойчиво, словно подсказывала, что и написана-то поэма, скорее всего, в Симбирске, а не в Тарханах, как утверждал кузен поэта Аким Шан Гирей. Так явно настаивала на предположении, что Лермонтов *слил в одну* картину два симбирских этюда. Первый, мол, писан по воспоминаниям лета 1824-го, когда бабушка впервые привезла девятилетнего внука в город своего детства, второй снят с натуры, в январе 1836-го. Брошенный владельцами особняк с зеленым попугаем и похожим на птичью клетку балкончиком обветшал, но собор, как и прежде, высится... Но все это было, увы, полулитературным мечтанием, пока, вглядевшись в фотографию памятника Карамзину, сделанную вскоре после пожара, не догадалась: Лермонтов же имел в виду совсем другой собор! Не Троицкий, а Спасский, воздвигнутый на территории Спасского женского монастыря еще в 90-х годах XVII века. На послепожарном фото монастырская территория плотно застроена богоугодными заведениями (больница для бедных, богадельня, училище для девиц-сирот, трехъярусная колокольная и т. д.). Твердокаменно огороженный, оплот православия смотрится на этом фото чуть ли не городом в городе. Скромные построения древнейших времен заслонены громадами новостроек. Нетрудно, однако, сообразить, что в лермонтовские времена все было и проще, и беднее, и Спасский собор еще доминировал. Нет-нет, при Советах его не взрывали. Порушив стену, сбив купола и сняв медное многопудье бесчисленных колоколов, его долго-старательно приспосабливали под новый социалистический быт. В соборе даже собирались устроить музей церковной старины, но передумали — открыли спортивный клуб. Списав раскуроченные обломки в графу «Строительный материал для разборки», годное под жилье «благоразумно» использовали, превратив в Рабочий поселок. Тогда же, думаю, соорудили и ту шаткую, из 675 ступенек (!) лестницу, по которой, уговорив московского своего соседа, я ох как хотела добраться до Волги...

Словом, собор нашелся, но позолоченный ключик от симбирских ребусов Клио хотя и втиснулся в дверной глазок и даже почти повернулся вполоборота, заветную дверцу лермонтовского «клада» не распахнул. Разве что чуточку приоткрыл. Ну зачем было Лермонтову зимой 1836-го возвращаться в столицу через Симбирск? Ответа на неизбежный этот вопрос не было у меня долго. Фактически до тех пор, пока симбирские и пензенские *лермонтисты* не обнаружили в местных архивах не известные даже «Лермонтовской энциклопедии» новые сведения об Александре (Сашке!) Столыпине, самом, как выясняется, оригинальном из пяти замечательных братьев бабушки Михаила Юрьевича. Они-то (сведения) и убедили: ну не могла Елизавета Алексеевна не прокатиться вместе с внуком в Симбирск! Не тот характер! И не развлечения для, а чтобы с единственным другом ***по уму и по сердцу*** увидеться. Тем паче в 1836-м, после долгой разлуки, да еще и тогда, когда Александр, по безвременной смерти младших Алексеевичей — Аркадия (1824), Дмитрия (1826),

Николая (1830), — становится главным мужчиной в роду. Вы только вдумайтесь в роковую череду безвременных смертей! К тому же симбирский сиделец был человеком с пером. Его воспоминания о Суворове опубликованы только в 1845-м, но это вовсе не значит, что Михаил Юрьевич о существовании рукописи не слышал. Может, я и пристрастна, но стилистическое и интонационное ее устройство таково, что невольно приводит на память первые же фразы из «Героя...».

Александр Столыпин (в конце осьмнадцатого столетия еще не Александр, а Сашка — как самого младшего из ординарцев Суворов называл его Мальчиком):

«Я один находился при графе, когда он в 1797 году марта 1-го дня в три часа пополуночи отправился из Тульчина. Это мне памятно и тем, что он тогда перекрестил меня, поцеловал в лоб и, ударив по плечу, сказал: "Бог милостив, мы еще послужим вместе!" К моему несчастию, сего не случилось».

Михаил Лермонтов:

«Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастию для вас, потеряна, а чемодан, с остальными вещами, к счастию для меня, остался цел».

Все? Никак нет, ибо не куда-нибудь, а в Симбирск, и именно в эти годы, как вдохновительница антирусского заговора 1831–1832 годов, сослана грузинская царевна Тамар. Та самая роковая красавица, из-за которой в реалии, а не только в хрестоматийной лермонтовской балладе жесточайшим образом пострадали «сто юношей пылких и жен».

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале...

В той башне, старинной и тесной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна, как ангел небесный,
Как Демон, коварна и зла...

Допускаю, что М. Ю. прослышал про антирусский заговор, вдохновительницей которого была царевна Тамар, не в 1836-м, а годом позже, уже сосланный на Кавказ (за стихи на смерть Пушкина), осенью. Либо от свойственницы бабушки Прасковьи Ахвердовой, воспитательницы Нины Чавчавадзе, либо от самого Александра Чавчавадзе, знавшего про планы заговорщиков по перекрытию Дарьяльского ущелья больше, чем пылкие обожатели коварной царевны. Но Александр Чавчавадзе, по близости к императорскому двору, наверняка осторожничал. Иное дело другой Александр — Столыпин. Вот что писал о столыпинской «шайке инакомыслов» люто ненавидевший их Филипп Вигель: «В нем (в прадеде Лермонтова А. Е. Столыпине. — *А. М.*) и в пяти гайдуках, им порожденных, была странная наклонность не искать власти, но сколько возможно противиться ей, в чьих бы руках она ни находилась». В младшем из пятерых «гайдуков» Афанасии Алексеевиче «противление власти» почти не просматривалось, с тремя ушедшими братьями бабушки Михаил Юрьевич лично знаком не был. Зато в Александре в юности, напоминаю, ординарце Суворова, наклонность сия была доведена до чрезвычайности. Масон и книгочей, он, может, затем и осел пожизненно в симбирской глуши. В отдалении от столиц поудобнее и жить не оглядываясь, и знаться с кем хочешь: то с полуопальным Сперанским, то с гениальным Лобачевским... А ежели вдобавок еще и допустить, что в августе 1941-го незнакомец с тростью не ошибся, назвав здание тогдашнего горкома партии бывшим губернаторским особняком... А если не ошибся, то вовсе не исключено, что это и есть тот самый особнячок, в котором родилась пассия юного Лермонтова мисс Блейк-Айз. Она же внучка одного из симбирских губернаторов Василия Михайловича Сушкова. Вот как описано начало ее жизни в некогда широко известных «Записках»: «Я родилась в Симбирске, в 1812 году, 18 марта... Трех месяцев я была разлучена с мои родителями; по службе своей отец мой был вынужден оставить Симбирск, мать моя поехала с ним, оба они препоручили меня попечениям дедушки моего Вас. (лия) Мих. (айловича) С. (ушкова), бывшего тогда губернаторам в Симбирске, и ласкам его дочерей Прасковьи и Марии».

Черноокая по обыкновению привирает. В год ее рождения (1812) Василий Сушков, согласно новонайденным архивистами документам, губернатором уже не был. Дом, однако, продолжал называться губернаторским, что Катенька Сушкова (Хвостова) и запомнила. А так как, по смерти высокоумной супруги экс-губернатора (переводчицы Мильтона), хозяйство вели немолодые дочери губернатора, то бесчисленные моськи и бесклеточно проживающий попугай высокому статусу домовладельца не противоречил. Не будем пренебрегать и такой безделкой. Бабушка поэта была дружна с тетками Катеньки, настолько дружна, что на ее свадьбе (Петербург, ноябрь 1838-го)

была посаженной матерью со стороны жениха. Так что ежели моя гипотеза хотя бы наполовину достоверна, то и летом 1824-го Мишель Лермонтов отнюдь не случайно оказался в гостях у хозяек дома с невоспитанным попугаем. Как, впрочем, и Александр Столыпин, он же был попечителем все той же гимназии, помещавшейся и в ту пору на том же самом месте, справа от будущего памятника, правда, в старом, как уже отмечалось, здании, кстати, отнюдь не захудалом, построенном еще при Екатерине по проекту главного архитектора города итальянца Тоскони.

Забавно, не правда ли? И все-таки лично для меня это одна из самых хитроумных задачек из приложения к учебнику русской истории, начертанного мраморными пальчиками всезнающей Клио. Ну разве не удивительно, что трое недоростков одних и тех же «школьнических лет» с промежутком почти одинаковым, в 60 годин, почему-то оказались в одном и том же месте. Увидели Волгу с одного и того же взгорья. Вошли в один и тот же дом, построенный так основательно, как и строили при Екатерине; слегка переоборудованный после реформы (1861 года), он еще долго исправно служил городу.

Выкладываю-раскладываю то вперемешку, то поврозь и детские свои картинки, и новонайденные архивистами факты... От перемены мест слагаемых сумма не меняется? И впрямь не меняется, если рассматривать их раздельно, вне связи с существом и с веществом малой российской истории. Зато еще как меняется, когда в странном сближении (сцепленье, притяженье) совпадений проступают линии тайных связей, преобразующие случайность в вещий знак. В знак «предощущения истины» — если по Герцену, или в «чувства правды» — если по Лермонтову («Есть чувство правды в сердце человека...»).

Клио может быть удовлетворена: спроектированный ею проект по истреблению травы забвения с посильным участием нескольких малолеток удался вполне.

Август меж тем близится к сентябрю. Дети постепенно выздоравливают. Их по частям выпускают в садик с чистотелом, и у меня появляется забота-работа: следить в оба — а ну как выскочат на проезжую часть. Вот тут-то и объявляется Евдокия — Дора Шурыгина со своим Левкой. Мамка, как объясняет мне Левка, ответственная общественница, а бумажки с печатями, которые сейчас раздает, — ордера на вселение с адресами. Сами-то они давно устроились, сразу как приехали. Поездом, не по Волге.

Как только московские наши соседи удаляются восвояси, женщины бросаются к нянечкам. Оказывается, старушенции и про жилые улицы нужное знают, где, к примеру, водопроводный кран в доме, а где колонка или колодец. Мамы среди них нет. Соседка по знакомству заранее про указанное в ордере жилье разузнала: кран в кухне, толчок на лестничной площадке, дом вроде каменный, отопление, как и всюду, печное.

Все правильно: кран, толчок, отопление. Вот только, как заявляет хозяйка назначенной нам квартиры, по такому ордеру полагается не жилой угол в комнате, коридоре или прихожей, а часть пола за занавеской. До вашего появления там, мол, проживала рогатая вешалка. Мы ее, так и быть, переставим.

Бумажку с ордером хозяйка маме не возвращает, а голос все сильней и сильней наливается злостью. Что такое часть пола за занавеской я, естественно, не понимаю, но голос... И эти белые от ненависти глаза! С моей (!) мамой никто никогда так не разговаривал! Это-то непонятнее всего, и потому страшно. Мама протягивает руку, ужас опускается куда-то в живот. Сейчас нам отдадут квартирную бумагу, и мы из этого злого дома уйдем. Ордер исчезает в кармане хозяйского халата, но мы все-таки уходим. Увы, чтобы вернуться часа через два или три с вещами и зареванным Женькой. Горкомовские нянечки, на пригляд которых его оставили, напугали братца, пригрозив: будешь баловать — мамка бросит.

Сколько ночей проночевано за оранжевой, в пестрых цветиках, занавеской — не помню. Рисовальщица выцветших картинок, смилосердившись, вылила на эти ушат с помоями. Зато четко помню: в школу, обгоняя маму, бежала я совсем по другой улице, а оглядываясь, видела: у калитки скособоченного подслеповатого домика стоят трое: Женька, собака Гуляка и новая наша хозяйка. Клавдия.

Обратно, из школы я не бежала. Шла, как медведь, косолапо. Всегда так делала, ежели предстояло неприятное родителям сообщить. А неприятность, датированная первым днем школьного календаря за 1941 год, пренеприятнейшая. Сразу, с порога, объявить маме, что в школу ни за что не пойду. Пусть купит учебники, сама выучусь.

Продолжение следует.

Рубрику ведет
Евгений Никитин

Стернер Сент-Пол МИК

Стернер Сент-Пол Мик (1894—1972) — американский полковник и писатель. Автор рассказов для детей, научно-фантастических произведений, в том числе сборника рассказов «В Замбоанге у обезьян нет хвостов», романов «Барабаны Тапайоса» и «Трояна». Представленный здесь рассказ напечатан в журнале Astounding Stories of Super-Science за февраль 1930 года.

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Печатался также в «Независимой газете», журнале «Плавучий мост». Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение», учится в магистратуре Российского государственного гуманитарного университета.

В космос

Наверняка многие помнят загадочные радиосигналы, которые по ночам в сентябре прошлого года, 23-го и 24-го числа, ловили и радиолюбители, и профи. И наверняка еще больше моих читателей вспомнят потрясающее открытие профессора Монтескье из Ликской обсерватории[1] в ночь на 25 сентября того же года. В то время многие люди пытались установить логическую связь между двумя событиями. По их мнению, открытие нового спутника Земли одновременно с приемом загадочных сообщений свидетельствовало о том, что это новое небесное тело населено разумными существами, которые пытаются связаться с нами посредством радиосигналов.

Тот факт, что сигналы на столь коротких волнах ни один тогдашний приемник не мог четко разобрать, и они, казалось, приходили из невероятного далека, придавало некое правдоподобие гипотезам, коими были завалены колонки воскресных газет. Журналисты жадно накинулись на тему. Однако спешное конструирование новых передатчиков, работающих на малой длине волны, не привело ни к каким результатам. А клятвенные заверения астрономов, что у обнаруженного объекта никак не может быть атмосферы в силу его малых размеров, поставили точку в гипотетических рассуждениях. И тему предали забвению.

Вышеупомянутые случаи отложились в памяти многих. Что же касается бесследного исчезновения 23 сентября доктора Ливермора из Калвадского университета, сомневаюсь, что найдется хотя бы несколько сотен человек, которые в курсе случившегося. Доктор пользовался определенной известностью, однако популярность эта была местного значения; мало какие новостные издания за пределами Калифорнии обмолвились хоть словом о случившемся. Не думаю, что кто-то когда-то пытался связать его исчезновение с радиосигналами или открытием нового астрономического объекта. Тем не менее все это теснейшим образом взаимосвязано, и не исчезни доктор, не произошло бы и других событий.

[1] Астрономическая обсерватория Калифорнийского университета, США.

* * *

Доктор Ливермор преподавал в Калваде[1] физику. Точнее, преподавал в те дни, когда вспоминал, что у него есть слушатели и когда у него было подходящее настроение. Студенты понятия не имели, придет он на занятие или нет. Однако тем, кто посещал лекции, он неизменно ставил хорошие оценки, так что отбоя от студентов не было. Университетские власти поначалу пытались протестовать, однако его репутация научного сотрудника была столь безукоризненной, что на докторские причуды закрывали глаза. Ливермор жил холостяцкой жизнью и, как все знали, не интересовался ничем, кроме работы.

Первая наша встреча состоялась, когда я был первокурсником, а доктор в силу каких-то неясных причин стал мне симпатизировать.

Отец настаивал, чтобы я пошел по родительским стопам и выучился на электротехника. Поскольку обучение оплачивал он, мне приходилось официально изучать инженерное дело и одновременно втайне заниматься моим главным увлечением — литературой. Во всем университете не было предмета проще, чем лекции доктора Ливермора. К тому же они считались научной дисциплиной, так что я регулярно записывался на них, пропускал и вместо этого шел на занятия по литературе. Мы с доктором нередко сталкивались на территории университетского городка. Тот полушутливым тоном бранил за прогулы, однако в душе сочувствовал и каждый раз ставил зачеты, невзирая на мою посещаемость — точнее, ее отсутствие.

По окончании университета я стал дипломированным электротехником — по крайней мере, в теории. На практике я весьма неплохо разбирался в современной литературе и был почти полным нулем в моей так называемой профессии. Несколько месяцев я пытался работать в отцовской фирме, пока не нашел более подходящее занятие — место обозревателя в газете «Сан-Франциско График». Разразилась небольшая буря. Отец с ропотом, но признал, что из свиного уха шелковый кошелек не сошьешь, и смирился с моей новой работой. Он выразил надежду, что репортер из меня получится лучший, чем инженер, поскольку быть хуже просто невозможно, и закрыл тему. Впрочем, все это не имеет отношения к рассказу, а лишь объясняет, при каких обстоятельствах я познакомился с доктором Ливермором и почему 22 сентября он пригласил меня к себе.

[1] Калвада-Спрингс — местечко на юго-востоке Калифорнии.

* * *

Утром 22-го главный редактор отдела городских новостей вызвал меня и поинтересовался, знаком ли я со старым Ливерпиллсом (прозвище доктора).

— Он утверждает, что у него наготове потрясающая новость, но при этом хочет дать интервью только тебе, — разглагольствовал Барнс. — Я предложил прислать ему приличного репортера, поскольку новости от старого Ливерпиллса того стоят. Он же резко ответил, что будет разговаривать либо с тобой, либо ни с кем, и что предпочтет говорить ни с кем, нежели со мной... И повесил трубку. Дуй на всех парах в Калваду и выясни, о чем он вообще говорит. Потом найду кого-нибудь покомпетентнее, и он сделает твою чепуху читабельной.

* * *

Я уже привык к такой манере общения Барнса и проигнорировал ее. Вскоре я доехал на своем автомобильчике до Калвады.

— Доктор Ливермор? — уточнил университетский казначей. — Хм, он уже месяцев десять не появлялся. У него творческий отпуск на весь год, он сейчас живет на своем ранчо в Хат Крик, у горы Лассен. Вам придется искать его там.

Возвращаться к Барнсу без готового интервью было по меньшей мере неразумно, так что оставалось отправиться в Хат Крик. Поездка выдалась изматывающе долгой. Поздно вечером я добрался до Реддинга, на следующий день доехал до Берни и там навел справки, где находится ранчо.

— Значит, к доку Ливермору? — сказал почтмейстер, мой местный информатор. — А приглашение есть?

Я заверил, что есть.

— Хорошо. Потому как без приглашения он никого не пускает. Я бы и сам с радостью посмотрел, что творится на ранчо, только не хочу, чтобы в меня палили из ружья, как в старину Пита Джонсона, когда тот решил нанести доку нежданный визит. Похоже, там происходит что-то необычное.

Я, естественно, попытался разузнать, в чем заключается это «необычное», но почтмейстер и сам не знал. Все, что он мог сказать, — что доктор заказывает экспресс-доставкой «груду хлама», а еще больше ему возят из Реддинга грузовиками.

— Какого хлама? — поинтересовался я.

— Да всякой всячины: листы стали, какие-то механизмы, аккумуляторы, стеклянные контейнеры и черт знает что. Заказы не прекращаются с тех самых пор, как он здесь поселился. На него ра-

ботают несколько индейцев, а белых он к себе не подпускает.

Мне пришлось удовлетвориться сей скудной информацией, завести свою старую Лиззи и направиться на ранчо. После того, как я съехал с главной трассы, по пути не попадалось ни живой души — до тех пор, пока вдали не показался длинный одноэтажный дом. Я завернул за поворот петляющей дороги и отчаянно надавил на тормоза: впереди была натянута цепь, в которую чудом удалось не врезаться. За цепью стоял индеец с винтовкой. Когда машина остановилась, он подошел и спросил, что я тут делаю.

— У меня дело к доктору Ливермору, — огрызнулся я.

Он продолжил допрос:

— Письмо есть?

— Нет.

— Нет письма — нет доктора, — ответил тот и с бесстрастным видом вернулся на свой пост.

— Это просто абсурд! — возмутился я и подъехал поближе к цепи.

Как оказалось, крюк на конце был просто продет в металлическое кольцо, так что я мог легко избавиться от препятствия. В следующую секунду в паре дюймов от моего уха просвистела пуля, и я резко передумал снимать цепь.

— Нет письма — нет доктора, — лаконично сказал индеец, перезаряжая винтовку.

Я чувствовал себя загнанным в угол. Но потом заметил пару тонких проводов, тянущихся от дома к ближайшему дереву.

— Там телефон?

Индеец буркнул что-то утвердительное.

— Доктор Ливермор позвонил мне и попросил приехать. Можно сделать ему звонок и выяснить, не передумал ли он?

Примерно минуту индеец мысленно спорил сам с собой, потом неуверенно кивнул. Я взял трубку старинного телефона и сразу услышал голос хозяина ранчо.

— Доктор, это Том Фейбер, — представился я. — «График» послал меня к вам за интервью, но тут стоит индеец, чуть не прикончивший меня, когда я попытался проехать через вашу баррикаду.

— Повезло, — хихикнул доктор. — Я слышал звук выстрела, но не подозревал, что он стреляет в тебя. Передай ему трубку.

Индеец забрал телефон и внимательно выслушал собеседника, потом повесил трубку.

— Можешь въезжать.

Он снял цепь, а я подъехал к дому. Доктор ждал меня на веранде.

Продолжение следует.

Перевод с английского Евгения Никитина

Дарья БУРДИНА

Я, Дарья Бурдина, родилась в 1998 году в Москве. Ранее я имела честь публиковаться в журнале «Юность». За это время произошли очень важные события, повлиявшие на мою судьбу. Год назад я поступила в Московский государственный университет имени Ломоносова на факультет журналистики.

Сейчас я только начинаю постигать профессиональные азы, но потребность выражать себя в литературном отношении во мне осталась. Я продолжаю писать стихи и прозу. Совершенствуюсь в создании сценариев.

Я не знаю, как выстроится моя профессиональная судьба, но я уверена, что она будет связана с литературой.

Я хотела бы выразить благодарность редакционной коллегии журнала «Юность» за внимание к моему творчеству.

Драники

— Доброе утро, родные! Просыпайтесь! Ну просыпайтесь же!

— Ну мам, я такой чудесный сон видел. Лет десять таких снов не смотрел.

— При чем здесь твой сон! Сегодня же пятница! Пятница! Эй, Фима, давай, открывай глаза! У твоего сына сегодня день рождения!

— Что?! Я, я не сплю. Я помню! Аркаша, дорогой мой! Поздравляю!

— Как, уже сегодня?

— Аркашенька, солнышко! Конечно, сегодня! Отчего же не сегодня? Ты только посмотри, какое солнце! Кажется, не единого облачка.

— Мне отсюда не видно, мам.

— Сейчас Леночка проснется, откроет шторы — и ты все увидишь.

— Но Леночка уже ушла, кажется.

— Да? Значит, Женечка, девочка наша. Она и шторы откроет, и окна распахнет. А то уж очень душно.

— Дорогая, но Женечки тоже что-то не слышно.

— Я знаю! Побежала в магазин. Купить муки для твоих любимых драников, Аркашенька.

— Да, наверное. Они всегда на мой день рождения делают драники...

— Ты чего загрустил?

— Я уже двадцать два года не ел. Да я вообще ничего не ел с того дня, когда меня не стало.

— Перестань! Нас не «не стало», мы просто ушли.

— Какая разница...

— Давайте лучше о приятном. Зачем унывать? Когда я жила, я слишком часто уходила в себя, переживала из-за пустяковых мелочей. Я мало улыбалась, а это большая ошибка. Улыбаться нужно всегда! Грустно тебе, больно, страшно... Нужно улыбаться!

— Ага, это как Янковский: «Улыбайтесь, господа! Улыбайтесь!»

— А почему бы и нет? Янковский — гений.

— Так, Фима! Вот кто сегодня гений, так это наш Аркаша!

— Мне бы исполнилось семьдесят три... кошмар! Какая жуткая цифра!

— Не такой уж и кошмар! Мои семьдесят три года отмечали в «Праге». Это кто же у нас у власти был, Нина... Андропов или Черненко?

— Я не помню уже, Фим. Кажется, Горбачев.

— Погодите! Кто-то из наших девочек вернулся!

— Это Женя! Внученька моя, родненькая! Как же она на тебя похожа, мам.

— Да перестань! Она твоя порода.

— Нет, правда! Глаза, губы, лицо... даже украшения она носит так же, как ты. Женщинка моя маленькая, Женечка...

— Ох, посмотрите! Она со стола убирает! Точно драники будут!

— Ниночка, нет же. Посмотри, это она стол для компьютера освобождает.

— Да? Компьютер? Что ж... наверное, к экзамену готовится. Бедная моя, девочка. Обнять бы ее...

— Обнимай взглядом, Нина. У меня уже получилось один раз.

— Что-то вид у нее больно уставший. Бледная она очень. Совсем забегалась.

— Нет! Нет! Это она с мальчиком общается! Смотри, как ее глазки блестят.

— А что? Мальчик — дело приятное. Умница моя. Красавица. Правильно. В ее семнадцать лет именно о мальчиках думать нужно. Ой! Вот и Леночка! Посмотри, посмотри, Аркаша! Кажется, на ней новая блузка. И какая нарядная! Ну точно сегодня стол накроют!

— Ниночка, но у нее в руках только бумаги какие-то. А блузка эта не новая. Я ее на ней месяца два назад видел.

— Конечно, не новая! Зачем ей лишний раз тратиться? В такое время экономить нужно. Женечке же поступать. Правильно делают.

— Это все хорошо, но где мои дорогие драники?

— Аркаша, терпение. Девочки устали и забегались. Пусть отдохнут.

— Пошли куда-то.

— Наверное, к телевизору поближе. Кушают.

— И хорошо. Молодцы.

— Какое же счастье, что мы можем видеть их так близко каждый день. Наблюдать. Любить и, как ты говоришь, Фима, обнимать взглядом.

— Нет. Ужасно, что мы здесь, в альбоме, за пленкой. Закованные.

— Не говори глупостей! Это не оковы, а фотография, которую мы сделали сорок лет назад.

— Но я не хочу «обнимать взглядом»! Я хожу прижать Женьку к себе! Крепко-крепко... Мы бы столько с ней говорили! Я бы ни на минуточку от себя ее не отпускал. Я бы ей каждый день давал книги из нашей библиотеки. Она ведь так любит читать. А я бы сидел и держал ее всегда. За руку. Крепко и сильно.

— Постойте! Девочки свет погасили...

— Расходятся по комнатам...

— А как же Аркаша? Как же день рождения? Сегодня же пятница...

— А драники...

— Я же говорю, устали они очень...

— Нет, мам. Не устали. Ты правильно сказала. Теперь мы всего лишь фотография, которую сделали сорок лет назад.

2015 год

Любить

Ранняя звезда прокатилась по черной скатерти, обрызгав деревья блестящей пылью. Стоять и смотреть, как медленно скатываются с ночных листьев эти крошечные, никому не доступные капельки, было истинным наслаждением. Запах лунности копнами падал на крыши домов, задевая карнизы, трубы. Было такое впечатление, что эту лунность можно достать рукой, набрать целую горсть или зарыться в ней, как в снегу. Зарыться, опустить голову и забыться обманчивым сном.

Она отчаянно смотрела на скатывающиеся крупинки звезд и внимательно слушала, боясь пропустить что-то очень важное. «Любить!» — переводя дыхание и проглатывая воздух, шептала она, с ужасом думая, не упадет ли еще одна крупинка. И каждый раз, когда эта кроха падала, она громко вздыхала, заставляя себя не думать, не говорить. Закрывая руками опухшие от слез губы, она все равно шептала свое страшное «любить». Иногда ей казалось, что вся природа вместе с ней издает это проклятое, никому не нужное слово.

«Любить» — осколками швырялась в нее вода из пруда.

«Любить» — опилками, корой, муравьями, клопами бросали в ее голову ветви деревьев.

«Любить» — стонало небо и кидало в нее самый промозглый ветер. А она все терпела и шептала.

Она не понимала зачем, почему, для чего. Она просто знала, что ей нужно, необходимо, нельзя не любить.

Книжка, уже помявшаяся от ее горячих бегающих пальцев, упала на пол, а вместе с ней и капля. И в этой капле рассыпался холодный, тонкий, хрупкий свет, и в каждой светящейся крупинке лунность нежно ей шептала «любить!».

2016 год

г. Москва

Ратмир ЛУТФУЛЛИН

Ратмир Лутфуллин родился в 1994 году в Санкт-Петербурге.

Творчество как основной вид деятельности избрал для себя очень рано. С 2000 по 2012 год — участник ансамбля народной песни и пляски под руководством почетного педагога РФ Л. Б. Артеменко, с которым гастролировал по городам России и за рубежом. В 2008—2009 годах — слушатель курса актерского и режиссерского мастерства при «Ленфильме» (руководители — заслуженная артистка РФ М. К. Лаврова и режиссер-документалист А. Д. Александров). В 2009 году создал школьный театр в 49-й гуманитарной гимназии Санкт-Петербурга. За школьные годы стал лауреатом многих творческих и научных городских конкурсов. Гимназию окончил с золотой медалью. В настоящее время — студент четвертого курса Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, где осваивает режиссерское творчество под руководством народного артиста РФ профессора А. С. Лопушанского и заслуженного деятеля искусств РФ профессора С. М. Овчарова.

Опубликовал большое количество статей, рассказов, стихов, повестей в различных журналах. Художественные фильмы, представленные на различные конкурсы, пользуются большой популярностью.

Мамонты, Рембрандт и танцы с бубном: при чем тут PlayStation?

Искусствознание. Пожалуй, это одна из самых неповоротливых и замкнутых наук, если рассматривать ее с точки зрения истории искусств. Разумеется, при изучении актуальных проблем искусства не обойтись без мобильности и открытости к новым точкам зрения. Но в вопросе трактовки всего того, что уже создано человечеством, добавить или убрать что-то практически невозможно. Если работы какого-то творца признаны гениальными, опровергнуть это сегодня не получится. Да и не требуется.

Сейчас мне как раз бы хотелось ввести что-то новое в искусствознание, а именно новый раздел — игроведение. Споры о том, стоит ли признать компьютерные игры искусством, ведутся еще с 90-х годов. Сегодня, когда прошло примерно 40 лет с появления первой домашней игровой приставки и первых аркадных игровых автоматов, можно говорить, что время для новой науки пришло. Столько же в начале прошлого века потребовалось, чтобы утвердить науку «киноведение» (1930-е годы).

Уже существует большое количество литературы, посвященной исключительно истории видеоигр, но об их месте в общей системе

искусств сказано очень мало. Поэтому я считаю, что необходимо начинать теоретизировать имеющиеся знания, для того чтобы: а) признать видеоигры искусством, б) положить начало игроведению. Именно этим я собираюсь заниматься на протяжении цикла статей.

Я докажу, что наилучшими инструментами для изучения компьютерных игр обладает именно искусствознание. Но для этого придется копнуть далеко в прошлое. Я хочу совершить небольшой экскурс в историю игры как культурного феномена, изучить это понятие в широком смысле слова вплоть до конца XX века. А уже потом можно перейти непосредственно к изучению игр компьютерных. И сейчас речь пойдет об общих положениях, относящихся к игре, а также о ее первых проявлениях в доисторические времена.

Начать стоит с того, что как раз сама культура оказалась моложе игры. Ведь культура является продуктом осознанной человеческой деятельности, а игра родилась в животном мире. Мы должны помнить об этом, потому что человечество не привнесло в игру ничего принципиально нового. Главным был только качественный переход игры из области инстинкта в область культуры.

Однако не все согласились бы с таким утверждением. Российский театральный режиссер и теоретик театра Николай Евреинов продвигал свою теорию инстинкта преображения. В монографии «Театр для себя» (1915, Петроград) в главе «Театр у животных» он рассматривает естественные истоки театральности у человека. В основе этой естественной игры у животных и растений лежат всевозможные виды мимикрии. Стремление не казаться тем, кем являешься, было оправданным в животном мире и служило для маскировки. На генном уровне этот инстинкт перешел к человеку, но за ненадобностью трансформировался в, как его называет Евреинов, инстинкт театральности. Человек получает удовольствие от мимикрии, так как это его генная потребность.

Кажется, в предположении Евреинова все логично. Но только практика показала, что «игра в театре» — это **искусство**, а **не игра**, пусть вас не смущает каламбур. Поэтому я всецело выступаю за термин «актерское искусство».

Оставив игру на уровне инстинкта, мы не сделаем важного рывка вперед, необходимого для рождения культуры. Попробую доказать это, пойдя от противного. Предположим, что утверждение Евреинова верно. Тогда игра (по сути, мимикрия) — это инстинкт, а игра в театре — это его воплощение. Вот вам второе сопоставление: инстинкт сохранения человеческого рода — воплощение: секс. Но мы не имеем права проводить параллели таким образом. Это абсурд. Игра — гораздо более сложный психологический процесс, требующий подключения творческого воображения — фантазии. Поэтому «инстинкт театральности» Евреинова остался в истории только как смелое предположение, хоть и породившее целую концепцию сценического искусства, имеющую и в наши дни большое число последователей.

Итак, человеческое существо больше не играет на уровне «охотник —жертва», оно переходит к осознанному отношению к игре. Почему игра все-таки осталась в жизни человека? Я бы сказал, что причиной сохранения игры и ее перехода на новую стадию стал набор факторов. Напомню существующие теории.

1. Карл Гросс: «Теория практики и инстинкта». Объектом теории Гросса стали дети, у которых игра является инстинктом как способом подготовиться ко взрослой жизни. А у взрослых игра — это рудимент, с которым трудно расстаться по ряду психологических причин.

2. Герберт Спенсер и Фридрих Шиллер: «Теория избытка силы». Человек прибегает к игре как к способу выпустить пар.

3. Генри Хоум и В. Патрик: «Рекреационная теория». Это предположение спорит с предыдущим, используя в качестве примера случай, когда человек переходит к игре, наоборот, чтобы аккумулировать израсходованные силы.

4. Эдуард Клапаред и Карл Бюлер: «Теория катарсиса (функционального удовольствия)». Эта теория ставит во главу угла человеческий гедонизм, якобы только он вызывает у человека стремление играть.

Список теорий о функциях игры изложили в своей книге «Теория игры» американские социологи Элмер Митчелл и Бернард Мэйсон (1948, Нью-Йорк).

Нам важен сам факт: игра теперь не животный инстинкт, а элемент культуры древнего человека. Трудно сказать, когда случился этот переход, но именно с ним нидерландский социолог Йозеф Хейзинга связывает появление человека современного.

Ученые давно сошлись во мнении, что после «хомо сапиенс» необходимо добавить еще одну или несколько ступеней, потому что это далеко не последняя стадия развития человечества. Конкретно Хейзинга выделяет в качестве новейшего вида «человека играющего», «хомо люденс» (так ученый и назвал свою книгу — «Человек играющий», 1938). Социолог связывает появление осознанной игры у человека с рождением са-

мого современного человеческого существа. Здесь я полностью соглашусь с ним. Когда биологическая морфология перестает претерпевать изменения, в поиске новых отличий надо обратиться к «голове».

Рождение игры также связано с возникновением примитивного воспитания. Для ребенка все — игра, через нее он познает окружающий мир. В первую очередь игрой являлось подражание взрослым (та же мимикрия). Только это способствовало усвоению практических умений и традиций.

Обряд инициации, ритуальное подражание повадкам животных-тотемов или поведению предка-героя, инсценировки предстоящей охоты — это все элементы игры, которая дала возможность появиться воспитанию. А когда накопленный опыт передается следующим поколениям, он постепенно развивается. И без этого не произошел бы важнейший переход от присваивающего типа хозяйствования к производящему.

Первый «педагогический прорыв» тоже случился в доисторическую эпоху и был связан с изобретением наглядных пособий для обучения. Ими являлись фигурки животных, наскальная живопись, игрушки-талисманы. И ребенок, взаимодействуя с ними через игру, гораздо лучше усваивал знания. Самым простым примером может служить «урок по изучению совместных методов охоты». Сформулировал я слишком наукообразно для нашего предка, но это именно то, чем занимались дети, играя в первых «солдатиков».

Итак, древний человек научился осознанно играть. Но этот факт не означает, что игра утверждается как самостоятельная сфера деятельности. В то же время рождается древнее искусство и первобытная религия. Вместе все эти феномены образовали культуру не только древнего социума, но и человека вообще. Благодаря первобытному синкретизму (неразделимости понятий и явлений) все три аспекта культуры на протяжении многих веков существовали монолитно, а в некоторых областях жизни продолжают существовать до сих пор.

Наскальная живопись с изображением определенных сюжетов, пресловутые «танцы с бубном» и поклонение тотему — все это элемент *ритуала*, направленного, например, на принесение удачи охотникам в их нелегком деле. Современная наука условно разделит это на историю изобразительного искусства, культурологию и историю религии, но это лишь формальность. На деле разделения понятий в головах человека не существовало. Рисунок на сводах пещеры, танец и молитва-заклинание — всё в равной степени должно привести к удачной охоте.

Отмечу, что в триаде «искусство, игра, культ» не стоит отдавать предпочтение ничему. Может показаться, что искусство и игра были направлены на служение культу, и он должен превалировать над остальными. Но культ был всего лишь необходимостью, люди считали, что без «веры» не будет ни урожая, ни удачной охоты. А без игры и искусства культ существовать не мог. Культа ради культа не было. Поэтому и все три элемента древней культуры надо считать равными.

Древний синкретизм будет сопровождать нас на протяжении не одного столетия, поэтому, прежде чем двигаться дальше, давайте подробнее разберем это понятие. Сделать это будет проще всего, взглянув на систему свойств игры, выведенную Хейзингой. Вы увидите, что эти свойства применимы к игре как в древнейшем социуме, так и в наши дни, и многое в них восходит к синкретизму.

1. Игра лежит вне морали «хорошо — плохо» или «глупо — умно». Все это идет именно от древнего тотемизма, когда служение культу было делом элементарно необходимым, как бы само собой разумеющимся. Нужен дождь? Нельзя не пойти и не станцевать танец дождя, это очевидно.

2. Повторяемость. Как и все ритуалы, игра приобрела свою очередность, периодичность. Дождь нужно вызывать регулярно. В виде *ритма* повторяемость перейдет в искусство.

3. Фортуна. Неподкрепленная фактами вера во что-либо. Где научное доказательство того, что дождь пойдет после ритуального танца? Как и нет доказательства (разве что математическая вероятность), что при игре в покер у игрока окажутся именно нужные ему карты.

4. Наличие правил и их соблюдение. Вскоре во всех ритуальных действиях сложится система правил, следуя которым нужно определенным образом поклоняться культу. И в играх есть правила. Даже в искусстве впоследствии появятся негласные своды законов и требований. Это подчеркивает древнюю связь триады.

Надо сказать, что с течением времени правила ужесточались. Связано это было с тем, что появилась необходимость создавать «дополнительную реальность», когда настоящая стала терять необходимость в триаде. «Бытовое сознание» стало побеждать «мифологическое», однако необходимость во втором осталась. И чтобы удержать его на плаву, пришлось создавать другую реальность, в которой бы действовали свои законы, отличающиеся от правил обычного мира.

Разумеется, чтобы правила действовали, за их нарушение надо было вводить наказания. Что интересно: как пишет французский социолог Роже Кайуа, даже

жульничество есть своего рода соблюдение правил (Игры и люди. 1958, Париж). Потому что наказание также прописано в правилах, а если человек намеренно идет на нарушение закона, значит, он этот закон знает, как и знает способы его обойти. Своего рода «уважение уголовного кодекса», по словам Остапа Бендера. Так что по сути жульничества не существует. Не пойман — не вор. А пойман — понеси наказание.

Последнее, что касается данного пункта, — свобода. Правила подразумевают полную свободу в своих рамках. Действует принцип «что не запрещено — то разрешено».

5. «Отграниченность». Не существует разницы между древним капищем и футбольным полем. И там, и там свершается некое «священнодействие». Без особой замкнутой самой в себе площадки невозможно ни сыграть в игру любого рода, ни совершить служение культу, ни сотворить произведение искусства. Таким образом, рождается «магическое тождество»: мы не можем отделить церковную службу от храма, кино от кинотеатра, футбол от футбольного поля. Как паломники, одни стекаются к святым местам, другие идут на стадионы поддерживать любимую команду. В этом проявляется древний синкретизм у современного человека.

Карл Гросс, чью теорию возникновения игры я описал ранее, тоже много пишет об «отграниченности». Несколько перефразирую его слова для того, чтобы подвести черту под этим свойством игры.

Намеренно запирая себя на определенной территории, мы создаем *добровольную иллюзию*, которая лежит в основе всех игр. И на этой самой территории человек уже совершает не действия, а *псевдодействия*. При этом начинает работать не традиционное сознание, а одна из его форм — *воображение*.

Приведу пример, подтверждающий слова Гросса. Шахматы. Площадка в данном случае — это доска. Фигуры — это куклы. Однако иллюзия в данном случае превращает их в королей и королев. Далее, мы «ходим». Но мы не переставляем куклы странным образом с клетки на клетку. Мы атакуем или защищаемся — это и есть псевдодействие. Размышляя обычным путем, мы бы никогда не смогли принять эту странную систему координат, не имеющую ничего общего с нашей повседневной жизнью. Но при помощи воображения мы все-таки можем играть в шахматы. И не сходить при этом с ума. То есть нам не нужно **бесповоротно** заменять традиционное сознание на шахматное.

Забегая вперед, сразу укажу два других свойства игры, которые добавятся позднее и не имеют отношения к сознанию древних людей, так как являются продуктом более сложной умственной деятельности. Озвучил их уже указанный мной Кайуа.

6. Эффект «вертиго». Это сложный психологический процесс получения удовольствия от неизвестности впереди. Грубо это можно озаглавить странным мазохизмом: человек намеренно вгоняет себя в неведение, результатом которого могут стать даже весьма отрицательные последствия. Однако само неведение и вызывает эффект «головокружения», от которого человек получает удовольствие. Своего рода это наркотик, который может реально стать таковым, если этот процесс не контролировать.

7. Агональный инстинкт — стремление к соревновательности. Пожалуй, самое позднее по формированию свойство игры, активно утвердившееся только в античности, с общим культом агона.

Как было сказано выше, в центре игры у животных стояла схема «охотник — жертва». То есть целью было формально умертвить соперника. Теперь же сам процесс честного состязания становится целью игры. Ну и, разумеется, победа. Но не уничтожение соперника, а именно справедливая победа над ним, чтобы тот, оставшись в живых, смог с должным почтением относиться к победителю. Это и есть агон, который лег в основу философии античных Олимпийских игр.

Заканчивая разговор о древнем синкретизме, считаю нужным лучше раскрыть его значение в современном обществе. И сразу сделаю небольшую оговорку. Сам по себе древний синкретизм проявиться не может, он может только начать функционировать через *мифологическое сознание* человека.

Считается, что сегодня мы давно таким сознанием не живем. Однако следы его остались. Актуальность одних и тех же свойств игры в древности и сегодня это подтверждает. Другим примером в данном случае будет то, как общество ценит произведения искусства не сколько по их содержанию, сколько по их принадлежности к тому или иному автору. Ведь, исходя из классической логики, мы должны были бы признать, что, допустим, Рембрандт написал картину и больше к ее физическому воплощению не имеет отношения. И люди могли бы легко и с удовольствием вешать в музеях репродукции «Возвращения блудного сына». (Сразу оговорюсь, это будет работать только в «идеальной» ситуации, когда репродукция ни на йоту не отличается от оригинала.) Но нет, человечество этого не делает. И не сделает, даже когда технологии позволят создавать «идеальные копии». А все благодаря мифологическому сознанию:

мы не способны отделить творение от автора. Для нас Рембрандт проявляется в своем детище почти физически.

Но это лишь один из фрагментов древнего сознания у современного человека. Где бы мы могли подсмотреть именно тот, первобытный синкретизм в первозданном виде? На этот вопрос есть простой ответ — у детей.

Однажды летом я преподавал в детской киношколе и решил показать детям фильм, снятый по мотивам древней скандинавской легенды. По сюжету в конце истории главный герой сжигает старинный храм, в котором вместо веры и утешения поселилось зло. Фильм заканчивается тем, что отважный воин движется к храму с зажженным факелом в руке.

И сразу после этого меня окружили дети с одним вопросом: «А храм правда сожгли?» Вот оно, неразделение правды и вымысла, прошлого и настоящего. Дети сами в своем воображении «дорисовали» картинку, невольно продемонстрировав древний синкретизм в действии. Надо заметить, что дети не были малышами, получали хорошее образование, понимали, как были сняты многие другие кадры, но вопрос о «сожжении» для них остался открытым.

А теперь представьте взрослого человека, жившего во времена неолита. Он может быть умнейшим членом племени, но конструктивно его мышление будет таким же, как у этих детей. Допустим, мы подходим к такому человеку и говорим, что мамонт, во всех деталях изображенный им, не имеет к его реальному воплощению никакого отношения. Это утверждение поставит нашего героя в тупик. Ведь как же: есть мамонт, он есть **вообще**, не важно, на рисунке или в лесу. И все манипуляции с рисунком окажут влияние на животное.

Как мы можем видеть, почти все особенности игры выделились в доисторический период. Сначала у животных, затем у древнего человека. Это доказывает, что игра выделилась из сложного клубка культуры древнего синкретизма, став впоследствии самостоятельным феноменом, существующим бок о бок с культом и искусством. Дальнейшие сближения и расхождения этих элементов и будут давать толчок к духовному развитию человечества на протяжении всего его существования. Об этих столкновениях речь пойдет дальше, когда мы прикоснемся к гораздо более богатому на события периоду Античности.

г. Санкт-Петербург

Сергей ШУВАЛОВ

Сергей Шувалов живет и работает в Москве. Окончил Институт стали и сплавов и экономический факультет МГУ. Пишет давно. Печатался в журналах «Москва» и «Юность».

Война

Перистые облака превращались в дымку где-то в недосягаемой дали и уходили за горизонт. Дикие сапсаны кружились в небе, то часто спускаясь по ветру вниз, то набирая высоту снова. Их приглушенный крик изредка доносился до Олега, и тогда он поднимал голову, пытаясь отыскать птиц в предрассветном просторе.

Листья, подсушенные теплыми осенними деньками, несло с противоположной стороны поля, тихий ветерок подгонял их к выкопанной траншее.

Тело Олега, привыкшее к холодной утренней влаге, пропахшее дождевыми червями вперемешку с землей и глиной, почти что не выпрямлялось с тех пор, как его рота заняла здесь линию обороны.

Олег осторожно снял каску, скинул жилет, вылез изо рва и растянулся на траве, полной грудью вдыхая душистый аромат клевера и зверобоя.

«А где война?» — спросил он сам себя.

Олег вспомнил, как их глубокой ночью несколько дней назад поднял ротный, сунул им номерки в руки, и каждый бежал по длинному коридору, на ходу получая необходимое обмундирование и боеприпасы согласно выданному номерку. Он помнил, как выбегали они из казармы, под покровом ночи рассаживались по военным грузовикам. В пути все молчали. Олег не выдержал и тихо спросил у сослуживца, сидящего рядом:

— Куда нас везут?

Тот еле слышно ответил:

— Что, не понял еще? На войну нас везут. — И замолчал.

И вот теперь Олег лежал на остывающей земле и думал о том, что в таком виде война не так уж страшна и, может быть, это и есть настоящая война. Где-то сзади послышалось звонкое «кукареку», и ему почудился запах ароматного сена и только что выкопанной картошки.

Так захотелось в тот момент освободиться от солдатских оков, постоянного ожидания чего-то ужасного, рвануть через поле, спотыкаясь, словно соревнуясь с самим собой, бежать вперед, широко размахивая руками. А вбежав вон в ту деревушку, облиться холодной чистой водой из колодца, выпить парного молока, и чтобы молока было много, чтоб переливалось оно через край и стекало по губам, по подбородку, заливая грудь.

Олег перевернулся на живот и принялся разглядывать ту самую деревушку, о которой только что думал. Дома в ней словно росли кустом — так близко друг к другу они стояли. Потемневшие от времени, выглядели домишки невзрачно, а окружавшие их старые корявые деревья добавляли таинственности в незамысловатый пейзаж. Где-то горел костер, и ветер, закручивая дым, не спеша поднимал его вверх.

Слева темным пятном распласталась пашня. Олег даже заметил с десяток мешков, наполненных овощами. Женщины в белых платках копошились рядом с ними, не разгибаясь, собирая плоды осени.

Осень наступала, и позади домов лес лысел, оставляя между деревьями просветы, а желтый цвет был уже не таким ярким.

— Залезь! — услышал он позади чужой сиплый голос.

— Что? — переспросил Олег, оглянувшись.

— Вниз давай! — приказал солдат, занимавший позицию рядом.

Олега словно обдали ледяной водой после долгого и приятного сна. Он медленно скатился в траншею.

— Каску надень, — сердито произнес тот же солдат.

Олег натянул каску на голову и сел, откинувшись на земляную стену рва. Он посмотрел на солдата. Мужчина средних лет, с черными, как смоль, усами и бровями внимательно смотрел в бинокль, будто искал что-то впереди. Его рябое лицо было покрыто мелкими каплями пота.

Олег подвинулся ближе к солдату и чуть слышно сказал:

— Как тихо вокруг!

Солдат молчал.

Олег, подумав немного, снова заговорил:

— Затишье такое... Интересно, почему? Мне вот еще отец рассказывал, отчего войны бывают. Так вот, он говорил, — продолжал Олег, глядя куда-то в сторону, — что войны от того случаются, что земле сложно становится всех нас носить на себе. Много нас стало. И истребляем мы друг друга по велению природы — только по этой причине. Как хочет земля вздохнуть, так сбрасывает с себя лишний вес бесполезных душ, и опять завьется, закружится жизнь. Только нас в этой жизни уже больше не будет.

— Да помолчи ты! Плетешь черт знает что! — зло бросил солдат. — Я по-твоему взгляду могу сказать, что врага ты никогда в своей жизни близко не видел. А когда увидишь, то обделаешься от страха, да так и будешь сидеть на согнутых ногах, нанизывая свою грудь на штык, потому что страха остаться в живых у тебя будет гораздо больше, чем умереть среди всего этого ада.

Олег с опаской посмотрел на солдата.

А всего лишь в нескольких километрах от них, в лесу, еще не успевшем окончательно поредеть от рано пришедшей осени, высунулись из-за ветвей и стволов деревьев, как ядовитые языки, замаскированные металлические стволы.

— За-ря-жай! — отчетливо, по слогам прозвучало над лесом, а потом многократно было повторено эхом.

Послышался лязг металла, и опять все стихло.

Олег посмотрел на небо. Яркое, совсем даже не осеннее солнце согревало своим теплом. Вдруг все замерло, будто бы провалилось в глубокое спокойствие, только верхушки деревьев там, за полем, покачивались от слабого ветра. Олег стал искать в небе птиц, но они пропали, словно канули в глубь синевы.

Пожилой солдат припал к земле и стал слушать. Ослабленная каска его смешно съехала набок, но вид был серьезный.

— Ну что там? — спросил его Олег, улыбнувшись.

Руки у солдата задрожали.

— Кажись, началось, — выдохнул он. — Прижмись к земле!

Олег беспрекословно повиновался, хотя и не очень понял, зачем это надо делать.

Ударил гром, сильный, раскатистый.

Олег попытался найти грозовую тучу, но ее нигде не было, потом поглядел в сторону леса. А там качнулись металлические стволы, и пронеслось над деревьями: «Пли-и-и-и! Пли-и-и! Пли-и-и-и!» Что-то засвистело, оглушило.

Солдат только и успел броситься на Олега, вдавливая его в ров своим телом.

Земля дрогнула. Олег почувствовал, как она словно расступилась под ним, и он полетел в бездонную пропасть без конца и края.

Олег открыл глаза. Половину его лица закрывала рука убитого солдата, а над ней Олег не увидел ничего: едкий дым с запахом жженой земли застилал небо.

Незнакомые звуки вдруг послышались Олегу. Они приближались.

Какие-то машины, люди пересекали ров, в котором он лежал, совершенно не замечая ни его самого, ни убитых, будто бы оставив их в прошлом, которого уже нет. Они направлялись дальше, в сторону той деревушки, за жизнью которой всего лишь несколько минут назад наблюдал Олег. Один из солдат притормозил у рва и, заглянув вниз, заметил живого Олега. Взгляды их встретились. Солдат снял с плеча автомат и демонстративно навел ствол. Олег зажмурился и запрокинул голову. Солдат рассмеялся, отвел оружие, плюнул в ров и пошел дальше.

Пошатнувшееся сознание Олега рисовала ему странные картины, будто бы видел он не людей вокруг, а хищных голодных зверей, ищущих добычу и не находивших ее, и тогда они набрасывались друг на друга, перегрызая в смертельной схватке друг другу горло.

Солнце стремилось к закату, как день — к своему концу. Дым почти рассеялся. Последние клубы его поднимались от догорающих бронемашин, тлеющей одежды и бревен разрушенных блиндажей. Враг перешел линию обороны.

Всю ночь Олег провел во рве, так и пролежав под телом убитого солдата.

К середине ночи дым окончательно рассеялся, и, очнувшись, Олег увидел чистое темное небо, наполненное яркими, как никогда, звездами. Глаза его сомкнулись, и он заснул.

На следующий день рано утром Олег сбросил с себя тело заслонившего его солдата, вылез изо рва и пошел в неизвестную сторону. Шел он так долго, не выбирая путь, просто шел вперед.

— Смотри-ка, — сказал снайпер, залегший на чердаке старой пятиэтажки, другому, задремавшему было чуть поодаль от окна. — Вот тебе представление. Смотри!

Тот открыл глаза и медленно, чуть пригнувшись, подошел.

— Солдат... Просто идет солдат, — откликнулся он.

Снайпер посмотрел в прицел.

— Не наш. Шатает его. Подстрелить? — предложил он. Ему было скучно.

— Подстрели, — равнодушно ответил второй. — Только для начала припугни. Пальни мимо, а как задергается — стреляй. А то неинтересно: мишень мертвая.

Снайпер выстрелил. Пуля попала в угол дома, и камень, отскочив, задел шею Олега. Тот продолжил путь.

— Чего-то не дергается, — высказал недовольство снайпер и выстрелил еще раз.

Олег не обратил на выстрел никакого внимания.

— Нет, ты смотри! Идет себе, и все! — возмутился снайпер.

— Да прострели ты ему ногу, что ли! — сказал другой, оскалившись.

— Нет, ногу не буду, а вот руку прострелю. Рванет в кусты — тут я его и кончу! — И выстрелил.

Ладонь Олега разорвала боль, пальцы онемели. Но он продолжал идти.

— Чтоб его! — вскрикнул снайпер. — Юродивый! Пусть идет.

Ближе к ночи Олег наткнулся на мародеров, вставших лагерем недалеко от дороги и разводивших костер. Когда он поравнялся с ними, его окликнули:

— Эй, бравый, куда путь держишь?

Олег, ничего не отвечая, продолжал идти дальше.

— Эй! — крикнул лысый и невысокий, привстав. — Ну-ка стой! Невежливо не отвечать!

Олег остановился и посмотрел в сторону костра.

Мародеры привстали со своих мест. Один из них забежал за спину Олега, еще пара направилась прямо на него. Верзила, видимо, главный, вплотную приблизился к жертве, потом обошел его, будто принюхиваясь.

— Куда путь держишь, служивый? — спросил он снова.

— Не знаю, — ответил Олег.

— Дезертир?

— Не знаю. — Был ответ.

— А сейчас тоже не знаешь? — И верзила неожиданно ударил Олега кулаком в живот.

Тот согнулся.

— Брат, у него нет ничего, по-моему, — сказал лысый. — Убьем его и одежду возьмем? — предложил он.

— У него одежда-то — по пустыням ходить, и то замерзнешь, — бросил главный, проведя пальцем по рукоятке ножа за поясом.

— А кирзачи? — Лысый указал на сапоги Олега.

— Разве что... — согласился верзила и достал нож.

Он подошел к Олегу сзади и приставил ему лезвие к горлу.

— Да не режь ты его сейчас! — окликнул главного тот, что стоял позади Олега. — Будет валяться тут, вонять трупьем. Стаскивать его в канаву потом...

— А что делать прикажешь?

— Да ничего. Сейчас сам, куда надо, дойдет, — ответил тот и пнул Олега что было сил сапогом в пах. — Пошел, скотина! — крикнул он с неистовой злобой.

Вместо того чтобы идти, Олег повалился на землю.

— Вставай, сволочь! — Лысый схватил его за воротник рубахи, дернув вверх.

В придорожном лесу мародеры избили его до полусмерти. Стянув сапоги, один из них сказал другому:

— Завтра к утру подохнет, а мы свалим отсюда.

Олег бился в агонии, но все же еще сопротивлялся смерти и из последних сил, сжимая здоровую руку в кулак, хриплым голосом чуть слышно повторял заученные когда-то стихи:

Но знаю я, что есть на свете
Планета малая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.
И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не утеряли
Души *единственной* своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта малая планета —
Земля *воскресшая* моя[1].

Уже ночью огромный диск луны, освещающий землю почти так же ярко, как солнце в последние минуты заката, пропал за одеялом плотных облаков. Земля почернела, и тело Олега скрылось во тьме, как скрываются в пучине безбрежных океанов проглоченные штормом корабли.

Но эта ночь была необычной. Вместо привычного для этого времени северного ветра внезапно подул южный, и холод уступил отголоскам уходящего лета, не давшим почве остыть окончательно. Это и спасло Олега. Земля передала свое тепло умирающему солдату.

Он проснулся с первыми лучами восходящего солнца. В разорванных солдатских штанах, в майке, залитой кровью, босыми ступнями встал Олег на опавшие листья и еще зеленеющую траву, чтобы еще раз увидеть восход и подумать о том, что кто-нибудь когда-нибудь будет жить на новой воскресшей земле.

г. Москва

[1] Отрывок из стихотворения «Противостояние Марса» Н. Заболоцкого.

Инна АЛЕКСАНДРОВА

Salus populi suprema lex est

Благо народа — высший закон

Продолжение. Начало в № 8, 9 за 2016 год

Окончательно определился, что такое парторганы, уже в Калининграде, работая в милиции. Тут увидел и на собственной шкуре ощутил все двойные стандарты. Но жить надо было. А потому — как все...

Кто-то может спросить: зачем об этом говорю, вспоминаю? Надо, надо, хоть и поздно, говорить правду. Может быть, это от чего-то предостережет потомков.

Теперь снова возвращаюсь к окончанию елабужского училища. Это были месяцы «разборок» с Берией. Берия был нашим министром, и вдруг мы увидели, что его портрета нет среди портретов членов политбюро. Первокурсники уже рвали этот портрет на ветошь для протирки оружия. Узнаем: Берия — враг народа, шпион. Поверили? Конечно. Тогда верили всему. Сомневались единицы. Втихомолку, про себя...

Уничтожение Берии лично нам тогда навредило: задержали на целый месяц с выпуском. Наши офицерские кителя пылились в каптерке, с нами не знали, что делать. Наконец пришел приказ: произвести выпуск, училище расформировать и на его базе создать школу милиции. Она, кстати, существует и по сию пору. Нас, шестнадцать бывших суворовцев, направили в распоряжение Киевского военного округа внутренних войск. По наивности полагали, что останемся служить в Киеве, но черта с два: в Киеве хватало «сыночков». Нас ждали крутые места: послали служить в настоящую горячую точку. Горячей тогда была Западная Украина.

Вместо Киева оказался в городке Копычинцы Тернопольской области. Конечно, это была не Украина. Это была бывшая Польша с полным набором польских ценностей: костелом, ратушной площадью, маленькими кирпичными домиками, крытыми черепицей и увитыми диким виноградом, колокольным звоном. Места потому считались «горячими», что в окружающих лесах, в схронах прятались бандеровцы. Кто они такие, сейчас объясню.

После войны еще долго на территории Украины, Белоруссии, Литвы действовали банды. Чего хотели эти люди и кто они такие? Это были украинцы, белорусы, литовцы, которые не хотели установления советской власти в тех краях, в которых жили. Они препятствовали этому всеми возможными средствами: подрывали мосты, устраивали взрывы в городской и сельской местностях, но еще уничтожали тех, кто сотрудничал с Советами. Уводили у крестьян скот, забирали имущество. Диверсионные акты совершали в основном в сельской местности, маленьких городках. Их цель — восстановить людей против устанавливаемого режима. На Украине это была Украинская повстанческая армия — УПА. Действовали и оуновцы. ОУН — организация украинских националистов. Фашистское объединение. Они боролись против воссоединения Западной и Восточной Украины. Считается, что к началу пятидесятых годов остатки оуновцев были ликвидированы, но это было не так. Возглавлял борьбу Степан Бандера, которого все советское время считали лютым врагом и которому теперь на Украине поставили памятник. В то время, когда я оказался в Копычинцах, то есть в самом конце пятьдесят третьего года, разрозненные группы бандеровцев еще оставались, и наша задача состояла в их уничтожении. Часть наша находилась за городом, а мы, трое молодых офицеров-холостяков, поселились в городе у польки, которая сдавала горницу с полным пансионом. Платили ей оговоренную сумму, а кроме того, должны были обеспечить углем. Кровати были застелены чистым бельем, еда подавалась на белоснежной скатерти — господа офицеры! — но порции были настолько микроскопичны, что через час в животе урчало и в магазинчике при части приходилось покупать хлеб, а если были деньги — пряники.

Хотя в городе не было происшествий, ходили все время с оружием — пистолетами, и это ко многому обязывало. Работу заканчивали не поздно и, так как делать было абсолютно нечего — одну и ту же картину крутили в маленьком кинотеатрике неделями, — шли в чайную, где и позволяли себе, но... очень умеренно: помнили, что находимся при оружии. В среду и субботу в небольшом танцзале можно было поработать ногами, пригласив какую-нибудь приглянувшуюся польку, однако твердо знали: танцы танцами, но... не более. Если что-то замечали, особый отдел, то есть гэбэшники, тут же делали выводы...

В чем состояла работа? В обучении воинской премудрости молодых бойцов. Часть относилась к войскам МВД, и мы должны были по наводке оперативников участвовать в определенных боевых операциях, то есть уничтожении бандеровцев. Оцепив кусок леса, где они засели, начинали войсковую операцию. Своих убитых они редко уносили, а потому мы их тела раскладывали вдоль оград в деревне в назидание тем, кто собирался податься в банду. Мы не рассуждали тогда, насколько это было гуманно. Приказывали — выполняли.

В части были уже обстрелянные офицеры: они люто ненавидели тех, с кем воевали. У меня эти операции не вызывали какого-то подъема и энтузиазма: загонять людей в ловушку и забрасывать гранатами мне не нравилось. Но попробовал бы ослушаться приказа...

В операциях были потери и с нашей стороны, не говоря уже о раненых. Операции назывались чекистско-войсковыми.

Почему оуновцы все-таки были тогда ликвидированы? Да потому, что их не поддерживало население. Люди понимали, что они ничем в жизни помочь не могут, а вредят здорово. Озлобленные шакалы, они потом или бежали за пределы СССР, или затаивались, и вот теперь на Украине

их последыши снова начали войну, снова сеют ненависть против русских. Подлый национализм никогда ничего хорошего людям не приносил, потому как в основе своей негативен: моя нация — самая лучшая. А почему лучшая? Чем лучше других?

В части, где служил, было много боевых офицеров, прошедших войну и закончивших ее в Германии. Когда в часть приехал вербовщик и стал «сватать» служить в Германию, желающих нашлось не очень много. Но нам, еще не видевшим никакой «заграницы», идея попасть в Германию пришлась по душе. Мы быстро согласились. И уже в декабре пятьдесят третьего получили предписание выехать в Москву. Когда через несколько дней явились в Москве в управление войск, узнали, что поедем в Германию не втроем, а вдесятером — все бывшие суворовцы.

Получив документы и набив один чемодан едой, а второй водкой, были готовы к дальнейшему «полету»: пересечь границу надо было обязательно 31 декабря. Заняв два с половиной купе в поезде Москва — Берлин, тронулись в путь. Если считать, что были сыты и «подпиты», путешествие начиналось хорошо. В Берлине должны были встречать: языка-то по-настоящему мы не знали. Но... нас никто не встретил. По извечной российской расхлябанности кто-то что-то перепутал. Было десять вечера по местному времени 31 декабря. Все торопились домой. Вспомнив слова, заученные когда-то в суворовском, стали спрашивать, как добраться до Кепеника, пригорода Берлина, где находился штаб наших внутренних войск. Немцы очень доброжелательно пытались нас понять, а поняв, предложили сесть в электричку. Электричка была кольцевая. Денег немецких не было. Сели без билетов. При входе в электричку билеты не проверяли. Потом, когда уже ехали, прошел контролер. На пальцах объяснили, что нет немецких денег. Он улыбнулся и пошел дальше. Ехали минут двадцать до нужной остановки, пересели в трамвай. Меня потрясло, что на столбе висело поминутное расписание трамвайного движения. В Москве и духу такого не было. Кондуктор, поняв, что денег у нас нет, не сказала ни слова. Ехали еще минут десять. Остановка, куда держали путь, была рядом. Недовольный, заспанный старший лейтенант вышел навстречу. Спросил, как добрались, потому как за нами вроде бы выслали машину. Услыхав, что на электричке, даже побледнел: оказывается, сколько-то минут мы ехали через Западный Берлин, а это было «ужаснейшим» преступлением, хотя разделяющей город стены еще не было. Приказал: никому ни слова... Первый вопрос: есть ли жратва, потому что в столовой уже все накрыто для банкета и нас туда не пустят. Мы сказали, что насчет еды беспокоиться не следует и, собравшись в одной из пяти отведенных комнаток, выпили в полночь оставшееся, закусив чем бог послал.

Комнатки были на двоих, и впервые в жизни увидел я низкие деревянные кровати, застланные белоснежным накрахмаленным бельем. Хотя обстановка была самой обычной, нам, знавшим — сами понимаете что, — все показалось шиком. Укрывшись пышной немецкой периной, всунутой в накрахмаленный конверт, уснул так, как засыпают в сказке...

Колокольный звон разбудил поутру. Приняв душ, который был при каждой комнатке, направились в офицерскую столовую, в которую вчера не пустили. И тут следующее потрясение: столы были застелены белоснежными скатертями. Около каждого прибора уже стояла закуска. Немки-официантки, неплохо что-то лопоча по-русски, обслуживали быстро и обходительно. После завтрака дежурный сказал, что придется два дня потерпеть, так как первого и второго никто с нами заниматься не станет: все отдыхают. Спрашивается, зачем нужно было отправлять из Москвы тридцатого? Очередной советский идиотизм. Мы приуныли: денег-то немецких не было. Поняв нашу печаль, дежурный отстегнул из личных пятьдесят марок: по пять марок на душу. Конечно, с возвратом.

Кепеник был совсем неразбитым микрорайоном Берлина, да и к пятьдесят третьему немцы уже залатали главные дыры. Погода была как на заказ, а вот денег — мало. Чтобы не «жали» карман, решили тут же спустить, в ближайшем кафе: по бокалу пива с легкой закуской. Походив еще немного, вернулись: без денег какая прогулка?..

Надо сказать, два дня пролетели быстро. Уже третьего утром явился кадровик. Своей волей распределил по точкам. Нам с Володей Зуевым досталась самая южная — высоко в горах. Там стоял 157-й полк внутренних войск.

Получив проездные документы, деньги и объяснение, как ехать, тут же отбыли в нужном направлении. Скакали как зайцы: у немцев мало поездов прямого назначения. Пришлось сделать четыре или пять пересадок. Только после этого оказались в красивейшем городке Ауэрбахе, который был расположен в долине, а вокруг — Рудные годы. В Ауэрбахе находился штаб полка, но в штабе, конечно, нас не оставили, а отправили в один из батальонов, расположенный в горах.

В те годы существовало советско-германское акционерное общество «Висмут», занимавшееся добычей и обогащением урана. На объектах работали немцы-шахтеры, в основном из тех, кто прошел русский плен. Почему

они? Да потому, что на бытовом уровне знали русский, считались проверенными и более лояльными к нашей стране. Платили им по тому времени очень хорошо. Попасть на работу в «Висмут» было не так-то просто — строгий отбор. Но когда после восьми часов работы они подымались наверх, на них было страшно смотреть. Однако деньги немцы любили.

На уровне среднего и высшего технического персонала немцы и русские трудились совместно. Привлекались и наши солдатики из инженерно-технических войск. Их ставили небольшими начальниками. До войны в этих горах добывали бурый уголь, но во время войны среди угля нашли и уран. Американцы в какой-то момент отказались от этой территории, а потом, конечно, кусали локти, но было поздно. В пятьдесят третьем — пятьдесят четвертом в ГДР и ФРГ армии еще не было. Была полиция всех мастей: криминальная, охранная, пограничная. Наш полк стоял на границе с Чехословакией. Его задачей была охрана предприятий «Висмута». Мы не вмешивались ни в какие полицейские дела, они — в наши. Но... бывали случаи, когда на своих мотоциклах с колясками они привозили и вываливали у проходных наших пьяных солдатиков, ушедших в самовольную отлучку.

А в общем, жили с немцами дружно, крепили «фройндшафт», и вот сейчас передо мной фотография, на которой я в рукопожатии осуществляю этот «фройндшафт». Насколько было искренне со стороны немцев — не знаю, но внешне все было пристойно. Однако не всегда гладко проходило празднование «фройндшафта». Вспоминается такой случай.

Высоко в горах, у самой шахты, немцы построили новехонький, с иголочки, клуб. На торжество открытия были приглашены несколько человек из нашей части. С утра нагладившись, начистившись, намывшись, в полдень сели за длинный стол, на немецкий лад уставленный шнапсом, пивом, тарелками с бутербродами. Через полчаса начал замечать, что солдатики — один за одним — исчезают из-за стола. Почуяв неладное, выскочил на улицу. Ужасу моему не было предела: многоголовый темно-зеленый спрут бился в яростной кровавой драке. Сержанты и солдаты, опьянев, выясняли отношения. Разнять их было невозможно. Тут же позвонил и вызвал подмогу из гарнизона. Еще харкающих кровавой пеной, их покидали в машину. На белоснежном горном снегу осталась огромная лужа крови. Слава богу, что не немецкой: не сносить бы мне головы. Почему, откуда взялось такое озверение? Почему так яростно драли они друг друга?

Надо сказать, бывало, когда наши пьяные солдаты грабили немецкие магазинчики, но и тогда немцы не очень возникали, а наше начальство все «полюбовно» улаживало. Часто думаю, почему солдаты так поступали? Что толкало их на это? Ведь были сыты, одеты, обуты. Алкоголь? Нет. Не только.

Когда-то Герцен, сравнивая Россию с Европой, писал, что в нашей жизни в самом деле есть что-то безумное. Прошло полтора столетия, но можно констатировать, что именно безумие захватывает все новые и новые социальные институты, и мы уже перещеголяли Европу, если иметь в виду уровень коррупции и отсутствие всякой идейности. Взамен, не утратив безумия, получили некое подобие прагматизма, которое так отвращало лучших русских мыслителей. Мы потеряли душу. Что имею в виду? Под этим понимаю то, благодаря чему живет одушевленное тело. Душа есть не что иное, как наша способность ощущать, и все наши идеи воспринимаются через чувства. Душа — не есть ум. Ум — продукт души. Я не придаю никакого религиозного смысла этому слову. Оно для меня — символ психического равновесия.

Мы потеряли не только душу, но и совесть. Совесть — это закон, живущий в нас. Совесть есть собственно применение наших поступков к этому закону. Совесть — свет, говорящий нам, что хорошо, а что дурно.

Мы потеряли сострадание, то есть способность увидеть в чужих несчастьях свои собственные, предчувствие бедствий, которые могут постигнуть и нас. А самое главное — почти потеряли нравственность, которая черпает свои начала в разуме, любви к общему благу. Для нравственного человека его благо всегда совпадает с благом других. У нас с человеком творится что-то очень неладное. Когда тело покидает душа, оно разлагается. Подобно этому растлевается общество, когда его покидает нравственность. Современное мировое сообщество религиозно как никогда, а войны и кровопролития все увеличиваются. Все жестокости мира только возрастают. Ни образование, ни «генная инженерия» не помогают. Так в чем же спасение? Думаю, в искреннем раскаянии, ибо раскаяние — это еще и отчаяние. Раскаяние переживается с огромным психологическим напряжением. Не зря же говорится, что раскаяние находится возле трона Всевышнего.

Современный человек кричит, что он желает быть свободным. Но что такое свобода? Что хочу, то ворочу? Нет! Свобода — это когда существует выбор между добром и злом, но при этом и ответственность за свой выбор. Вчера был выпускной бал в школах города. Случайно попал на Поклонную гору. Было около

шести вечера. Стали подкатывать кавалькады лимузинов и старенькие автобусы. Отовсюду выходили пьяные дети. На девушках длинные платья с декольте, вечерние прически. А взгляд — пьяный, осоловелый. Господи! Куда катимся?..

* * *

Место, где была первая точка службы в Германии, немцы называли «Клейн Сибирь». По сравнению с долиной, с Ауэрбахом, — очень холодное, но красота неописуемая. Рабочих к шахтам привозили в автобусах. У всех с собой были железные коробки, в которых лежали бутерброды, а водой-газировкой и кофе обеспечивала шахта. Вода, кофе были «проуранены», потому когда шли немцы с работы через проходную, часто начинала срабатывать сигнализация на жидкость, находящуюся в их желудках и кишках. Но кто на это обращал внимание. Какая там экология!.. Платили хорошо — вот и все.

Работали по восемь часов, в три смены, и труд был не столько тяжел, сколько вреден. Были случаи, когда немцы-рабочие пытались вынести маленькие мешочки обогащенной руды. Для чего? Для шпионажа. Кто-то им заказывал, чтобы точно удостовериться, что здесь добывают уран, и установить его качество. За деньги шли и на это.

Кроме высокой зарплаты, рабочим давали талоны, по которым за копейки можно было приобрести нужные товары. В качестве курева нам выдавали махорку, и немцы были страшно довольны, когда солдаты меняли махру на талоны. Их, немецкие, сигареты были дрянными.

Что делали с рудой? Отвозили на обогатительную фабрику, которая находилась внизу, в долине. В цеха фабрики нас, охраняющих, уже не пускали. Там работали немцы, имевшие спецдопуск, и наши солдаты-чернопогонники из инженерно-технических войск. Все было страшно засекречено: иностранные разведки, конечно же, интересовались этими объектами. Если солдат из охраны задерживал немца, несшего в мешочке руду, ему полагался в качестве поощрения десятидневный отпуск на родину.

Процент урана в руде был невелик: в грузовике, вывозившем руду, бывало, наверное, два-три грамма урана. Обогащенную руду для дальнейшей обработки отправляли на Урал.

Удивляло нас при общении и такое: если немец давал своему товарищу закурить, берущий сигарету клал в портсигар приятеля десять пфеннигов. Разве среди наших это было возможно?

К моменту моего приезда в Германию прошло почти девять лет с окончания войны. Наши города тогда стояли еще в руинах, жили трудно и очень бедно, а немцы, хоть и не шиковали, но были сыты и очень прилично одеты. В магазинах было все. Никто по блату ничего не доставал. За все время не видел ни одного пьяного, валявшегося на улице, а уж дома их, даже сельские, казались дворцами по сравнению с нашими хибарами. Это видели не только мы, офицеры, но и наши солдаты. И они не могли не спрашивать себя и друг друга: почему? Солдаты тоже понимали, что есть на то причина, но — боже упаси! — говорить вслух... А на политзанятиях я вещал, что мы самые-самые...

Всю правду о Великой Отечественной тогда еще не знали, да и теперь не знаем до конца. Из прочитанного да из реальной жизни понял, что не Сталин и не полководцы привели к Победе. Победили простые солдаты ценой своей жизни. Именно жизнь солдат была разменной монетой в расплате за неудачи, отсутствие военной техники и оружия, за слабоумие начальников и старших командиров.

Солдат в Отечественной предали дважды, а может, и трижды. Сначала их не вооружили, но постоянно убаюкивали: «Броня крепка и танки наши быстры». Потом скрывали, что «завтра война», а тех, кто допытывался, отправляли в места не столь отдаленные. Когда же война случилась, обезглавленная армия начала расползаться по швам. И опять же простой солдат не знал, что делается впереди, где фронт, где фашистский десант. Шел в никуда, брел в неизвестность, потому что его приучили к мысли, что есть мудрейший из мудрых, который знает, куда надо идти, а ему, простому солдату, надо только кричать «ура!» и убить себя, но не сдаться в плен.

Теперь у нас ностальгия по войне, и нам кажется, что все было сделано правильно и хорошо. И мы плохо помним о миллионах тех, кто расплатился за глупость и недальновидность руководителей. Но на войне ярко проявилась людская честность и чистота, которой теперь почти не осталось, и вот, может, сами того не понимая, ностальгируем прежде всего по этой порядочности.

Мы редко задаем себе вопрос, кто мы и что собой представляем. Видимо, у общества нет потребности задумываться о собственных персонах. Мы все еще живем политическими и экономическими заклинаниями, и сегодня нам уже нужны не деятели, а дельцы. Между тем народ — это не только поколение, что живет сегодня. Это череда поколений, которые хранят живую культурную традицию. Но нынешнее население в значительной степени выбито из этой традиции. Мы в основном спим, а общество — инертно.

Устал тот ветер, что листал
Страницы мировой истории,
Какой-то перерыв настал,
Словно антракт в консерватории.
Мелодий нет. Гармоний — нет.
Все устремляются в буфет.

Мы плохо воспринимаем то, что делает власть, и только относительно узкий круг политиков и средств массовой информации пытаются как-то осмыслить происходящее. Однако осмысление гаснет в вязком вакууме. Так бывает со спящим человеком. Проснувшись, он пойдет туда, куда толкнет его ситуация.

Если правители запрещают думать, если «думание» ничего не дает, люди предаются лени и водке. Они отвыкают размышлять, их внимание трудно сосредоточить на серьезном, значимом, позитивном. Так рождается невежество. История говорит, что заблуждение иногда может быть временно и полезно, но потом оно всегда становится источником величайших бед. Сокрытие истины всегда чревато катаклизмами.

Несчастье людей обычно проистекает от несовершенства законов, от слишком неравномерного распределения богатств. В большинстве государств — и Россия здесь не исключение — существуют только два класса граждан: один — лишенный самого необходимого, другой — пресыщенный излишествами. Второй класс живет в изобилии, но зато изнывает от скуки, а скука — такое страшное зло, что толкает к всевозможным порокам. Пороки всегда рождаются среди верхушки, а потом перекочевывают вниз. И другая беда постигла нас: мы упали духом. Народ, упавший духом, говорит себе, как осел в басне: кто бы не был моим хозяином, моя ноша останется столь же тяжелой. Раб равнодушен к общественному благу. Он лишается активности, энергии, у него притупляются ум и талант. Рабские руки не способны обрабатывать и оплодотворять землю.

Сейчас церковники кричат, что все пойдет на лад, если все объединятся вокруг Церкви и станут православными. Господи! Какой же бред... А куда деваться другим, особенно мусульманам, которых в стране больше двадцати миллионов?

Все, кто не видит реального дела для России, говорят, что виноваты в этом малочисленные народы. Они мешают русским жить и развиваться. Разве это так? Работая с молодежью, вижу, как умные молодые головы понимают, что корень зла не в этом. Они понимают, что мы — по сравнению с другими — не дотягиваем из-за лени и пьянства, и им за это стыдно. Все дело в том, что не умеем, не хотим решать главные, самые важные для страны задачи. Не умея, не желая решать главное, начинаем копаться в том, кто более православный...

* * *

Не могу сказать, что нам так уж нравилась немецкая экономность, когда самый малый пацан в кожаных коротких штанах, доставшихся от деда, выпрашивал у нас пфенниги не потому, что был голоден, а потому, что уже имел сберкнижку и клал деньги, копя на что-то, что хотел купить. Вот с такими пацанами приключился у меня однажды неприятный случай. Я шел по лесной опушке, возвращаясь в часть из деревни, и вдруг собака, немецкая овчарка, что шла без поводка с тремя мальчишками лет восьми-десяти, бросилась на меня. Я мгновенно выхватил пистолет. «Герр официр! Герр официр! — с отчаянием и слезами закричали пацаны. — Нихт шиссен, нихт шиссен!..» Им втроем удалось ухватить кобеля за ошейник. Вздернутый, стал быстро удаляться, а вслед все еще слышал: «Данке шен, данке шен...»

За время службы в Германии все-таки схлопотал взыскание. Послали в близкую командировку вниз, в долину. Уезжая, отдал необходимые распоряжения. Все, кто должен был нести службу, оставались на местах. Но двое старослужащих, поняв, что меня часов пять не будет, отправились в деревню, где был ресторанчик. Потребовав налить шнапсу, вольготно расселись за стойкой. Выпили. Потребовали еще. Хозяин налил. А когда заявили о своем желании в третий раз, трактирщик отказал, сказав, что хватит, довольно, и так хорошо пьяны. Мои подопечные взвились: какой-то немчуришка будет указывать им, советским солдатам, сколько пить. Выхватив пистолеты — они были при оружии, так как стояли на вахте, — начали стрелять в потолок. Немец завопил: наверху, на втором этаже, находилась его семья. Вызванные полицейские, скрутив голубчиков, кинули их в мотоциклетную коляску и, проехав полтора километра, вывалили у проходной шахты.

Узнал о случившемся, когда вернулся. Примчался командир батальона. Солдат заперли на сутки в холодном сарае. На меня наложили десятидневный домашний арест, хотя был ли в чем я виноват? Был. В недостаточном воспитании этих дураков, с которыми всегда обходился по-человечески. В ближайшие дни меня должны были переводить из кандидатов в члены партии. Все застопорилось, и только через какое-то время, понимая отсутствие прямой вины, выдали партбилет. Старый человек поймет, что значило в пятьдесят шестом году оказаться быть выгнанным из партии...

В пятьдесят пятом в Западной и Восточной Германии проводился общий референдум:

выводить или нет иностранные войска с немецкой территории. ГДР держала курс на вывод войск с обеих территорий, но в Лангенфельде, где была обогатительная фабрика и куда ездили мы каждый день за свежим хлебом, булочник-частник однажды сказал, что он против вывода войск. Я спросил, почему. Объяснение было простым и банальным: вывод войск означал крах его бизнеса...

Служба в Германии, конечно же, «обогатила» меня: я, не имевший до того никакой гражданской одежды, стал обладателем трех шикарных костюмов. Все шил на заказ. А уж рубах купил штук десять. Моя зарплата вполне позволяла. Тысяча рублей — тогда это были очень приличные деньги — шла советскими деньгами в Москве на сберкнижку. А здесь платили марками. И если бы меньше тратил на шнапс, мог бы заиметь не три, а шесть костюмов. Но я не жадный, а главное — мама Надя перестала нуждаться.

Почти все офицеры в гарнизоне жили семьями. Я и еще два-три офицера были холостяками. Оттягивались мы — будь здоров! Конечно, во внеслужебное время. Но марки уходили. А вот жены семейных офицеров забирали у них всю зарплату и покупали, покупали тряпки, которые потом в Союзе перепродавали втридорога. Мне это было очень противно. Своим родным я привозил просто подарки.

В пятьдесят шестом командировали в Броды Львовской области на приемку и обучение молодых солдат. Солдатики были набраны со всего Союза. Особенно темными были почему-то западные белорусы — из глубинных деревень. Не хочу никого обидеть, но солдатики никогда не видели макарон. Макароны были толстые, с дырочкой внутри. Солдаты пошустрее и сержанты заставляли новобранцев, дежуривших на кухне, продувать эти серые палочки или посылали их в котельную за паром, который надо бы принести в ведре... Но на этом вся дедовщина кончалась.

Летом пятьдесят шестого было принято решение о сокращении наших войск в ГДР. Сокращение коснулось прежде всего охранных частей. Свои полномочия передали немецкой полиции. Нас погрузили в вагоны и... «нах хаузе», то есть вначале во Львов, а потом кого куда. Поскольку был москвичом, мой путь лежал в Первопрестольную.

* * *

Наверное, нет мыслящего человека, кто бы не задумывался о любви, то есть о том, что она значит. Трудно дать определение этому чувству. О любви лишь можно сказать, что для души — это жажда властвовать, для ума — внутреннее сродство, для тела — скрытое и утонченное желание обладать. Иногда любовью именуем несколько коротеньких безумств, а браком бывает глупость, которая кладет конец этим безумствам. Любовь — не животное угадывание друг друга. Любовь, по-моему, прежде всего сострадание. Это факел, освещающий путь в высоту.

Любовь одна, а подделок под нее тысячи, но если не знаешь покоя из-за предмета своих воздыханий, если перестаешь жить из-за страха его потерять, наверное, это и есть любовь. Как настоящая дружба не знает зависти, так настоящая любовь не знает кокетства. И счастье любви заключается в том, чтобы любить. Люди гораздо счастливее, когда сами испытывают страсть, чем когда ее внушают. И вообще истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто видел...

Но вот люди перестают любить друг друга. Часто это бывает предательством, у которого могут быть разные причины. Предательство совершается иногда не по обдуманному намерению, а по слабости характера. Если же все-таки произошел этот раскол, думаю, не надо идти на жертвы. Когда люди начинают ненавидеть друг друга, зачем заставлять их жить вместе? И тот, кого разлюбили, наверное, сам виноват, что вовремя этого не заметил.

Бывает такая любовь, которая в высшем своем проявлении не оставляет места для ревности, но ревность существует столько, сколько существует человек. Ее терзания — самые мучительные из терзаний, к тому же менее всего внушающие сочувствие тому, кто их причиняет. Ревность питается сомнениями, и она умирает или переходит в неистовство, как только сомнения переходят в уверенность. Но пока люди любят, они все прощают. И порою легче стерпеть обман того, кого любишь, чем услышать от него всю правду. В ревности больше себялюбия, чем любви.

А вообще в женщине — все загадка. Разгадка одна — беременность. Мужчина для женщины — средство. Ее цель — почти всегда ребенок. Женщина лучше понимает детей, а детского в мужчине много. В настоящем мужчине всегда сокрыто дитя, которое хочет играть. Двух вещей всегда желает мужчина: опасности и игры, а потому женщина нужна мужчине как самая опасная из игрушек. Счастье мужчины — «Я хочу...» Счастье женщины — «Он хочет...»

Порядочная женщина — скрытое от всех сокровище, и, найдя его, мужчина не станет хвастаться. А добродетель женщины состоит в уважении к самой себе, в целомудрии. Публичная невоздержанность — верх

испорченности, но она никогда не бывает национальным пороком. Девушка или женщина, имеющая любовника, далека от того, чтобы считаться погибшей, если руководствуется любовью и неподдельной нежностью. Испорченной женщину можно считать лишь тогда, когда у нее на уме меркантильные интересы.

Не согласен с тем, что женщины — кошки или коровы. Так, как умеет любить женщина, не умеет мужчина. В любви женщины есть и внезапность, и молния, и тьма рядом со светом. А преданность?.. А изящество, которое для тела то же, что здравый смысл для ума.

Ненавижу и презираю похотливые отношения, похоть. Именно ее считаю источником всех преступлений.

На свете немало женщин, у которых в жизни не было ни одной любовной связи. Но очень мало таких, у которых была бы только одна. Однако это не делает их менее желанными.

Так... Опять расфилософствовался. А каковы же реальные отношения наших современников? Думаю, наши мужики любят прежде всего женщин, умеющих сопереживать. Женщина должна уметь все простить, все понять. Любят красивых, с хорошей фигурой, умных. Но за последнее время женщины, как мне кажется, здорово изменились: они любят теперь прежде всего толстый кошелек, а уж потом все остальное.

Я уезжал из Германии с не совсем спокойным сердцем. В обществе «Висмут» работала русская женщина, чуть старше меня, с которой стали близки. У меня это была первая женщина. До того мой любовный опыт был коротеньким, не оставившим никакого впечатления, хотя... вру. Была девочка Ася — на самом деле ее звали Татьяна, — с которой даже целовался...

Между Германией и Калининградом три месяца прослужил в Сокольниках. В чем заключалась работа? В конвоировании заключенных — уголовников и политических — по железнодорожным путям от вагонов до специальных автомашин и обратно. Политических после пятьдесят третьего года стало не так уж много. Колонну заключенных конвой, а это было десять-двенадцать человек, окружали с автоматами со всех четырех сторон. Нам были приданы собаки, натасканные на запах селедки. Не случайно при перевозке заключенных их предварительно кормили селедкой. Были ли эксцессы? Были. Приходилось и стрелять, но в воздух. Убивать — нет!.. Если бы кого-то убили, меня бы самого арестовали. Тогда это было так.

Удовлетворяла ли работа? Смешно... Думающего и читающего разве могло это удовлетворить? Конечно, стал соображать, что делать дальше. Стал проситься на учебу в военную академию, но, не имея никакой мохнатой лапы, конечно, получил отказ. И тут произошли два события, которые начисто изменили жизнь: во-первых, началась хрущевская демобилизация из армии — тогда уволили миллион двести тысяч, во-вторых — женился.

Я женился на девушке Дине. Это произошло в ноябре пятьдесят шестого, и живем мы по сей день. Наше знакомство произошло еще до войны — в тридцать шестом: Дине было четыре, а мне три года. Наши родители были хорошими знакомыми, и мы встретились с ней под столом, за которым взрослые пили чай. Оба потянулись к огромному рыжему коту Лису. Лис фырчал, зыркая зелеными глазищами. Дина сказала: «Давай играть». Я ответил: «Не хотю». Это «не хотю» говорю до сих пор, потому как упрям, капризен, а теперь еще и ворчлив. Но «играем» вот уже шестьдесят лет...

Второй раз встретились с Диной уже в сорок восьмом: летом она приехала на несколько дней в Москву. Это была изящная, загорелая под казахстанским солнцем девушка с большими серо-голубыми глазами и очень длинными толстыми косами. Ямочки на щеках и локтях очень ее украшали. У Дины была непростая судьба. В сорок первом ее, мать и отца — уже началась война — сослали из Саратова, где они тогда жили, в Северный Казахстан только за то, что в паспорте отца в графе «Национальность» стояло слово «немец». Немцем отец не был. Он был поляком с немецкой фамилией. Исправить ошибку вовремя не подсуетился, а когда началась война, это аукнулось. Почти пятнадцать лет они должны были считать себя преступниками, хотя преступление заключалось в единственном слове, означающем национальность.

Дине было девятнадцать лет, когда ее тоже заставили подписать типографскую бумажку, где значилось, что если она, такая-то, пересечет границу города, ей грозит каторга сроком тридцать лет. После двух дней в кутузке Дину отпустили. Результат — температура под сорок и... трясучка. Тело ходило ходуном. Эта трясучка мучает до сих пор, если расстроится.

Подписав такую бумагу, Дина решила, что жизнь кончена, но и среди эмгэбэшников были порядочные люди: майор Виноградов добился, чтобы ее отпустили продолжить учебу, однако отныне — это случилось летом пятидесятого года — она должна была каждые десять дней являться в спецкомендатуру, чтобы подтверждать, что не сбежала, не сдохла, не предала власть... Продолжалось это до января пятьдесят пятого. Но, слава богу, Дина окон-

чила университет. Кроме «общественной» драмы, она пережила тогда и личную: парень, который вроде бы любил ее и которого любила она, предал.

В ноябре пятьдесят шестого Дина с матерью жили уже в Калининграде — Кенигсберге. Переехали в этот город к родным после скоропостижной смерти отца. Матери ее — врачу-рентгенологу — дали квартиру в старом немецком доме. У обеих была работа. Мы встретились с Диной в Москве, когда они переезжали в Калининград. Я сделал предложение. Оно было принято. На октябрьские праздники Дина приехала в Москву, и в холодный метельный день двенадцатого ноября зарегистрировались. Регистрировала в полуподвале тетенька явно за пятьдесят с беломориной в углу рта. В этот же день Дина уехала в Калининград.

Почему пошел на такой шаг? Прежде всего, потому, что понял, что человек этот меня никогда не предаст. Больше всего на свете ненавижу вранье и предательство. Когда человек лжет, изворачивается, говорит вздор, он перестает для меня существовать, а ведь в семейных отношениях так бывает часто. Не смог бы жить во лжи. И на работе никогда не врал. За шестьдесят лет мы не предали друг друга ни разу. Во-вторых, решил уехать из Москвы: перевестись или демобилизоваться. С переводом ничего не вышло, и тогда пошел в санчасть к врачу и честно признался в своих намерениях. Без всяких подарков и денег врач поняла. Гастрит был у меня всегда. Тут нашли еще и язву желудка. Со строкой в военном билете «ограниченно годен» явился в феврале пятьдесят седьмого в Калининград на ПМЖ.

Продолжение следует.

г. Москва

Софья АГАЧЕР

Зовут меня Елена Клименкова, пишу под литературным псевдонимом Софья Агачер. Родилась в 1961 году в Белоруссии. Окончила Минский медицинский институт, аспирантуру Первого Медицинского института в Москве, где и защитила диссертацию по специальности «анестезиология и реаниматология».

Довольно неожиданно для себя три года тому назад я начинаю писать короткие рассказы, эссе, очерки и путевые заметки. Открываю страничку под псевдонимом Софья Агачер — и оказывается, что мое творчество интересно людям. Сейчас мой блог «Будущее в прошедшем» (http://sofia-agacher.livejournal.com) читают сотни человек в день. Но процесс развития остановить нельзя, и у меня появилось робкое желание показать некоторые из своих работ редакции вашего журнала.

Ваш журнал я читаю уже сорок лет, его страницы стали для меня родными и близкими, поэтому, помолившись Богу и попросив помощи у ангела-хранителя, я хочу представить вашему вниманию несколько своих коротких рассказов и буду бесконечно счастлива, если вы найдете возможность опубликовать их на страницах журнала.

Зависть Богов

Ольга вернулась в родительский дом, потеряв все. Ни семьи, ни мужа, ни денег, ни собственного гнезда, ни доброго имени, ни паспорта, а только справка об освобождении, да в память о психушке Бутырского централа перемолотое тело. Теперь она получила настоящее право жить в доме, где прошло ее детство, среди этих людей.

Здание было построено во времена нэпа для проживания семей

Рисунок Кристины Радовой

высшего командного состава НКВД. Добротное, шестиэтажное, с большими окнами и широкими лестницами, спрятанное за высокой решетчатой оградой и большими деревьями.

Из этого дома в лагерях и тюрьмах побывали практически все жильцы: мужчины, женщины и даже дети в специальных детских домах под другими именами и фамилиями. Большие квартиры превращались в коммунальные. К чудом оставшимся в живых родственникам репрессированных подселялись семьи их палачей и доносчиков. Теперь они вместе ели, спали, праздновали Великий Октябрь и Первое Мая, по ночам ожидая арестов.

Ольга родилась здесь уже после войны, в то время, когда вернувшиеся с фронта и чудом уцелевшие люди хотели жить и рожать детей. Отец ее был военным врачом и уже позднее, в пятидесятые, попал в лагерь. После чего мать с ним разошлась и благодаря этому сохранила две комнаты в коммунальной квартире и московскую прописку.

Ольга, с трудом переставляя ноги, вдруг ставшие такими тяжелыми, подошла к решетке забора и увидела сквозь нее, на скамейке, у подъезда дома, свою такую маленькую и беспомощную, совсем седую старенькую маму. Старушка сидела одна, сложив руки на коленях, смотрела в небо и ждала, как могут бесконечно ждать только матери своих пропавших детей. Звериная ненависть сжала Ольгино сердце, и все ее с таким трудом намоленное прощение врагов рассыпалось в прах. Если бы она могла искупить горе своей матери их кровью, она бы, не задумываясь, как волчица, рвала бы их глотки, но, увы, это не может принести облегчения ни ей, ни ее маме. «Так, главное, не завыть, не завыть и не испугать маму, — подумала Ольга. — Господи помилуй, Господи помилуй и помоги», — начала она привычно молиться, стараясь унять волнение.

Женщина распахнула скрипучую калитку и закашляла, привлекая к себе внимание старушки, которая тут же повернула голову на звук и осторожно встала, опираясь на палку. Ольга подбежала к матери, подхватила ее и прижала к себе как маленькую девочку. За это время из подъезда дома никто не вышел и в калитку двора никто не вошел, ни одна занавеска на окне не отдернулась и не скрипнула ни одна балконная дверь. Здесь знали цену этой встречи.

Женщины поднялись на второй этаж, молча зашли в квартиру, а потом в комнату, где посередине стоял круглый стол, застеленный белоснежной накрахмаленной скатертью и накрытый на двоих.

— А откуда, мамочка, ты знала, что сегодня я вернусь? — спросила удивленно Ольга.

— Все эти четыре года, доченька, каждый день я ждала тебя у подъезда и накрывала стол для встречи. Сегодня у нас твои любимые пироги с капустой. Ты дома, родная! Все теперь будет хорошо, — сказала, счастливо улыбаясь, Ксения Андреевна.

Ольга, вымывшись и наевшись пирогов, свернулась калачиком на диване и уткнулась в материнские колени. Сколько раз она представляла это там, за чертой, как будто стараясь материализовать свою мечту и приблизить эту встречу. Тепло матери окутало ее, согрело и усыпило. И ей снилось, что она стоит посреди тюремной камеры и видит открытую дверь; выходит в нее — а там много-много людей, одетых в военную форму. Они тянут к ней руки, а она взлетает и летит над морем, а потом падает в воду, но не тонет, а видит лодку, плывущую перед ней и показывающую дорогу.

Она проснулась ближе к вечеру и увидела маму, та стояла перед иконой святой блаженной Матроны Московской и благодарила ее за возвращение дочери. Иконка была маленькой, бумажной, но намоленной. Ксения Андреевна знала Матронушку лично и ездила к ней еще в Сходню, после ареста мужа, просить помощи блаженной в молитве о его спасении.

«Так вот кто свершил чудо моего освобождения на суде после

четырех лет тюрьмы — Матрона Московская, по молитвам моей матери», — мелькнула мысль, как осознание глубинных основ жизни, в мозгу Ольги.

— Знаешь, мамочка, после долгого четырехлетнего суда, когда прокурор запросил мне тринадцать лет и помощи ждать было совсем неоткуда, мне приснился сон. Как будто лечу я на полосатом тюремном матрасе по коридору, хорошо так лечу, легко, вверх, вниз, и вдруг сворачиваю в боковой коридор, а там женщина стоит слепая, в белом платочке, подняла она правую руку и остановила меня на моем полосатом матрасе. А через несколько месяцев в городском суде меня практически выпустили на свободу. Пробыла я в колонии после решения горсуда только сорок дней. Привезли наш этап туда в пасхальную ночь. Обняла я цветущую грушу и поняла — живу!!! Заработала я в колонии пятьдесят два рубля, самые дорогие деньги в моей жизни. Завтра пойду в женский Покровский монастырь, поклонюсь мощам Матроны Московской, положу в денежный ящик возле ее раки эти деньги. Спасибо, тебе, мамочка, отмолила ты меня у Матронушки, а она, в свою очередь, испросила прощения моих грехов у Господа. Пойду, я, мама, во двор спущусь, подышу немного, — закончила Ольга такой трудный разговор с матерью.

Когда она вышла на крыльцо, свобода, воздух, солнце и счастье накрыли ее с головою, как накрывает океанская волна, сильная и беспощадная. Краски окружающего мира были настолько яркими и живыми, что у Ольги пошла кругом голова, и она присела на скамейку рядом с соседкой, седенькой, махонькой старушкой, быстро вязавшей на коклюшках кружева. Ритмичный стук деревянных палочек неожиданно успокоил ее и расслабил.

Рисунок Кристины Радовой

— Добрый день, Валентина Федоровна, — приветливо произнесла Ольга.

— Здравствуй, Зависть Богов, с возвращением тебя, — ответила соседка, не переставая быстро двигать пальцами.

— А почему — Зависть Богов? — удивилась Ольга и блаженно подставила лицо солнцу.

— Да это осталось у меня после ареста первого мужа. Ты теперь одна из нас, так что если время есть, расскажу, сейчас ты уже сможешь меня понять.

Помню, дня за три до того, как за мужем пришли, снится мне сон. Сидит на белом кожаном диване покойная жена Хозяина, Надежда Аллилуева, молодая, холеная, и говорит мне: «Ну что, Зависть Богов, налеталась? Пойдем!»А я стою перед ней голая и с прозрачными крылышками за спиной, как из слюды. Крылышки тоненькие такие, дрожат, холодно мне, мороз по коже.

С мужем после его ареста, как положено было в то время, я разошлась. Пыталась избежать участи жены изменника Родины и детей сохранить. Через месяц в мою квартиру приезжает конвой и забирает меня с детьми на Лубянку. Сижу я в коридоре у кабинета следователя с Петенькой и Анюткой, боюсь страшно, рези в животе, в туалет хочется. А тут идет женщина немолодая, приятная, улыбается. Подсела ко мне и говорит так ласково, глядя мне прямо в глаза:

— Замучилась, милая, в туалет хочешь? Иди, я с детьми посижу, не волнуйся!

Не было меня минут пять. Прибегаю обратно, а никого нет: ни женщины, ни детей. Вбегаю в кабинет к следователю, кричу, что у меня дети пропали, а он психиатрическую бригаду вызвал, скрутили они меня и увезли на Канатчикову дачу. Вернулась сюда, в этот дом, через полгода, а в моей квартире уже другие люди живут. И знаешь, хорошие люди попались, часть моей одежды в маленькую комнатку, что была у входа в квартиру, сложили, прописали меня в ней, а потом и оформили. Всю жизнь за них молюсь. Если бы они меня тогда не пожалели, пропала бы я. А детей сколько ни искала, так и не нашла.

Так что зависть богов — это плата за то, что мне было много дано: красота, ум, удача, любовь,

семья, дети, деньги, опять же Москва проклятая.

Потом война началась, горе огромное стало одно на всех, и мне полегчало, выжила. Замуж второй раз вышла. К мужу переехала в Лужники. В комнате моей в этом доме крестная осталась, много лет она здесь подъезды мыла.

Опять дом — полная чаша, перышки почистила, на всех свысока смотрю. Думаю, что Бога за бороду ухватила. Мне бы, дуре, вспомнить про зависть богов, уйти зигзагом в сторону, как от летящей пули, а я решила, что самая умная и удачливая. Ни у кого не получается, а у меня получится: богов обмануть и судьбу изменить.

В начале шестидесятых второго мужа арестовали вместе со мной по валютному делу. Ему дали пожизненное, мне — десять лет. Опять повезло, не расстреляли. В тюрьме и на зоне многому научилась, себя узнала, людей посмотрела, такими, какие они есть. Это здесь, на воле, у человека есть семья, работа, одежда, дом, деньги, а туда, сама знаешь, ты приходишь голым и беспомощным, как младенец, и многому учишься заново. Семь лет плела кружева на зоне, вернулась сюда к крестной, стала жить опять в этом доме.

Однако на кружевах в Первопрестольной долго не протянешь, с голоду сдохнешь. На работу пойти — старая, больная, да и кто возьмет с моей биографией. Прокаженная.

А в этом доме хорошо. Если бы он мог говорить, то и не такое рассказал бы. Много нас здесь, отсидевших старух, осталось, никому не нужных, бездетных, голодных. Вспомнила уроки зоны, руки-то у меня хорошие, ловкие, вязальщица. Стала карманницей. Не просто это — у человека в полном сознании кошелек из кармана или сумочки достать. Надо смелость и талант актерский иметь. Я такие спектакли, бывало, разыгрывала, Книппер-Чехова позавидовала бы. Кстати, жила здесь, в доме напротив.

Я сыта и подружки мои, старушки домовые, тоже. За карман, как говорят, в моем возрасте больше двушки не дадут. А в зоне пенсионный барак есть, больничка, девчонки блатные молодые, веселые, кормить будут. Это не при Хозяине, на лесоповале-то надрываться.

А ты запомни, милая, ты еще молодая, если наверх опять полетишь и хорошо станет, беги зигзагом от летящей пули, спасайся, меняй пространство. Помни о зависти богов.

Старушка-соседка рассказывала о своей жизни просто, легко, как о давно отболевшем, но Ольга еще долго потом сидела, глядя в никуда и задумавшись. «Права Валентина Федоровна, во всем права, зигзагами надо жить и менять пространство, а как его поменять, если мама совсем старенькая. Значит, надо быть рядом с матерью, сколько ей осталось, она же только для меня и жила, и живет».

— До свидания, баба Валя! Здоровья вам! — сказала Ольга, очнувшись от своих мыслей. Поднялась и пошла к подъезду.

— И тебе не хворать, милая, — ответила старушка, отложив в сторону незаконченное кружево, достала из кармана пакетик с мясом и начала привычно кормить вертевшуюся у ног рыжую кошку.

Сердечко с рожками

Мы давно привыкли устраивать свадьбы большими и многолюдными, когда молодые не знают большинства своих гостей, а некоторых видели всего несколько раз в жизни. На свадебные торжества родители жениха и невесты приглашают нужных людей, коллег, своих и чужих друзей, неблизких родственников — разве можно такое событие отметить без размаха! А о том, что на свадьбе празднуется рождение новой семьи и объединение (как в старину говаривали, породнение) двух сложившихся семей, похоже, все давно позабыли. Но бывают и исключения.

Ольга и Петр — молодые, самостоятельно строящие свою жизнь, сняли огромный дом на берегу залива, пригласили туда близких родственников и устроили свадьбу в народном стиле с караваем, родительским благословением, рушниками и семейными реликвиями. Гости тоже не подкачали: каждый придумал и подготовил особенный подарок: семейный журнал со старыми фотографиями, шутками и пожеланиями, разыгранный костюмированный спектакль из жизни виновников торжества или сценки из репертуара студенческого театра миниатюр времен молодости родителей новобрачных.

Не только по дому — по всей округе разливался неповторимый аромат свежеиспеченного хлеба, созревших августовских яблок и терпких осенних листьев. Казалось, в самом воздухе витал едва уловимый привкус нежности и светлой радости, слива-

ясь с запахами подступающей осени.

Тетки и кузины невесты нарядились в старинные украинские костюмы, сели за прялки и запели мелодичные народные песни, провожая невесту замуж и оплакивая ее девичество, как заведено старинным обрядом. Загорелые, сильные мужчины в расшитых рубахах, широких казацких шароварах с нарядными поясами и настоящими саблями на боку, пришли за молодой. Женщины открыли большой кованый сундук и начали доставать приданое: прабабушкину икону, монисто из серебряных потемневших от времени монет, ленты разноцветные и рушники домотканые с голубями целующимися, плетку витую казацкую — жену уму-разуму учить, склянки темного стекла с бальзамами — мужа от боевых ран лечить.

Десять часов в обстановке старинной казацкой свадьбы с песнями и хороводами, шутками, обрядами, медами хмельными да пирогами печеными пролетели мгновенно. А в конце праздника гостям фильм показали об истории любви молодоженов, снятый по их сценарию, с их же участием.

В фильме том казак молодой решил по свету погулять, силушку показать да ума-разума набраться. Девицу красивую в окне высокого терема увидал и влюбился в нее, но красу ненаглядную змей подлый охранял. Пришлось молодцу биться со злом. Убил он змея, поднял девицу на руки и увез в город большой, что на берегу океана стоит. Казак-молодец с красавицей-женой стали в городе далеком учиться и работать, друг друга поддерживать, беречь да любить. Много в том городе случилось разного: и зелье приворотное подливалось, и подруга-разлучница встретилась, и другие соблазны, да только видели молодые глаза друг друга все время, и сердца их не оглохли и не застыли — певучими и светлыми, как песни детства, остались.

Фильм закончился, свадьба тоже помаленьку затихла, ведь все праздники, как и сказки, непременно заканчиваются, уступая дорогу чуду повседневной жизни.

Приехавшие на торжество родственники остались ночевать в доме, а нам с мужем пора было возвращаться в город. Съемочная группа, придумавшая и поставившая свадебный сценарий, предложила нам присоединиться к ним, благо в их мини-автобусе места хватало, и мы воспользовались приглашением. Было уже поздно, так что добираться нам предстояло чуть не до утра, и в дороге мы разговорились с режиссером фильма-подарка молодым.

— Интересная у вас работа, — сказала я, — необычная. Вы как будто мечты людей материализуете.

— Это вы правильно подметили про мечты. Вообще-то наша компания небольшие фильмы снимает, в основном поздравления-шутки на различные торжества и корпоративы. Заказчики рассказывают сценаристу про свои идеи и пожелания. Он в обычной жизни практикующий психолог, а в нашей компании работает для удовольствия. Научную работу пишет на тему «Влияние реализованного подсознательного на судьбу человека», так что уровень его весьма высок.

Когда мы заканчиваем сценарий, он прорабатывает его детали и согласовывает написанное с заказчиками и режиссером. Сами заказчики в таких фильмах почти не снимаются, если такое и случается, то крайне редко, в основном мы используем компьютерные примочки, маски, грим, мультипликацию, приглашаем актеров.

Воображение и мечта — субстанции хрупкие, глубоко личные, обычно люди о них не трезвонят всему свету... Так, думают потихоньку наедине с собой, а потом все эти прекрасные картины уходят подальше, на задворки подсознания, или в дневниках описываются... Да кто сегодня дневники ведет! А профессиональный актер любую одежку на себя надеть может, он изначально нейтрален, его грим, одежда, характер и поступки — общая задача нашей команды. Психолог говорит, что основные проблемы человека связаны с тем, что он боится своей мечты и собственных поступков и реакций, точнее, их последствий, часто не признаваясь самому себе в этом. Вот он и ждет обычно кого-то, кто сумеет осуществить его мечту. Мир человеческих иллюзий творится чужими руками, и многое в нем происходит вопреки желаемому, неправильно и нелогично, казалось бы... Но дело в том, что жизненные планы и мечтания человека без желания и умения действовать, порой даже вопреки разуму, приводят к глубочайшей неудовлетворенности собой, откуда до депрессии, внутренней опустошенности и постепенной утрате ощущения счастья всего один шаг порой остается... Людям важно дарить сказки, если иначе у них не получается.

— Как интересно! Сценарист-психолог, режиссер, актеры, операторы, костюмы... Недешевая затея. Неужели у ваших клиентов есть миллионы долларов на съемки для себя любимых?

— Конечно, нет! — рассмеялся мой спутник. — В нашей компании разработано порядка двадцати типовых сценариев. Чаще всего вносим небольшие изменения — и можно снимать. Но бывают и уникальные задачи. Вот недавно работали с одной супружеской парой, делали для их серебряной свадьбы фильм-шутку про историю их знакомства.

Комедия получилась — обхохочешься. Хотите, расскажу в общих чертах?

Конечно, мне очень захотелось послушать.

...Молодая женщина скучает дома одна и решает напечь пирогов, а вытяжка не работает: скрипит, охает, но включаться отказывается. Девушка решает вызвать мастера из бюро бытовых услуг и открывает телефонную книгу:

— Ага, «Бюро добрых услуг Кощея Бессмертного», — читает она вслух. — Интересно, какие это добрые услуги оказывает Кощей Бессмертный? Что-то новенькое?

Она набирает номер телефона.

— Добрый день. «Бюро добрых услуг» слушает. Говорите! — отвечает низкий женский голос.

— Могу ли я вызвать на дом для различных добрых дел Кощея Бессмертного? — иронизирует девушка.

— Конечно. Оплата почасовая, диктуйте адрес. Кощей со всем необходимым инструментом будет у вас через два часа. Спасибо, что воспользовались услугами нашего бюро.

Вскоре раздается звонок. Девушка открывает дверь. На пороге стоит симпатичный молодой мужчина, в руках — ящик с инструментами и складная лестница. Почему-то к поясу его аккуратного комбинезона приторочен увесистый на вид матерчатый мешочек.

— Мастера добрых дел вызывали? — улыбается парень.

— Вызывали-вызывали, здравствуйте! Проходите, пожалуйста, вот вам тапочки, надевайте, не стесняйтесь!

Мастер заходит в дом и, потянув носом воздух, спрашивает:

— Что случилось? Запах такой потрясающий по всему дому стоит, голодный человек может в обморок упасть! Предупреждать надо, хозяйка! — шутит он, переобуваясь в прихожей.

— Спасибо, что оценили! Пироги пеку с «заманухой», а вытяжка на улицу не работает, вот никто ко мне и не приходит. Только я одна этот запах и чувствую, а теперь вот вы... Идемте, провожу вас на кухню, — поддерживает веселый тон разговора девушка.

Мужчина поднимается по лестнице и начинает откручивать кожух вытяжки, аккуратно поправив на поясе непонятный мешок. Он-то и смущает хозяйку: полотняный мешочек этот плавно колышется, словно внутри него что-то перекатывается или дышит.

Почему-то девушка не может отвести глаз от «живого» мешочка, она краснеет, старается не смотреть в сторону работающего мастера, но взгляд ее снова и снова возвращается к нему. Что же там внутри? Зачем мастер повесил себе на пояс такую странную вещь? Ему же неудобно...

Еще несколько секунд — и девушка решается: убедившись, что внимание «Кощея» поглощено какими-то железяками внутри вытяжки, она протягивает руки вперед и резким движением сжимает мешок с двух сторон. Раздается негромкий хруст... и сквозь ткань начинает капать вязкая желтоватая жидкость...

Услышав хруст, парень оторвался от вытяжки, увидел расползающееся по комбинезону липкое пятно, перемазанные руки девушки и ее обалдевшее лицо и расхохотался. Кое-как спустившись с лестницы, он плюхнулся на пол, не в силах перестать смеяться.

— Ой, не могу, никогда в жизни так не хохотал! Что же вы наделали, хозяйка! В этом мешке был мой обед, обычные куриные яйца да бутерброды. Вы сказок не читали, что ли? Яйцо Кощея — в утке, утка — в зайце, заяц — в волке, а волк — в огромном сундуке, который висит на дубе, что растет на необитаемом острове. А сказочные имена наш директор придумал. Вы всегда такая проказливая и веселая? Давайте знакомиться, меня зовут Константин. А вас? — вытирая выступившие от хохота слезы, с трудом проговорил молодой человек.

— Катя! — отвечает смеющаяся девушка. — Простите меня, Костя. Не знаю, что на меня нашло, словно кто-то под руку толкнул. А все моя бабушка! Она как скажет — так и будет. Пристала ко мне пару дней назад: «Что-то ты чахнешь, голуба моя, одна. Молодого человека тебе надо для жизни найти, и не завалящего какого-нибудь, а заманить хорошего мужика к себе в дом, приворожить, как в сказке. Для этого сначала тапочки мужские купи, дома их у себя поставь, а потом пироги начни печь с "заманухой". Когда пироги хорошие делать научишься, на их запах Кощей Бессмертный и придет». Представляете, так и сказала: «Кощей Бессмертный придет».

Вот я, дуреха, и послушалась. Вчера тапки купила, а сегодня попробовала напечь пирогов с мясом, но вытяжка сломалась... Смотрю, в телефонной книге «Бюро добрых услуг Кощея Бессмертного» значится — точь-в-точь как бабушка сказала... Вот и позвонила. А тут вы приходите, да еще с этим мешком на поясе, а он все шевелится и шевелится, вот я и решила проверить — настоящий вы человек или Кощей, которого моя бабушка послала. Да вы сами на нее посмотрите, вот фотография! Скажите честно, Костя, вас моя бабушка прислала? Анна Тимофеевна? — спросила девушка, стараясь не смотреть на все увеличивающееся липкое пятно на комбинезоне парня, чтобы не расхохотаться вновь.

— Приятно познакомиться с вами, Катя. С бабушкой вашей не знаком, но, похоже, женщина она непростая, с юмором. Я в институ-

те учусь, у «Кощея» по выходным подрабатываю, ваш вызов сегодня последний, так что, извините, придется мне у вас задержаться штаны отчистить... Не могу же я в таком виде домой ехать! А еще напрошусь пирогов ваших поесть. Ха-ха... — Он снова рассмеялся. — Надо же, действительно «замануха» получилась, ведь вы мой обед уничтожили. А эта красивая дама с короной рыжих волос и есть ваша бабушка? И рамка какая необычная, в форме сердца с рожками, — произнес мастер, рассматривая висящий на стене портрет.

Так и остался Костя у Кати. Четверть века живут в счастье и радости. Вот вам и бабушкин юмор.

Правда, интересная история? Самые лучшие фильмы, как правило, основаны на реальных событиях. О, да мы уже приехали! До свидания. А это наша визитная карточка. Звоните, будем рады встретиться вновь.

Автобус отъехал, я поднесла картонный квадратик к своим глазам: на меня смотрело лукавое розовое сердечко с рожками — эмблема компании.

США

Всеволод КОЛЬСКИЙ

За золотым руном

Рассказы

Продолжение. Начало в № 8, 9 за 2016 год

Уметь прощать

1.

Теплым летним вечером ресторан «Золотой Рог» в центре Владивостока обслуживал очередной банкет. На этот раз виновником торжества был капитан-наставник Морской инспекции Дальневосточного управления рефрижераторного флота Захар Ильич Гребнев, отмечавший свое шестидесятилетие. Юбиляр сидел во главе длинного стола, уставленного всевозможными яствами, среди которых наиболее привлекательно выглядели, конечно же, дары дальневосточных морей: красная рыба, икра, различные морепродукты — креветки, чилимы, гребешки, морская капуста и прочие вкусности.

За окнами ресторана в тяжелых трудах и лишениях медленно, со скрипом, подобно телеге по ухабам разбитой проселочной дороги, ползли голодные, полные непримиримых противоречий, насыщенные забастовками и террористическими актами 90-е годы. Но за столом, как в оазисе посреди бескрайней пустыни, царили доброжелательность и подлинно ресторанное, давно забытое изобилие; прославленный капитан, удостоенный ряда правительственных наград, почетный работник морского флота Гребнев мог себе это позволить. По обе стороны от юбиляра восседали старые заслуженные капитаны и работники Управления, в большинстве

своем тоже отдавшие молодость морю и только в зрелом возрасте перешедшие на береговую управленческую работу. Дальше расположилась молодежь, в основном члены экипажа транспортного рефрижератора «Ангара», которым много лет командовал Захар Ильич. Были и молодые капитаны, служившие когда-то штурманами под началом Гребнева и старательно перенимавшие его богатый опыт судоводителя. Позднее многих из своих помощников Захар Ильич сопровождал в их первых «капитанских» рейсах в качестве капитана-наставника.

Многие гости были с женами, что, конечно же, существенно повышало общий тонус веселой компании, радующейся редкой возможности собраться за одним столом, разогретой разнообразными крепкими и не очень крепкими (дамскими), в общем, на любой вкус, спиртными напитками.

Звучали традиционные морские тосты и здравицы в честь юбиляра. Два солиста, мужчина и женщина, в сопровождении оркестра исполняли морские песни. Временами к ним присоединялся зал, образуя импровизированный, возможно, не слишком стройный, зато громкий, веселый, нагло уверенный в высоком качестве своего пения хор.

Через какое-то время компания разделилась. Молодежь увлеклась танцами, во время которых каждый под бешеную современную музыку мог показать, на что он способен. А старики сгрудились вокруг юбиляра, и начался характерный для людей их возраста, а главное, их профессии, вечер воспоминаний. Да, старым морякам было что вспомнить.

— А помнишь, Захар, 1952 год, Северо-Курильск? — обратился к Гребневу его старый приятель капитан Ершов.

— Еще бы не помнить, — тихо ответил Гребнев.

И действительно, разве можно забыть, как следующие одна за другой три гигантские волны цунами полностью разрушили город и унесли жизни 2336 его жителей. Находящиеся поблизости суда приняли участие в спасательной операции. В составе экипажей этих судов трудились тогда еще совсем молодые штурманы Гребнев и Ершов.

— А Вьетнам? — продолжал Ершов.

Конечно же, и Вьетнам отлично помнили приятели, к тому времени уже опытные капитаны. Они возили товары, необходимые сражающемуся народу, и выгружались во вьетнамских портах зачастую под американскими бомбами. Им повезло: ни одного повреждения, ни одного раненого среди членов экипажей. А вот судно «Гриша Акопян» 10 мая 1972 года было потоплено. Экипажу удалось спастись, но погиб боцман Юрий Сергеевич Зотов.

Много и героического, и трагического могли вспомнить старые мореходы. И гибель 19 января 1965 года в результате обледенения в жестокий шторм четырех рыболовных траулеров с экипажами общей численностью около ста человек. Тогда удалось спасти только одного моряка, мастера по добыче Анатолия Охрименко. И гибель теплохода «Тикси» 22 марта 1974 года. И еще многое, очень многое. Среди погибших были друзья или просто знакомые, с которыми встречались то за столом, вот как сейчас, то в море на встречных курсах, то на соседних причалах в каком-нибудь дальневосточном порту.

— Давайте, мужики, помянем тех, кого уже нет с нами, — сказал Гребнев, наполняя рюмку.

— Пусть земля им будет пухом, — поддержал его один из присутствующих.

— Да дело-то в том, что многие из них не в землю ушли, а в пучину морскую, — как бы нехотя возразил Ершов.

— Не в этом суть, дружище, — примирительно сказал Гребнев. — Куда бы ни ушли, души их все равно на небесах. Может, как раз сейчас они на нас смотрят.

— А как ты думаешь, Захар, радуются они, глядя на нас, или осуждают за то, что мы тут водку пьем, грешим, значит? — с хитрой улыбкой спросил один из стариков, между прочим, большой любитель выпить по любому поводу и даже без всякого повода.

— Вот когда сами попадем туда, на небеса то есть, тогда и узнаем, — ответил Гребнев.

Старики выпили, не чокаясь, после чего некоторое время сидели молча. Каждый думал о чем-то своем. Будучи людьми преклонного возраста, они пережили много потерь близких родственников, друзей, сослуживцев, и каждая такая потеря оставляла глубокий шрам в сердце.

Гремела зажигательная музыка, молодежь тряслась в бесшабашном танце, раздавался веселый женский смех, иногда даже визг, вроде бы испуганный, а на самом деле призывный, как один из способов женщины обратить на себя мужское внимание.

А старые моряки молчали, молчали и размышляли, молчали и вспоминали, молчали и снова и снова, в который раз, переживали. Вспоминали то, что уже нельзя вернуть, переживали то, что уже нельзя исправить.

Наконец, Гребнев на правах хозяина тряхнул седой головой и бодро произнес: «Ладно, моряки, хватит грустить! Мы еще поживем, подышим жабрами, поработаем плавниками, порулим хвостиками. Выпили за упокой, давайте теперь выпьем за здравие!»

Старики оживились и выпили, на сей раз дружно сдвинув рюмки и стопки.

2.

Время подошло к полуночи. Гости постепенно расходились, прощаясь с юбиляром и еще раз искренне желая ему всех благ, успехов в работе, удачи, радости, долгой, спокойной и счастливой жизни. В общем, все как и положено на юбилейных торжествах.

Вызвали такси. Гребнев и Ершов жили недалеко друг от друга, поэтому поехали вместе. Сначала молчали, потом стали вспоминать отдельные эпизоды прошедшего застолья. Кто что сказал, кто удачно пошутил, а кто и не совсем удачно, кто произнес самый интересный, нестандартный тост. Ну и, конечно, кто из присутствовавших дам выглядел наиболее привлекательно. Два старых холостяка не могли не думать о женщинах.

Когда-то оба были безумно влюблены. Ершов даже женился. Гребнев тоже подумывал о законном браке. Начиналось все хорошо, но потом, как это часто бывает, особенно в семьях моряков, не сложилось. Причины были разные, но итог один — расставание, развод. Вторично создать семьи не сумели, да, признаться, не очень-то к этому и стремились. В молодости мешали длительные рейсы и короткие стоянки, а потом незаметно подкралась старость, какая уж тут женитьба.

Вдруг Ершов обратился к Гребневу с неожиданным вопросом.

— Захар, — он всем корпусом повернулся к другу, — вот тебе сегодня много хорошего пожелали. А скажи, чего бы ты сам хотел себе пожелать?

Гребнев сразу понял, что вопрос далеко не простой. В самом деле, ну чего может пожелать себе одинокий старик? Здоровья? Так об этом и думать не хочется. Захар Ильич терпеть не мог лечиться. Врачей не любил и даже немного побаивался. Долголетия? Ну, об этом и мечтать глупо; сколько судьбой отмерено, столько и проживешь. Тогда чего?

После довольно длительного молчания Гребнев заговорил:

— Знаешь, вот сегодня, когда мы пили за тех, кого уже нет с нами, я вдруг понял, почувствовал, что со многими из них очень хотел бы встретиться. Хотя бы на один день или даже на один час. Как-то необыкновенно остро я осознал, что мы расстались, не сказав друг другу чего-то самого главного, не достигнув взаимопонимания по важнейшим для нас вопросам, не простив друг другу нечаянно нанесенных обид. Вот если бы сейчас встретиться, мы бы все легко решили за пять минут. И на душе стало бы спокойно.

— А ты уверен, что такая встреча принесет тебе спокойствие? А что если наоборот? — Ершов строго смотрел на Гребнева. — Ты уверен, что тебе простят обиды? А что если потребуют искупления? Ты готов к этому? Да и ты сам готов простить нанесенные тебе обиды, простить даже тем, кого уже нет в живых?

Гребнев на минуту задумался, а затем полушутя, но вместе с тем и раздраженно буркнул:

— Ну и зараза же ты, Ершов! В самом деле, колючий, как ерш. Вечно подбрасываешь вопросы, от которых потом голова болит и бессонница мучает. Сам-то что на свой вопрос можешь ответить?

— Да если бы сам мог ответить, тебя бы не спрашивал.

Такси подъехало к дому Гребнева. Приятели распрощались. Захар Ильич поднялся на пятый этаж в свою холостяцкую квартиру. Настроение в целом было хорошее. Юбилейный вечер прошел на должном уровне, в обстановке искреннего, неподдельного веселья. Гости явно остались довольны. Да и юбиляру было приятно услышать о себе много добрых слов, причем слов не казенных, а идущих от души. Гребнев понимал, что многолетним, честным трудом заслужил такое отношение к себе. Не врал, не крал, не предавал, перед начальством не прогибался, в море в самых критических ситуациях мужества не терял, высокое звание капитана дальнего плавания ничем не замарал, государственные награды получил не по блату, а по заслугам. И все же какой-то червячок зашевелился в сознании, стал по капельке нацеживать в мозг неприятные мысли, медленно, но неотвязно отравлять благодушное настроение. «А действительно, со всеми я хотел бы встретиться? — сам себя спросил Захар Ильич. — И хорошо ли я представляю, как пройдет такая встреча, чем обернется?»

Старый моряк почувствовал усталость. И неудивительно, юбилей — дело хлопотное. Да и выпил, пожалуй, немного больше, чем дозволено в его возрасте. С каждым, кто подходил с поздравлением, пришлось опрокинуть по стопочке. Иначе нельзя, человек может обидеться.

Гребнев расстелил койку, разделся, принял таблетку тромбо асс (врач настоятельно рекомендовал принимать перед сном) и попытался заснуть. Но сон не шел. Проклятый вопрос Ершова крохотным молоточком, хоть и не сильно, но все же чувствительно стучал по мозгам. Захар Ильич ворочался с боку на бок, наконец, кажется, задремал. И вдруг в полудреме он отчетливо увидел Вадима, приятеля курсантских лет. Они учились в одной группе, даже в кубрике их койки стояли рядом. На четвертом курсе у Вадима появилась девушка, очень симпатичная студентка Дальневосточного педагогического института искусств. Но пока чувства молодых людей еще только робко прорастали, пробивались, как

тонкий стебелек сквозь рыхлую почву, пока еще, мучимые сомнениями, не окрепли, не оформились в прочные отношения, друзья везде ходили втроем. Вадима это вполне устраивало. Не имея никакого опыта в общении с девушками, он робел в присутствии своей подруги, боялся брякнуть какую-нибудь глупость и от того больше молчал. Поэтому он охотно шел на свидание с веселым, общительным Захаром, умеющим галантно поухаживать за дамой в каком-нибудь недорогом кафе, рассказать смешную историю из курсантской жизни и даже вполне квалифицированно обсудить с будущим педагогом новый модный спектакль или последний бестселлер.

Однажды Зойка, так звали подругу Вадима, достала два билета в театр. В институте иногда распространяли дефицитные билеты, но давали не более двух в одни руки.

— Ну, кто со мной пойдет? Бросайте жребий, кавалеры, — смеялась девушка, размахивая над головой столь желанными билетами.

— Мужчины такие вопросы решают не жребием, а дуэлью, — пошутил Захар, дурашливо, по-бычьи наклонив голову и грозно сдвинув брови.

— Какое оружие предлагаете, синьор? Шпаги, пистолеты, дубины? — подхватил шутку Вадим.

Но Зойка вдруг выступила с оригинальным предложением:

— Мужчины, вы абсолютно неисправимы! Как хищные животные, все время жаждете крови. — Она строго посмотрела на своих кавалеров, а затем, лукаво улыбнувшись, сказала: — Разыграйте билет в шахматы. Победитель получит право не только сходить со мной в театр, но и после спектакля проводить меня до дому.

Хитрая девушка все точно рассчитала. Дело в том, что Вадим имел первый разряд по шахматам, а Захар хоть и играл весьма недурно, но всего лишь на любительском уровне. Силы были явно неравные, и Зойка не сомневалась в победе Вадима. Ребята, конечно же, поняли замысел своей подруги. Но в душе Захара, вообще не любившего проигрывать ни в чем, вдруг вспыхнуло какое-то по-мальчишески глупое самолюбие, и он решил дать настоящий бой своему сопернику.

Вадим, как наиболее опытный шахматист, предложил приятелю белые фигуры, и Захар сразу же бросился в наступление. Он вел партию смело, даже немного авантюрно. Ведь при любом исходе он ничего не терял. Даже его проигрыш был бы воспринят как вполне закономерный; все-таки он, любитель, играл с перворазрядником. К тому же он мог полушутя-полусерьезно сказать, что проиграл специально, чтобы уступить другу право похода в театр с любимой девушкой, то есть выставить себя этаким благородным рыцарем.

Совсем иные чувства владели Вадимом. Он ужасно боялся проиграть на глазах у Зойки, поэтому играл излишне осторожно, избегал сложных комбинаций, охотно шел на размен фигурами, надеясь получить преимущество в эндшпиле.

Зоя внимательно следила за соперниками. Играть в шахматы она вообще не умела, поэтому пристально наблюдала за выражениями лиц игроков, пытаясь определить положение дел на шахматной доске с помощью женской интуиции. И интуиция подсказывала ей, что партия развивается не совсем так, как ей бы хотелось, даже совсем не так.

В решительный момент ценой жертвы качества Захар прорвался к черному королю. Вадим долго, очень долго обдумывал сложившееся положение, мысленно перепробовал различные варианты, выискивая хоть какие-то возможности избежать поражения, но так ничего и не нашел. Резким движением он опрокинул своего короля на доску и, откинувшись на спинку стула, прикрыл глаза.

Наступила неловкая пауза. Захар торжествовал, хотя и не показывал виду. Вадим довольно быстро пришел в себя и, пытаясь придать голосу бодрые нотки, обратился к Зое:

— Видимо, сегодня не мой день, подруга. Вверяю тебя моему другу и победителю. Надеюсь, вы хорошо проведете время.

— Мы постараемся, — ответила Зоя, с трудом выдавив из себя улыбку. — Но ты не огорчайся, будет и на твоей улице праздник.

Ну почему, почему в этот момент Захар не отказался от своего выигрыша, пусть и законного, но все же не вполне достойного? Почему он положил руку на то, что ему не принадлежало? Почему эйфория от одержанной победы оказалась сильнее простых человеческих чувств, сильнее доброго отношения к своим товарищам? В течение многих последующих лет вспоминал Захар этот на первый взгляд совсем незначительный эпизод и всякий раз не мог избавиться от чувства стыда, хотя формально он вроде бы не был ни в чем виноват.

Зоя честно выполнила свое обещание: и в театр с Захаром сходила, и проводить себя до дома позволила. Но только не было в этот вечер радости ни у него, ни у нее. Захар изо всех сил пытался изображать веселость, по обыкновению рассказывал смешные истории, проявлял подчеркнутую предупредительность по отношению к своей даме. И она тоже старательно демонстрировала якобы полученное удовольствие. Но все это было неискреннее, искусственное. Оба отчетливо, чуть ли ни физически ощущали стоявшую между ними во всей своей неприглядности откровенную ложь.

После этого случая Захар отдалился от своих друзей, старался оставить их вдвоем; даже когда они его приглашали, отказывался под любым предлогом. Но у Зои с Вадимом все равно что-то не заладилось. Они не ссорились, но встречаться стали все реже и в конце концов как-то тихо разошлись. Слабый росточек только еще зарождающейся любви увял, не выдержав первых испытаний.

А через каких-нибудь пару месяцев ребята случайно узнали, что Зойка вышла замуж. Ясно, что это был шаг отчаяния, желание сделать назло. Вот только кому?

Через три года после окончания училища Вадим погиб, будучи смытым волной с палубы судна во время жестокого шторма при попытке завести дополнительные крепления для перевозимого на палубе тяжеловесного груза.

Еще через год Захар неожиданно встретил Зою на улице. Стояла поздняя осень, ветреная и дождливая. Зоя была в плаще, голова укрыта капюшоном. Она немного пополнела, выражение ее лица показалось Захару очень грустным. Впрочем, возможно, сказалось влияние ненастной осенней погоды.

— Как ты? — спросил Захар.

— С мужем разошлась. Воспитываю дочь, — ответила Зоя, а затем после некоторого колебания все же спросила: — А как Вадим?

— Вадим погиб год назад. В море. Смыт волной, — жестко произнес Захар.

Он увидел, как расширились Зоины глаза. На какое-то время она задержала дыхание. Но ничего так и не сказала. Да и что можно было сказать?

Они обменялись несколькими дежурными, ничего не значащими фразами и разошлись, теперь уже навсегда.

3.

Сон совсем пропал. «Ну в чем моя вина? — мысленно, не произнося вслух ни звука, в который раз прокричал Захар Ильич. — Партию в шахматы выиграл? Тоже мне, преступление, можно подумать!» Но тихий голосок в душе настойчиво возражал: «Чувства молодых людей только-только зарождались. Они были еще очень слабые, беззащитные. Их можно было разрушить даже одним неосторожным словом. И ты, Захар, это понимал, не отпирайся. Но твое дурацкое самолюбие оказалось сильнее товарищеского долга».

Захар Ильич вдруг подумал о том, что если бы он так грубо, по-медвежьи, не вмешался в отношения Вадима с Зоей, то Зойка не выскочила бы замуж столь неожиданно, и тогда, скорее всего, у этих ребят все пошло бы хорошо. Сыграли бы свадьбу; Захар наверняка был бы свидетелем со стороны жениха. И жила бы новая семья, как принято говорить, долго и счастливо. И Вадим бы не погиб, вдруг подумал Захар Ильич. Он, как и многие моряки, верил, что тех, кого ждут на берегу, Морской Бог особенно бережет.

«Так хотел бы я встретиться с Вадимом?» — спросил Гребнев сам себя и не смог ответить на свой же вопрос.

Он так разволновался, что встал с койки. Прошел на кухню, открыл холодильник. Рука автоматически потянулась за бутылкой. Но Захар Ильич подумал, что он и так уже достаточно принял в ресторане. Вряд ли стоило еще добавлять. Налил стакан кефира и медленно, смакуя каждый глоток, выпил. Стало немного легче. Он решил все-таки попытаться заснуть, и, кажется, ему это удалось.

Гребнев не мог сказать, сколько он спал, только вдруг сквозь сон перед ним всплыло лицо молодого капитана Максимова. Гребнев не был с ним близко знаком, но судьбы их неожиданно переплелись самым причудливым образом. Дело в том, что Максимов попался на доставке из-за рубежа запрещенной в то время литературы. Наверняка капнул кто-то из стукачей, бывших тогда практически на каждом судне, совершавшем загранрейсы. Солженицын, Буковский, статьи из журнала «Вехи» — это строго преследовалось. Тем более что в данном случае перевозчиком и распространителем (Максимов, конечно же, под большим секретом, давал почитать эти книги близким друзьям) оказался не какой-нибудь турист, а капитан советского судна.

Было назначено расширенное заседание парткома, на которое приглашались и молодые комсомольские активисты. Готовилась показательная порка «антисоветчика», «агента влияния». Секретарь парткома настойчиво предложил Гребневу, как заслуженному, авторитетному капитану выступить с разгромной речью. Захар Ильич никогда не был диссидентом, но и особой неприязни к людям, критиковавшим действия властей, не испытывал. Он вообще мало интересовался такого рода политикой. Предложение партийного босса он выслушал без энтузиазма, но отказаться по нормам того времени не было возможности. Он нехотя пробурчал согласие и вышел из здания Управления. И тут неожиданно встретился с самим «героем дня» Максимовым. Понятно, что после разговора с секретарем парткома эта встреча совсем не обрадовала Гребнева.

Поздоровались. И Максимов без всякого предисловия напрямую спросил Гребнева, какую позицию он займет на парткоме.

— Мы с вами практически незнакомы, Захар Ильич. Но я много

наслышан о вас, не только как об опытном капитане, но и как о честном, принципиальном человеке. При вашем авторитете вы можете оказать значительное влияние на решение парткома. Ответьте прямо, вы за меня или против?

Но прямо ответить Гребнев не смог. Вместо этого он с явной досадой проворчал:

— Ну зачем вы занимаетесь этой ерундой? Литература всякая и прочее. Мы с вами судоводители. Наше дело — водить корабли по морям. А политикой пусть занимаются те, кому за это деньги платят.

— Значит, отказываетесь? — Максимов в упор смотрел на Гребнева.

— Посмотрим, — хмуро ответил Гребнев и пошел по своим делам.

На заседание парткома Захар Ильич не явился, сказался больным. Даже больничный лист оформил у знакомой врачихи в ведомственной поликлинике. Но все равно в его болезнь никто не поверил.

О том, как проходило заседание, ему потом рассказали те, кто на нем присутствовал. С гневным осуждением «отступника» выступили записные ораторы с заранее заготовленными и партийным начальством одобренными текстами. Остальные присутствующие, особенно работники плавсостава, сидели молча, опустив головы и уставившись взглядами в крышки столов.

Некоторый диссонанс в эту хорошо отработанную схему расправы с «отщепенцем» внесло выступление молодого штурмана с «Ангары» Виктора Северцева. Он не защищал Максимова, однако сказал, что было бы весьма полезно ознакомиться с тем, что пишут наши оппоненты, для того чтобы аргументированно им возражать, чтобы успешно с ними бороться. Даже такое, казалось бы, невинное выступление привело в бешенство секретаря парткома. Он грозно взглянул на Северцева:

— Виктор Константинович, мы знаем вас как хорошего специалиста. И вы наверняка мечтаете когда-нибудь стать капитаном. Не так ли?

— Так. Мечтаю и обязательно стану, — спокойно ответил Северцев.

— Так вот. С такими мыслями вы не только никогда не станете капитаном, вас даже матросом ни на одно судно не возьмут. Подумайте об этом, хорошенько подумайте!

— А вы за меня не волнуйтесь! — вдруг вспылил молодой штурман. — Вы лучше о себе хорошенько подумайте!

Секретарь парткома собрался было дать резкую отповедь этому строптивому мальчишке, но вовремя сообразил, что в таком случае заседание может отклониться от основной темы. К тому же среди присутствующих, особенно молодежи, могут оказаться такие, кто по молодости-глупости захочет поддержать Северцева. Опытный партийный босс знал, что молодые люди всякими правдами и неправдами достают и не без интереса почитывают диссидентскую литературу. Скрепя сердце он проглотил готовую вырваться обвинительную речь, досадливо махнул рукой и постарался поскорее закончить заседание.

Максимова исключили из партии и уволили из пароходства.

Как назло, Гребнев столкнулся с «диссидентом» в здании Управления, когда тот ходил по кабинетам, оформляя обходной лист. Максимов в упор посмотрел на Гребнева и с нескрываемой насмешкой сказал: «А у вашего штурмана, Захар Ильич, характер-то оказался тверже вашего». Гребнев не нашел возражений и, ничего не сказав, даже не попрощавшись, пошел прочь.

Через несколько лет Максимов умер. Нет, он не погиб в море, а скончался в онкологической больнице, как пишут в некрологах «после тяжелой, продолжительной болезни». Но в данном случае даже некролога не было. Хоронили бывшего капитана несколько дальних родственников (жена от него ушла сразу же после обвинительного решения парткома, то есть поступила как сознательная советская женщина, беззаветно преданная делу партии). Похороны были более чем скромными: опустили в могилу, насыпали холмик, воткнули в землю несколько цветочков, распили бутылочку за упокой, да на том и разошлись.

«Сейчас те самые книжки, из-за которых фактически угробили человека, можно купить в любом книжном магазине и даже на уличных лотках, — грустно усмехнулся Захар Ильич. — Вот ведь как жизнь повернулась. И некогда грозные партийные боссы куда-то слиняли. Да и сама "руководящая и направляющая" партия уже давно ничем и никем не руководит, а лишь изображает оппозицию».

4.

Захар Ильич понял, что заснуть он уже не сможет, хотя до утра еще очень далеко. Это было особенно обидно, поскольку впереди маячили два выходных дня, когда можно позволить себе расслабиться, полежать лишний часок-другой. Он и лежал, только вовсе не расслабленный, а, напротив, предельно напряженный, вспоминая и внимательно, придирчиво анализируя различные эпизоды своей долгой, нелегкой жизни.

Да, он опытный моряк, высокопрофессиональный специалист; в этом ни у него самого, ни у кого из знающих его людей нет ни малейших сомнений. С ним

даже высокое начальство разговаривает подчеркнуто вежливо, зная, что он не потерпит не только прямого оскорбления, но и назидательного, этакого менторского, начальственного тона и за ответным словом в карман не полезет.

И по отношению к людям, особенно подчиненным, он всегда был честен и справедлив. Стоп! Вот здесь следует задержаться, тщательно рассмотреть и объективно, непредвзято оценить свои действия. «А всегда ли справедливость приводит к добру? — вдруг подумал Захар Ильич. — Не бывает ли она порой слишком жестокой, тем самым способствуя торжеству зла?» Гребнев вспомнил, как однажды во время стоянки в порту обнаружил в каюте пьяного матроса и тут же списал его с судна. Капитана не остановило даже то, что этот матрос был довольно пожилым человеком, имел жену и троих детей младшего школьного и дошкольного возраста. Да и в злоупотреблении алкоголем ранее не был замечен. Позднее выяснилось, что в тот раз матрос и напился-то после тяжелой ссоры с женой. По-видимому, все это следовало учесть при выборе меры наказания. Но Гребнев категорически запрещал пьянство на судне как страшное зло, неоднократно приводившее на других судах к авариям различной степени тяжести, а иногда и к гибели людей. И потому был абсолютно уверен в справедливости и правомерности принятого им решения.

Сегодня, тяжело ворочаясь на койке и вспоминая этот эпизод, он уже не был так уверен. Ведь тот неприятный случай у данного матроса был единичным, а большую семью с тремя малолетками и неработающей женой нужно было кормить. Будучи списанным с судна, матрос потерял хороший заработок, и неизвестно, куда после этого направил его инспектор по кадрам.

В другой раз Гребнев резко отчитал молодого 3-го помощника за то, что тот во время короткой стоянки не успел отнести навигационные карты в корректорскую группу, в результате чего судно вышло в рейс с неоткорректированными картами. Проступок, в общем-то, не такой уж тяжкий, но Гребнев не терпел нарушений в профессиональной сфере. Судовождение требует предельной четкости даже в мелочах. Такая уж это профессия. «Судоводитель, как и минер, не имеет права на ошибку», — любил повторять Гребнев.

Он считал свои претензии к молодому штурману вполне справедливыми, но тот счел себя оскорбленным и по прибытии в порт списался с судна. Проболтавшись некоторое время в резерве, парень получил назначение на другое судно. Позднее Гребнев иногда встречался со своим бывшим помощником, пытался с ним поговорить, но тот всякий раз уходил от разговора; по-видимому, не мог простить капитану пусть и справедливую, но сделанную в грубой форме выволочку, ущемляющую его человеческое и профессиональное достоинство.

Гребнев был жестким руководителем. Он был убежден в том, что в море иначе нельзя. Потому и проплавал долгие годы безаварийно, что мало кому удавалось. Но сегодня ему вдруг вспомнились глаза в разное время и в разных ситуациях наказанных им людей. Особенно в последние годы, когда, сойдя на берег и став капитаном-наставником, он обходил с проверкой стоявшие у причалов суда. От опытного моряка не могли укрыться даже малейшие нарушения. Провисшие или, напротив, слишком туго натянутые швартовы, плохо закрепленные сходни, небрежно разбросанный инвентарь, ну и, конечно, пьяные сборища в каютах — все записывал в журнал строгий проверяющий. Виновных ждало неминуемое и, безусловно, справедливое наказание.

Некоторые поступки Гребнева стали чуть ли не легендарными; во всяком случае, их еще долго вспоминали на флоте, а пожилые моряки рассказывали о них молодежи.

Однажды, поздним вечером проверяя очередное судно, Гребнев обнаружил окурок на палубе.

— Это что? — строго спросил он сопровождающего вахтенного помощника, указывая пальцем на злосчастный окурок.

— Бычок кто-то бросил. Сейчас уберу, — ответил вахтенный, сделав попытку поднять с палубы улику.

— Отставить! — рявкнул Гребнев. — Пожарная тревога!

Вахтенный недоуменно смотрел на проверяющего, не двигаясь с места.

— Действуйте, штурман! — приказал Гребнев. — Я засекаю время.

Штурман наконец пришел в себя и объявил учебную пожарную тревогу. Громкие звонки разбудили отдыхающих моряков и буквально сорвали их с коек. Через считаные секунды пожарные шланги были раскатаны по палубе и прикреплены к рожкам. Матросы с огнетушителями стояли на местах, предусмотренных расписанием. Экипаж был готов к борьбе с пожаром. И тут Гребнев дал совершенно неожиданную команду:

— Поднять грузовые стрелы!

— Это еще зачем? — возмущенно спросил вахтенный штурман.

— Выполнять! — отрезал Гребнев.

Дело в том, что подъем и установка в рабочее состояние грузовых стрел — нелегкая и доста-

точно продолжительная работа, требующая соответствующего опыта. Сегодня большинство судов оснащено крановым вооружением, гораздо более надежным и простым в эксплуатации. Но в те времена, когда происходили описываемые события, на судах в основном использовались грузовые стрелы.

Через какое-то время стрелы были установлены в рабочее положение. Гребнев приказал прикрепить к грузовому гаку металлический поддон, сверху положить кошму, а на нее — маленький, в общем-то, совсем безобидный окурок. Груз, если только можно назвать грузом крохотный бычок, с помощью трехтонных судовых стрел был переправлен с палубы судна на причал. Там по приказу Гребнева четыре матроса взяли кошму за четыре угла и торжественно отнесли окурок к мусорному баку.

После этого команда вновь установила грузовые стрелы в походное положение, убрала на штатные места пожарный инвентарь и отправилась досыпать.

Гребнев с хитрой улыбкой обратился к вахтенному штурману:

— Передайте капитану, что команда действовала по учебной тревоге быстро и грамотно. Оценка — отлично.

— Обязательно передам, — сквозь зубы процедил штурман.

— А окурки все же разбрасывать где попало нельзя. Это может послужить причиной пожара, — назидательно продолжил Гребнев. — Ну ладно, спокойной вахты!

Мысленно чертыхаясь, штурман проводил Гребнева до трапа: «Проваливай уже скорее, старый хрыч! Людям с утра на работу, а ты им поспать не даешь».

На другой день в команде судна только и было разговоров о ночной выходке капитана-наставника. Ругали его крепко, называли самодуром. И все же сквозь эти ругательства невольно проступало уважение к старому моряку. В самом деле, так поступить мог только человек, бесконечно влюбленный в морскую деятельность и беззаветно преданный своему делу.

«А все-таки иногда перебарщивал, явно перегибал палку, — самокритично подумал Захар Ильич и тут же спросил сам себя: — А почему? Неужто я такой злой? Нет, конечно нет. Тогда почему?» Гребнев надолго задумался, и вдруг его будто осенило. «А может, все потому, что рядом не было женщины, настоящей доброй, ласковой, заботливой подруги? Женщины все-таки смягчают суровый мужской характер. Не размягчают, а именно смягчают до нормальной кондиции». И старый холостяк не спеша, даже как-то лениво, стал извлекать из своей памяти образы женщин, так или иначе в разное время, с разным эмоциональным накалом прошедших через его жизнь. Они действительно были очень разные: яркие, властные, привыкшие всегда быть в центре внимания, повелевать окружающими их мужчинами, или, напротив, тихие, покорные, готовые целиком подчиниться мужской воле. Были ласковые, заботливые, умевшие создать в доме необыкновенный уют, но были и бесстыдно корыстные, стремящиеся устроить свою жизнь путем супружества с хорошо зарабатывающим моряком. Ни одна из них не сумела вызвать ответный отклик в душе Гребнева, пробудить желание связать с нею свою судьбу. Одни бесцеремонными попытками перестроить на новый лад его привычный быт вызывали стойкое сопротивление с его стороны, другие раздражали своими вечными капризами, с третьими ему было откровенно скучно, четвертые отталкивали неприкрытой меркантильностью.

Сейчас, по прошествии стольких лет, Гребнев подумал, что его временные, а точнее, кратковременные подруги были не так уж плохи; среди них были даже очень хорошие. Если бы в отношениях с какой-либо из них он пошел бы ей навстречу, попытался понять ее и сделать понятным себя, хотя бы частично раскрыться, они бы постепенно притерлись друг к другу и, как знать, возможно, создали бы хорошую семью.

Но Гребнев категорически не желал раскрываться. Он просто искал женщину, во всех отношениях ему подходящую. И не находил. Не находил потому, что характер, интересы, желания самой женщины он не принимал во внимание.

А все из-за того, что его первая, настоящая, сильная любовь закончилась полным крахом.

5.

Виолетта была актрисой Приморского краевого драматического театра имени Горького. Гребнев познакомился с ней в одной веселой компании, по какому поводу собравшейся, он уже не помнил. Юная актриса, безусловно, была душой компании, «царицей бала». К ней было приковано внимание всех мужчин, даже тех, кто явился на это праздничное мероприятие с женой.

Гребнев был уверен в том, что по прошествии стольких лет уже давно забыл, как выглядела Виолетта, но оказалось, что он помнит ее в мельчайших подробностях. Озорные, вечно смеющиеся глаза, чуть вздернутый носик, пухлые губки, так и напрашивающиеся на поцелуй, пышные рыжие волосы. В тот вечер она была неотразима: в меру ласкова и в то же время в меру насмешлива, иронична с мужчинами, дружелюбна и даже почтительна с женщинами, настолько дружелюбна и почтительна, что те вовсе не

обижались на нее и не завидовали ее явному успеху (что, согласитесь, с женщинами случается крайне редко).

Но на молодого Захара в тот раз красавица Виолетта не произвела впечатления. В его глазах она выглядела всего лишь экспансивной болтушкой и хохотушкой, весело, а порой даже опасно, на грани приличия, шутившей со всеми мужчинами и поочередно со всеми танцевавшей, в том числе и с Захаром. То, что восхищало всех, его оставило абсолютно равнодушным.

Скорее всего, он забыл бы эту артисточку на другой же день, но случилось так, что приятели собрались в театр и пригласили с собой Захара. Давали «Оптимистическую трагедию». Гребнев увидел Виолетту в роли комиссара. И поразился, увидев совсем другую женщину. От ее бесшабашной веселости не осталось и следа. Она была предельно сдержанна, глубоко сосредоточена, в критические моменты не только в ее голосе, а во всем облике, движениях, походке отчетливо проступала непреклонная, непробиваемая твердость. Но когда она оставалась на сцене одна, когда ей не нужно было противостоять буйной команде революционных моряков, через ее комиссарскую железобетонность вдруг проступала неистраченная нежность и даже слабость обыкновенной женщины, тоскующей по любимому мужчине, находящемуся где-то далеко-далеко, поскольку волей истории они оба оказались втянутыми в жестокую, беспощадную, бескомпромиссную классовую борьбу. А как она умирала в конце спектакля! Без излишнего, наигранного, направленного на выжимание слезы из публики трагизма. Умирала просто, как, наверное, и умирают солдаты на настоящей, а не на театральной войне. Зал бурно аплодировал, затихал и начинал аплодировать снова. Артисты несколько раз выходили на сцену, и Виолетта, конечно, была в центре внимания.

Гребнев был потрясен. «Кто же она на самом деле? — мучительно размышлял Захар. — Легкомысленная девица или талантливая актриса, способная глубоко проникнуть в характер и понять судьбу своей героини, а затем выдать это зрителю так, чтобы в зале не осталось равнодушных?» Молодой и тогда еще не слишком обремененный грузом жизненного опыта, а потому достаточно наивный, Захар не знал, что в характере одного человека могут странным образом уживаться самые разные, порой, казалось бы, взаимоисключающие черты.

На следующий спектакль Гребнев пришел с огромным букетом. На сей раз его восхитило исполнение Виолеттой роли Катарины в «Укрощении строптивой» Шекспира. Он вдруг представил себя в роли Петруччо, но не на сцене, а в жизни. Решительный и даже слегка амбициозный моряк чувствовал в себе достаточно сил, чтобы укротить любую строптивицу. Но он решительно не хотел, чтобы у него и Виолетты (он мысленно уже видел ее рядом с собой) все пошло как в спектакле. Шекспировский вариант показался ему слишком грубым и унизительным для женщины. Правда, режиссер (как это делают, кажется, все постановщики данной комедии) и по ходу действия, и особенно в финале, сохраняя шекспировский текст, интерпретировал поведение действующих лиц таким образом, чтобы защитить женское достоинство строптивой Катарины. Но даже и такой, смягченный вариант не устроил Захара. «У нас все будет по-другому!» — с присущей молодости самонадеянностью твердо заявил Захар сам себе.

После спектакля он прошел за кулисы и, не обратив внимания на каких-то мужчин, попытавшихся его придержать, решительно открыл дверь в артистическую уборную в тот момент, когда актриса только что сняла пышное средневековое платье своей героини, но еще не успела надеть халат. Оказавшись перед кавалером в нижнем белье, кстати, весьма открытом, Виолетта, однако, ничуть не смутилась.

— Здравствуйте, хмурый мореплаватель! — с лукавой улыбкой приветствовала она Захара.

— Почему хмурый? — удивился Захар.

— Но тогда, в нашей веселой компании, вы были, кажется, единственным, кого мне так и не удалось очаровать.

— А вы хотели меня очаровать? — удивился Захар еще больше.

— Я актриса, и это часть моей профессии. Хмурый мужчина в моем присутствии, мужчина, не поддавшийся моим чарам, — это брак в моей работе.

— В таком случае считайте, что вы устранили ваш брак. Вы замечательная актриса. Я восхищен вашей игрой. Это вам от благодарного зрителя. — Захар протянул Виолетте букет.

— Какие чудесные цветы! Спасибо! — Актриса прижала букет к груди и слегка прикрыла глаза, наслаждаясь запахом цветов.

Только теперь Захар обратил внимание на то, что женщина стоит перед ним почти обнаженной. Кажется, и до Виолетты дошла некоторая пикантность создавшейся ситуации.

— Будьте добры, накиньте мне на плечи халатик: у меня руки заняты, — невинным голосом с обворожительной улыбкой попросила она Захара.

Гребнев тут же выполнил ее просьбу, но в тот момент, когда

его ладони оказались на ее плечах, он слегка прижал ее к своей груди и на несколько секунд задержал в такой позиции. Она не возражала и даже, как показалось Захару, поощрила его скромную ласку мимолетной полуулыбкой.

Затем Виолетта сняла с полочки большую вазу и вставила в нее букет, бережно расправив цветы, что придало букету особую пышность. И только после этого она продела руки в рукава халата, запахнула его и завязала поясок.

— После спектакля у нас обычно организуется маленький банкетик. Такова традиция. Я вас приглашаю, — сказала Виолетта и, кивнув головой в сторону подаренных Захаром цветов, кокетливо добавила: — Женщине трудно устоять перед таким шикарным букетом.

— Спасибо! Я с удовольствием! — радостно воскликнул Захар, продолжая восхищенно смотреть на актрису и не двигаясь с места.

— Но мне нужно переодеться, — тактично подсказала Виолетта.

Захар понял свою маленькую оплошность.

— Конечно, конечно, — торопливо заговорил он, — я подожду вас за дверью.

— Там есть маленький диванчик, вы можете отдохнуть, — напутствовала его Виолетта.

Выйдя из уборной, Захар действительно обнаружил небольшой старый, сильно обшарпанный диван и присел на него.

Мимо туда-сюда сновали люди. Актеры возбужденно делились друг с другом впечатлениями о спектакле, о том, как реагировали на него зрители; костюмерши несли костюмы и платья, в которых выступали артисты; рабочие сцены тащили в кладовые детали театрального реквизита. Некоторые, особенно женщины, бросали на Гребнева заинтересованные взгляды.

Захар чувствовал себя не слишком уютно. К счастью, ждать Виолетту пришлось недолго. Она вышла в шикарном длинном вечернем платье с глубоким декольте. Руки полностью обнажены, на пальцах перстни с крупными камнями, на шее золотая цепочка. Тщательно смытый грим заменил неброский, утонченный макияж. Виолетта выглядела как настоящая прима. Она грациозно подала руку вскочившему с дивана Захару, и они направились в комнату, где уже собралось довольно много народу.

Присутствовали не только участники спектакля. Были какие-то чиновники из отдела культуры горсовета, пара представителей общественных организаций. Во главе стола восседал один из секретарей крайкома партии (по мнению Гребнева, на этом месте должен был бы сидеть режиссер, но тот почему-то скромно притулился на другом конце стола).

«Маленький банкетик» вылился в грандиозную пьянку. Гребнев довольно смутно помнил все происходящее, хотя в тот вечер почти не пил. В его памяти сохранились лишь отдельные эпизоды. Звучали здравицы в честь великого театрального искусства. Актеры поздравляли режиссера, а тот произнес откровенно подобострастный тост в адрес секретаря крайкома. Секретарь в ответ пообещал, что «наша партия и впредь будет заботиться о процветании советской культуры». Вместе с тем он осторожно намекнул присутствующим, что хотя Шекспир, конечно же, великий драматург, но в советском театре хотелось бы видеть больше пьес советских авторов. Коллектив хором напомнил, что уже поставил «Оптимистическую трагедию» и готовит к постановке еще ряд советских спектаклей.

Некоторые участники застолья быстро захмелели, но опытные выпивохи держались, хотя и вели себя все более раскованно. Вспоминали забавные эпизоды из театральной жизни, рассказывали весьма смелые, иногда откровенно скабрезные анекдоты. Это ни у кого не вызывало ни тени смущения. Все, в том числе и женщины, заливались веселым смехом.

Довольно крупный мужчина, исполнявший роль Петруччо, откровенно лез к Виолетте с поцелуями, делая вид, будто он забыл, что они уже не на сцене и перед ним вовсе не Катарина. Обращаясь к Виолетте, он сыпал цитатами из своей роли:

— Кет, милая, в постель нам не пора ли?

— Увижу раньше, как тебя повесят! — тоже цитатой отвечала Виолетта.

— Кет, поцелуй! — не унимался Петруччо.

Ловко увернувшись от рук и губ своего партнера по сцене, Виолетта-Катарина продолжала со смехом отражать его атаки очередными цитатами:

— Ступай, болван, командуй над прислугой!

Актеры, участвовавшие в спектакле, охотно вступили в игру, поддерживая цитатами то Виолетту, то ее соперника.

Вскоре секретарь крайкома, сославшись на необходимость хоть немного выспаться перед завтрашним напряженным трудовым днем, поднялся из-за стола и направился к выходу.

— Но завтра же выходной! — наивно попыталась задержать его пожилая актриса.

— Это у вас выходной, — строго ответил секретарь, — а партийное руководство работает и по выходным, и по ночам. Такая уж наша судьба.

Вслед за партийным руководителем остальные чиновники тоже покинули веселое сборище. Вот тогда и началось настоящее веселье. Тосты на брудершафт, затяжные поцелуи, бешеные танцы. Спонтанно возникали и тут же разыгрывались пародии на

сцены из различных спектаклей. При этом тексты пародий были настолько двусмысленны, что их можно было произносить разве что в узком кругу единомышленников.

Виолетта в этом балагане чувствовала себя как рыба в воде. Как и в прошлый раз, она со всеми шутила, со всеми танцевала, со многими даже с явным удовольствием целовалась.

А Захар сидел как на иголках. Он хотел как можно скорее уйти, но уйти, конечно, не в одиночку, а с Виолеттой. В какой-то момент она подбежала к нему и, схватив обе его руки, потащила танцевать. Но Захар уперся. Он пристально взглянул на Виолетту и тихо произнес: «Уйдем!» И вдруг совершенно неожиданно для него она согласно кивнула головой.

Началось прощание с объятиями и поцелуями. Уже изрядно захмелевший Петруччо попытался задержать Виолетту, но получил резкий отпор.

Из шумного театра они вышли в притихший ночной город. Свежий воздух ласкал их разгоряченные лица. Тишину нарушало лишь шуршание по асфальту изредка проезжавших машин. Виолетта прижалась к Захару.

— Тебе у нас не понравилось, — извиняющимся голосом тихо произнесла она. — Я очень расстроена.

— Не это главное, — ответил Захар, одновременно отметив, что она перешла на «ты».

— А что же?

— Главное, что ты потрясающая актриса. И тебя ждет большой, грандиозный успех.

Она всем корпусом повернулась к нему.

— Правда? Ты правда так думаешь?

— Я в этом уверен!

Виолетта жила в однокомнатной квартирке недалеко от театра. Как-то само собой получилось, что они вместе поднялись на третий этаж и вошли в ее уютное жилище. Она его специально не пригласила, просто сочла это совершенно естественным. В прихожей он помог ей снять плащ, а когда она повернулась к нему лицом, он увидел в ее глазах такой откровенный, такой страстный призыв, что немедленно отбросил всякие сомнения. Они кинулись в объятия друг к другу и уже не сдерживали своих желаний.

6.

С этого момента жизнь Гребнева оказалась втянутой в какой-то чудовищный круговорот. Привыкший пусть к трудному, напряженному, но четкому, а главное, осмысленному морскому порядку, Захар в этой богемной среде совершенно потерял контроль над собственными действиями. Теперь он присутствовал на всех спектаклях, в которых выступала Виолетта. После спектаклей он вынужден был участвовать обычно в коротеньких, но в отдельных случаях довольно затяжных и буйных попойках. Домой возвращались поздно. Разогретые впечатлениями от очередного сценического успеха молодой актрисы, а также изрядной долей алкоголя, они, едва сбросив с себя одежду, обрушивались на многострадальный диван и самозабвенно, до полного изнеможения предавались любовным играм. Засыпали под утро, вставали в полдень. Съев первое из того, что удавалось обнаружить в холодильнике, и выпив обязательную чашечку крепкого кофе, Виолетта бежала в театр на репетицию. Проводив ее торопливым поцелуем, Захар делал уборку в квартире, затем принимал контрастный душ и шел в магазин за покупками: нужно было приготовить какую-нибудь еду. Наслаждаясь первыми, еще непривычными для нее лучами зарождающейся славы, Виолетта совсем не занималась хозяйством.

Пару раз группа артистов, в состав которой обязательно входила Виолетта, выезжала с концертами в города Приморья: Находку, Уссурийск, Артем. Гребнев обязательно их сопровождал, исполняя роль носильщика и грузчика, а иногда, будем откровенны, мальчика на побегушках. Но его это нисколько не смущало; все моральные издержки компенсировались бурными ночными ласками его возлюбленной.

Постепенно Захар привык к необычному театральному коллективу, новому для него образу жизни. С некоторыми артистами он даже подружился. Довольно скоро он понял, что под внешне бесшабашным поведением актеров скрывается страстная любовь к искусству, серьезное отношение к своей профессии, напряженная, порой мучительная работа над ролью, глубокие переживания успехов и неудач. А чего стоят длительные, порой многолетние ожидания «своей» роли! А эту роль почему-то дают другим, вовсе не отличающимся каким-то особым талантом. Интриги, интриги! Конечно, они есть везде, в том числе и на флоте. Но на флоте, в условиях хронического дефицита кадров, они, как правило, не имеют слишком уж тяжелых последствий. Совсем другое дело — театр. Гребневу становилось порой даже жалко актеров, особенно женщин, театральный возраст которых растет значительно быстрее, чем у мужчин. Исполнилось столько-то лет — и уже не сыграешь Джульетту; еще немного — и для Катерины из «Грозы» и Катарины из «Укрощения строптивой» ты, оказывается, уже старовата. Остается мечтать о Кабанихе или Вассе Железновой (лет сорока двух, кажется — моложе, как

указано самим Горьким). И вдруг, как всегда неожиданно, наступает старость. И силы уже не те, и множество забот, весьма далеких от театра, и самоуверенная, бесцеремонная молодежь наступает, не считаясь с твоими прошлыми заслугами. А тебе достаются маленькие, эпизодические роли старух. И, конечно, не тебе аплодирует зал. Правда, в мировой литературе есть замечательные «старушечьи» роли, например, Люси Купер в пьесе Дельмара «Дальше тишина». С какой проникновенной силой исполняла ее незабвенная Фаина Раневская! И ее партнер Ростислав Плятт в роли Барклая Купера был просто неподражаем. Но театр эту прекрасную, глубоко лиричную пьесу почему-то не включает в свой репертуар.

Виолетта в тот чудесный период своей жизни была свободна от подобных комплексов. Она исполняла почти все роли молодых девушек. На сцене она веселилась, влюблялась, страдала, мстила неверным любовникам, умирала и возрождалась вновь, когда в конце спектакля артисты выходили на сцену и раскланивались под аплодисменты зрителей.

Глядя на свою возлюбленную в те часы, когда они были вместе, и беспрерывно думая о ней, когда, проводив ее на репетицию, он оставался один, Гребнев никак не мог избавиться от ощущения, что он общается с двумя совершенно разными, прямо-таки полярно противоположными женщинами. На сцене — необыкновенно талантливая, многоплановая актриса, блестяще, с одинаковым успехом исполняющая и положительные, и отрицательные роли; в жизни — легкомысленная, взбалмошная, временами почти вульгарная девица.

Захар пытался осторожно поговорить с ней по поводу ее поведения, доставлявшего ему множество неприятных моментов и в конце концов ущемлявшего его мужское самолюбие. В ответ она лишь смеялась, изящно запрокинув голову и всплескивая руками, а затем закрывала его рот жаркими поцелуями. И бедный Захар забывал обо всем на свете.

Но однажды он все-таки не выдержал. После очередной вечеринки, где Виолетта вела себя особенно вызывающе, он решил строго, почти ультимативно, предъявить ей свои требования. Но не успел он закончить первую фразу, как Виолетта посмотрела в его глаза очень серьезно, как иногда смотрела в глаза своих партнеров на сцене, и тихо, с какой-то из глубины души идущей радостью произнесла:

— Захар, милый, ты представить себе не можешь, как я счастлива! Мне предложили роль в кино. Замечательную роль!

Это действительно был сюрприз. Нет, это было грандиозное событие! Гребнев мгновенно представил, как миллионы зрителей видят его любимую на большом экране и, конечно же, восхищаются ее игрой. А они сидят рядом в темном кинозале, взявшись за руки, и в десятый, сотый раз переживают каждый эпизод фильма, в котором участвует великая, да, теперь уже великая актриса, его, да, теперь уже навсегда его, любимая подруга, пожалуй, уже и жена.

— Поздравляю! Безумно рад за тебя! Не сомневаюсь, что тебя ждет потрясающий успех, настоящий триумф!

— Но мне еще предстоит пройти пробы, — озабоченно сказала Виолетта.

— Ну, их-то ты пройдешь легко, — беспечно заверил ее Захар. — Ведь пробы — это что-то вроде экзаменов. А сколько экзаменов мы с тобой уже посдавали за твою студенческую и мою курсантскую молодость! Сдадим и этот.

— Ты уверен?

— Я верю в твой талант и нашу удачу!

7.

Чтобы как можно дольше побыть со своей возлюбленной, Гребнев оформил не только отпуск, но и отгулы, накопленные за время пребывания в море. Однако все когда-нибудь заканчивается. Закончился и его суматошный отдых, если, конечно, можно назвать отдыхом многодневное стрессовое состояние, стремительно переходящее от бурного восторга к глухому раздражению и обратно. Настала пора расставания с веселой театральной, точнее, околотеатральной жизнью и возвращения к серьезной работе. Из уютной квартирки — в бушующий океан, с твердой земли — на качающуюся палубу.

Как раз в это время из очередного рейса в порт пришла его «Ангара». Значит, и впрямь пора, решил Гребнев. Как говорили друзья еще с курсантских времен, «в морях твои дороги!».

Прощаясь с Захаром, Виолетта была необыкновенно нежной. Она хотела проводить его до причала, но Гребнев решительно пресек эту попытку.

— На причалах провожают пассажирские и круизные суда. С цветами, поцелуями и прочей ерундой, — объяснил он своей подруге. — А моя «Ангара» — грузовое судно, рабочая лошадка. На нем всякие сантименты неуместны. Так что, давай, любимая, простимся в дверях твоей квартиры.

— Нашей квартиры, — мягко возразила Виолетта. — И вот тебе ключ от ее дверей.

Она протянула Захару дубликат ключа. В ее глазах стояли слезы,

но усилием воли она подавила плач.

— Пока даю тебе только ключ, — тихо сказала Виолетта, — а вернешься, получишь руку и сердце.

— Я вернусь, обязательно вернусь! — вскричал Гребнев, крепко прижимая к себе Виолетту. — Обычно рейс длится полтора — два месяца. Так что скоро опять будем вместе.

— Два месяца — это так долго! — прошептала Виолетта. — Я не выдержу.

— Ничего, выдержишь! — ободряюще заверил Захар. — Привыкай. Ты теперь жена моряка.

В тот момент, момент нежного прощания с надеждой на скорую радостную встречу, молодой штурман Захар Гребнев не обратил внимания на слова Виолетты «я не выдержу». А слова-то оказались пророческими, хотя ни он, ни она об этом тогда еще даже не подозревали.

В течение всего рейса Захар ощущал необыкновенный подъем сил, его не покидало радостное настроение. Это заметили даже его товарищи.

— Вот что значит грамотно организовать отпуск, — не скрывая белой зависти, говорили одни.

— Отпуск тут ни при чем, — возражали другие. — Наш штурман явно влюбился.

— Колись, Захар! — дружно требовал коллектив.

Но Захар лишь загадочно улыбался.

— Не спешите, ребята. Вернемся во Владивосток, все узнаете.

Ребята нехотя соглашались.

Так получилось, что рейс окончился значительно раньше запланированного срока. Удружила погода. Несмотря на уже начавшуюся осень, обычно штормовую и туманную, на сей раз море было непривычно спокойное. «Ангара», быстро выгрузив на Камчатке мясо-молочную продукцию и загрузившись мороженой рыбой, вернулась в родной порт.

«Как мне повезло!» — ликовал Захар. Закончив самые неотложные дела, он помчался на паром, курсирующий между мысом Чуркин, где располагался рыбный порт, и основной территорией города. Его переполняло предвкушение предстоящей радостной встречи. Время от времени он нащупывал лежащий в кармане ключ.

Было уже довольно поздно. «Наверное, она только что вернулась после спектакля, — подумал Захар. — Усталая, голодная. А дома наверняка ничего нет». Он вспомнил, что Виолетта не любит готовить, а иногда вообще забывает поесть. Захар заскочил в гастроном, быстро купил всякой еды и бутылку вина. «Сейчас устроим пир на весь мир!» По мере приближения к уже ставшему родным дому Захар возбуждался все сильнее.

Вот, наконец, знакомый подъезд. Лифт стоит на первом этаже. «Меня встречает», — улыбнулся Захар, заходя в кабину и нажимая кнопку. Он достал из кармана ключ еще до того, как лифт остановился на нужном этаже. А вот и дверь, у которой они простились совсем недавно. Захар, как хозяин, *своим* ключом отворил *свою* дверь. В прихожей и на кухне было темно. Из комнаты сквозь прикрытую дверь пробивался неяркий свет. «Наверное, настольная лампа», — подумал Захар и вошел в комнату.

Сильнейшие чувства, стремительно сменяя друг друга, забурлили в душе Гребнева. Сначала удивление, затем страшная догадка и, наконец, бешеная ярость. Как штормовая волна, обрушившаяся на палубу судна и сметающая все на своем пути, ярость вспыхнула в душе Гребнева и, затмив разум, потребовала незамедлительного выхода наружу.

На диване, на том самом диване, где они с Виолеттой провели столько счастливых ночей, теперь его возлюбленная лежала с каким-то мужиком. Подчиняясь скорее инстинкту, нежели разуму, Захар схватил мужчину за волосы и рывком сдернул с дивана. Тот оказался совсем голым. Он попытался сопротивляться, правда, довольно вяло. Видимо, сказались внезапность нападения и комплекс вины человека, застигнутого на месте преступления. Привычным приемом Захар заломил его руку за спину и потащил к входной двери. «Стой! Дай одеться!» — закричал мужчина, и Захар узнал Петруччо, постоянного партнера Виолетты на театральной сцене. Ярость Захара, кажется, достигла предела. Он распахнул дверь и вышвырнул артиста на лестничную клетку, как тот и был, в голом виде. Затем вернулся в комнату и включил люстру.

Виолетта сидела на диване, до самого подбородка закутавшись в одеяло, будто пытаясь защититься от так внезапно появившегося взбешенного Гребнева. Он смотрел на нее, на свою любимую женщину, но видел в ее глазах только животный страх, ужас перед неминуемой, как ей казалось, расплатой.

Захар машинально окинул взглядом комнату. На кресле лежала одежда Петруччо. Он сгреб ее в одну кучу, открыл форточку и выбросил наружу.

От серии резких движений ярость Захара слегка поубавилась; к нему вернулась способность соображать. Он вновь посмотрел на Виолетту, открыл рот, понимая, что необходимо что-то сказать, но вдруг как-то сразу осознал, что сказать ему просто нечего. Бросить ей в лицо резкие обвинения? Но она и сама понимает, что ужасно виновата. Грубо оскорбить, обругать? Но, кажется, она от страха находится в предоб-

морочном состоянии и не способна ничего воспринимать. Высечь? Но чем? Под руками не было ничего подходящего. Не вытаскивать же из брюк собственный ремень. А бить женщину кулаками Захар не мог себе позволить даже в такой ситуации.

Он вдруг вспомнил рассказы моряков о различных случаях женской измены, иногда драматичных, а иногда откровенно смешных, анекдотичных. Что только не выделывают хитроумные жены и подруги, пока их мужчины бродят по морям! И еще ему вспомнилось, что казаки у дверей в хату вешают нагайки как постоянное напоминание о неминуемом наказании за любой проступок, особенно за измену.

И тут вдруг совершенно неожиданно ему стало смешно. Он начал смеяться сначала негромко, прерывисто, пытаясь сдержать этот абсолютно неуместный смех, но, так и не сумев его сдержать, захохотал звонко, раскатисто, взахлеб. На его глазах выступили слезы. Захар понимал, что это истеричный смех, смех на нервной почве, но остановиться не мог.

Из открытой форточки потянуло холодом. Виолетта поежилась и еще плотнее закуталась в одеяло. Почему-то это естественное движение отрезвило Захара. Он успокоился. Так все-таки, что же дальше делать? И сам собой выпал простой ответ: сделать уже ничего нельзя, да и не нужно. И мгновенно поняв эту простейшую истину, Гребнев повернулся и вышел из квартиры. Вышел навсегда. И не только из квартиры, но и из жизни женщины, которую действительно очень любил. Любил со всей юношеской страстью, глубиной и надежностью сильного и честного человека с чистой, доверчивой душой.

Но все же еще одна, правда, совсем короткая встреча с Виолеттой состоялась. Случилось это уже в начале зимы. «Ангара» стояла у причала рыбного порта под выгрузкой. В каюту Гребнева вошел вахтенный матрос и сообщил, что к Захару пришла женщина.

— И какая женщина! — Матрос заговорщицки подмигнул штурману. — Артистка. Ее даже по телевизору показывали.

Захар сразу понял, о ком идет речь и, не скрывая раздражения, бросил вахтенному:

— Ладно, проводи ее ко мне.

— А вы, Захар Ильич, как я вижу, даром времени не теряете, — с откровенным уважением сказал матрос. — Такую девицу отхватили! Позавидуешь!

— Могу подарить ее тебе, если хочешь, — буркнул Захар. — Только от такого подарка у тебя скоро рога вырастут.

Матрос недоуменно пожал плечами и вышел из каюты. Через пару минут раздался осторожный стук в дверь, и в каюте появилась Виолетта. Она была в дорогой шубе из серого каракуля и такой же зимней шапочке.

— Здравствуй, Захар!

— Здравствуй! — Гребнев поднялся из-за письменного стола, но не сделал ни шагу навстречу Виолетте.

Наступило неловкое молчание. Виолетта ждала, что Захар предложит ей раздеться, но Захар смотрел на нее абсолютно холодными глазами и молчал.

— Можно, я сниму шубу? У тебя в каюте жарко, — прервала, наконец, Виолетта слишком затянувшееся молчание.

— Не стоит, — резко возразил Захар, пренебрегая элементарными нормами вежливости. — Надеюсь, наш разговор будет предельно коротким.

— Это зависит только от тебя, Захар, — ответила Виолетта. При этом она присела на диван, расстегнула шубу и, будто оправдываясь, сказала: — У тебя правда жарко.

— Зачем ты пришла, Виолетта? Что тебе нужно?

Виолетта опустила голову и заговорила, сначала тихо, изредка бросая призывные взгляды на Захара, словно умоляя понять ее, затем все громче и громче, все более нервно, с короткими паузами, подыскивая нужные, самые убедительные слова.

— Захар, я страшно виновата перед тобой. Я поступила подло, и нет мне прощения. — Короткая пауза. — Но я много думала о нас с тобой. Я и раньше вела себя безобразно. Видела, как ты страдал, но продолжала тебя дразнить. — Снова короткая пауза, затем почти крик. — Но я слабая, глупая женщина, вздорная баба, а ты сильный, умный мужчина. Прости меня! Обещаю, что буду вести себя иначе. У нас все будет иначе. Ты только пойми меня и прости!

— Ты ошиблась адресом. Обращайся к своему Петруччо, — ледяным тоном перебил ее Гребнев.

Виолетта горько усмехнулась:

— Забудь о нем, Захар, как забыли все и я в том числе. Его пробежка по вечернему Владивостоку в голом виде каким-то образом получила огласку. Посыпались насмешки, злые остроты, даже эпиграммы. Он вынужден был уйти из театра. Кстати, мне тоже досталось. Коллеги узнали, откуда он стартовал. Ну и... сам понимаешь!

— Вот и помогли бы друг другу в трудную минуту. — В голосе Гребнева прозвучала злая ирония.

— Захар, ты не все знаешь! — воскликнула Виолетта, молитвенно сложив ладони и всем корпусом подавшись к Захару. — Ты помнишь, как я хотела сняться в кино? Я была уверена в успехе. И пробы вроде бы прошла неплохо. Но на роль взяли другую

актрису. Говорили, блатную. По протекции с самого верха. Ну да это уже неважно. После той неудачи и в театре отношение ко мне изменилось. Ты же знаешь, с каким наслаждением у нас добивают споткнувшихся, потерпевших провал коллег. И лишь один Петруччо, как ты его называешь, проявил сочувствие, поддержал. — Виолетта замолчала на несколько секунд, затем вскочила с дивана и сделала шаг к Захару, продолжавшему стоять, слегка облокотившись на крышку письменного стола. — То, что ты увидел, ну, там, в моей комнате ...

— В твоей постели, — перебил Гребнев.

— Ну да, да! Но это была минутная слабость. Поверь, Захар! Мне тогда была очень нужна чья-нибудь поддержка. А ты был в море, далеко. А он оказался рядом. Но я его никогда не любила, честное слово! Он для меня был только партнером по сцене, не более того. А люблю я только тебя!

Лицо Виолетты выражало такое страдание, такое отчаяние, что в душе Гребнева шевельнулась жалость к этой несчастной женщине. Действительно, после шумного успеха пережить столь серьезный провал! И на работе, и в личной жизни. И правда не позавидуешь.

Гребнев хотел было двинуться навстречу своей бывшей любимой; он даже оттолкнулся руками от письменного стола. Но в этот момент словно молния пронзила его мозг: «Ведь она актриса! Прекрасная, талантливая актриса! Она и сейчас играет! И как на сцене, ждет аплодисментов. Только на сей раз вместо аплодисментов она хочет получить меня. Хочет вернуть человека, которого всегда можно будет загрузить своими проблемами. Это же так удобно!» Гребнев вспомнил, как его удивляла вопиющая разница между Виолеттой на сцене и Виолеттой в жизни. «Она же сейчас на сцене! — с предельной ясностью вдруг осознал Гребнев. — И про любовь она врет, точнее, она ее, любовь то есть, играет».

— Я тебе не верю. И лучше тебе сейчас уйти, уйти навсегда! — решительно прервал Гребнев страстную речь Виолетты.

— Захар, ты совершаешь страшную ошибку, — тихо сказала Виолетта. — Ты лишаешь счастья и меня, и себя.

— Ты еще найдешь свое счастье, Виолетта. Временные неудачи бывают у всех. Но ты действительно красивая женщина и хорошая актриса. Вокруг тебя всегда гудит, бьет копытами целый табун поклонников. Так что все в твоей жизни будет хорошо. А сейчас уходи!

Виолетта сделала несколько неуверенных шагов по направлению к двери, но затем остановилась и медленно повернулась к Гребневу.

— Захар, я еще не все сказала.

— Что еще? — Гребнев не скрывал раздражения.

— У нас будет ребенок. Твой ребенок, Захар!

После той встречи, точнее, той секунды, того мгновения, когда Захар узнал о ребенке, которого еще не было, но который неминуемо, в назначенный срок должен был появиться на свет, проходили сначала месяцы, потом годы. И вспоминая этот миг, даже много лет спустя, Гребнев все отчетливее осознавал, что это был важнейший, переломный момент в его жизни. А что если в тот раз Виолетта была вполне искренна? А если бы он ей тогда поверил? Может, сегодня он был бы солидным, довольным жизнью, уважаемым отцом семейства. Тот самый, тогда еще не родившийся ребенок уже давно стал бы взрослым и имел бы своих детей, внуков Гребнева. А ведь, наверное, у них с Виолеттой были бы еще дети. Они бы все вместе ходили в театр, где на сцене блистала их мама, потом бабушка. Во время стоянок в порту Гребнев приводил бы детей на свою любимую «Ангару», подробно объяснял бы им устройство судна. Может, кто-то из них тоже связал бы свою судьбу с морем. И появилась бы на российском Дальнем Востоке морская династия Гребневых.

Но ничего этого не случилось. В тот действительно судьбоносный момент все другие мысли из головы Гребнева вытеснило глубоко оскорбленное самолюбие. Обманутый любовник! Муж-рогоносец! Этого молодой штурман простить не мог. А задуматься о будущем у него в тот момент просто не было времени.

— А может, это ребенок Петруччо? — язвительно улыбнувшись, спросил Гребнев.

— Нет! Захар, это твой ребенок. Клянусь! — вскричала Виолетта.

Они посмотрели друг на друга. Виолетта — с раскаянием и надеждой, Захар — с глухим, отталкивающим упрямством. После довольно продолжительного молчания Гребнев в третий раз произнес:

— Уходи!

Продолжение следует.

Мурманск — Москва

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Продолжение. Начало в № 7, 8, 9 за 2016 год

Шанс

Повесть

ГЛАВА 4. ЗРЯЧАЯ ФЕМИДА

Метлов приехал со следователем и сыщиками в квартиру Мамина, не особенно надеясь на успех. Он продолжал считать телефонный донос ложным. И был неприятно удивлен, когда следователь Туликов на кухне обнаружил пистолет с полупустой обоймой в жестяной банке для хранения муки. Хозяин квартиры начал взволнованно оправдываться:

— Впервые вижу это оружие! Я и обращаться с ним не умею.

— Ты пургу не гони! Большинство нынешних киллеров тоже в армии не служили, но чтобы застрелить в упор человека, особых навыков не надо.

— Но как пистолет попал в мой дом, ума не приложу! Хотя постойте! Когда я возвращался после встречи с Захаровым, меня в подъезде оглушили. И, возможно, пока я был без сознания, преступник проник в квартиру и подложил пистолет.

— Ну ты и фантазер! Хорошо, что нас не обвиняешь в подкидывании тебе ствола. Понятые, обратите внимание на правильность фиксации в протоколе заводского номера оружия и отсутствия в обойме патронов. Это важно: мы будем направлять пистолет на баллистическую экспертизу для проверки, где оно успело ранее громыхнуть.

В этот момент один из сыщиков радостно позвал всех в комнату. Он обнаружил на шкафу бумажник с деньгами и документами убитого Захарова. И следователь Туликов торжествующе спросил:

— Ну, что теперь скажете, гражданин Мамин? Или воображения не хватает объяснить наличие чужого бумажника в вашем доме?

— Послушайте, все эти находки во время обыска вызывают удивление. Скорее всего, меня подставляет именно тот Бугров, материалы о преступлениях которого я передал Захарову.

— Опять ты завел придуманную на ходу историю. Скажи, а ты заявление о нападении на тебя у лифта в полицию подавал?

— Нет, а зачем? Ведь лично у меня ничего не пропало. Только вот шишка на затылке осталась. Можете даже пощупать. До сих пор побаливает.

— Да мало ли где ты по пьяному делу травму получил. Скорее всего, стукнулся головой, раскатывая на своих «жигулях». Давай, признайся в убийстве и облегчи свою душу.

— Но я не виноват в смерти Захарова! Мы действительно с ним встретились у загородного озера. Но когда я оттуда уезжал, он был жив! Вы нашли на месте убийства коричневую папку с копиями финансовых документов?

— Не было там никаких папок. Кстати, если ты и вправду передал Захарову копии, то у тебя должны остаться подлинники. Представь их нам.

— Но я никому не доверяю и потому их предъявлю непосредственно на суде. А пока пусть полежат в потайном месте.

— Как хочешь! Но якобы собранные тобой документы теперь без надобности. Для твоего обвинения у нас достаточно доказательств. Пистолет, обнаруженный в твоей квартире, перевесит весь твой оправдательный лепет. Если готов сразу признаться, то я пойду навстречу и оформлю явку с повинной. А сейчас собирайся, поедешь с нами.

Следователь открыто торжествовал, предвкушая славу и почет за успешное раскрытие тяжкого преступления. Приехав в отдел полиции, он решил добиться быстрого признания и попросил не мешать ему лично вести допрос. Метлов не возражал и воспользовался возможностью обдумать сложившуюся ситуацию. Он, в отличие от своих коллег, продолжал сомневаться в виновности Мамина: «Пистолет, подкинутый в дом Мамина, доказывает его вину. И следователь не станет настаивать на представление ему материалов против Бугрова. Для выяснения истины мне еще надо покопаться в этом запутанном деле».

Решив действовать, Метлов позвонил эксперту-криминалисту:

— Привет, Виктор, каков предварительный результат?

— Исследование показало, что пистолет, найденный в доме Мамина, использовался при убийстве Захарова. Но отпечатков пальцев на оружии не обнаружено.

— А на обойме и патронах смотрел?

— Обижаешь, начальник. Я не первый год баллистикой занимаюсь. Похоже, убийца работал в перчатках. Из телесериалов эту уловку все знают. А попасть в голову жертвы с двадцати сантиметров и наш чудик Мамин мог. Тут особых навыков не требуется.

— Я тебя понял. При таких обстоятельствах адвокату Мамина остается только упирать на его безупречное прошлое. Жаль мужика, но нечего было идти против влиятельных людей и плевать против ветра. Для очистки совести зайду все-таки к следователю и поделюсь своими сомнениями.

Сыщик застал Туликова в отличном настроении. Тот был радостно оживлен и приветлив, предвкушая награду за поимку опасного преступника:

— Привет славным сыщикам. Если ты, Метлов, беспокоишься насчет своих заслуг в раскрытии убийства, то я в победном рапорте упомяну твое участие в обыске.

— Я пришел не для дележа лаврового венка. Скажи, ты собираешься проверять версию Мамина, что ему подкинули оружие, пока он лежал без сознания в подъезде?

— А кто поверит в такой бред? Убийце было трудно быстрее Мамина приехать с озера к его дому. К тому же никто из жильцов и соседей не подтверждает данного факта. Но даже если на Мамина действительно напали в подъезде, то это никак не связано с убийством Захарова.

— Подожди, а тебя не смущает, что проведенное с использованием парафина исследование не обнаружило следов пороха на руках и одежде Мамина?

— Ну и что? С момента совершения преступления до задержания Мамина прошло достаточно времени для избавления от улик. Он мог принять душ, переодеться и избавиться от вещей, которые были на нем в момент убийства. И то, что мы не нашли пороховых следов на теле Мамина, еще не доказывает его невиновности.

— А как ты объяснишь, что Мамин взял у жертвы бумажник? Ему было совсем без надобности тащить в свой дом изобличающую его улику.

— Ну это обычная инсценировка ограбления.

— А каков мотив убийства, если встреча состоялась для передачи Захарову папки с материалами против Бугрова?

— Это тоже вполне объяснимо: не сошлись в цене сделки.

— Но мне с трудом верится, что Мамин пришел на место встречи с оружием. Это совсем не вяжется с его психологическим портретом.

— Отправляясь на серьезную встречу, Мамин вполне мог на случай конфликта захватить с собою ствол.

— Да откуда у него мог появиться пистолет?

— Откуда мне знать? Этот вопрос уже к вам, сыщикам. Я могу прямо сейчас выписать тебе поручение, и будешь со своими сыщиками рыскать по городу, выясняя, где Мамин достал нелегальное оружие. Тебе это надо? Впрочем, обойдемся. Мамин и сам расскажет, откуда у него появился ствол, когда напишет признание.

— Ладно, я тебя понял. Ты можешь на время выдать мне бумажник Захарова? Я с ним поколдую для выяснения дополнительных обстоятельств.

— Это пожалуйста. Мне для проведения следственных мероприятий эта улика пока не нужна.

Выйдя из кабинета следователя, сыщик подвел печальные итоги: «Мамина подставили основательно. Для привязки Бугрова к преступлению мне надо доказать, что убийство на озере совершил его приятель Никон. Это возможно, если на бумажнике жертвы есть следы ДНК Никона. Задание на экспертизу мне не дадут, да и время поджи-

мает. Вновь придется действовать тайно, в обход закона, через сотрудника лаборатории Заботина, племянника которого я уберег от тюрьмы».

Медик встретил его хмуро:

— Твой внезапный приезд не сулит добра. Опять племяш что-нибудь натворил?

— Нет, мне нужна помощь для проверки частной версии. Сможешь срочно провести сравнительную экспертизу следов ДНК, оставленных на этом бумажнике?

— Кто конкретно тебя интересует?

— Зарезанный накануне в беседке на набережной Никон и арестованный за убийство бизнесмена Мамин. Один сейчас отдыхает в морге, а другой сидит в камере.

— Насколько я понимаю, официального запроса у тебя нет?

— Я же сказал, это только оперативная проверка. Тебя что-то смущает? Я же не прошу подтасовать результаты. Мне нужно определиться с правильным направлением поиска.

— А ты не подумал, что за нелегальное исследование ДНК меня могут уволить за превышение служебных полномочий?

— Ты, видимо, забыл, как год назад я спас твоего племянника, принесшего наркотик в дом погибшей от передозировки девушки. Я скрыл этот факт, составив материал о приобретении дозы самой погибшей. И только благодаря мне твой племянник продолжает учиться в институте, а не сидит за колючей проволокой. Я тогда рисковал гораздо больше, чем ты сейчас.

— Я все понимаю. Только страшно идти на нарушение закона.

— Не забывай, что бывших наркоманов не бывает. Мне известно, что твой родственник продолжает глотать веселящие таблетки в кругу своих прежних дружков. И ты наверняка вскоре вновь обратишься ко мне за помощью. Разве я не прав?

— Хорошо, я согласен. В морге у меня есть знакомые, а доступ к Мамину в камеру ты обеспечишь под предлогом медицинского обследования.

— Ладно, поехали прямо сейчас. Мне срочно нужен результат.

Метлов с удовлетворением наблюдал, как Заботин торопливо собирает пробирки в свой медицинский чемоданчик. Он не сомневался, что Мамин, надеясь оправдаться, охотно даст образец своей слюны для исследования. Ну а у лежащего в морге Никона согласия спрашивать никто не собирался.

Когда вскоре Заботин сообщил, что на бумажнике жертвы обнаружен лишь след ДНК Никона и прежнего хозяина, сыщик решил, что настала пора встретиться с Бугровым. Набрав номер телефона бизнесмена, он предложил встретиться, сообщив:

— В деле об убийстве вашего конкурента Захарова появились новые факты, которые требуют уточнения и ваших разъяснений.

— А в чем, собственно, дело? Да, у меня была тяжба с Захаровым по поводу акций химкомбината. И что? Суд должен был решить дело в мою пользу, и мне незачем было нанимать людей для убийства Захарова.

— И все же я хотел побеседовать с вами в частной обстановке. Но если вы не хотите, то я передам собранные мной материалы для официального приобщения к делу.

— Хорошо, я вас услышал. Вы можете подъехать в мой офис прямо сейчас. Я отпущу всех, кроме наружной охраны, и нашей беседе никто не помешает.

— Значит, договорились.

Отключив телефон, Метлов некоторое время сидел неподвижно, обдумывая детали предстоящего разговора. Напротив него на столе стоял подаренный сослуживцами механический кот, ритмично вздымающий вверх лапу в бездушном приветствии. Это мерное движение обычно успокаивало сыщика. Но сейчас его продолжали тревожить сомнения. Но он сумел убедить себя в правильности избранного пути: «Мамина в любом случае осудят из-за обнаруженного при обыске орудия преступления. И косвенные улики его не спасут. Но, скрыв собранную информацию, я лишу Мамина последней надежды на спасение. Нелегкий выбор. Хотя правильно говорят: не мы плохие, а время ныне лихое».

Последний аргумент заставил сыщика действовать. Метлов аккуратно сложил в папку материалы по убийству Захарова и направился к выходу. Уже стоя в дверях, оглянулся на кота и с завистью подумал: «Это животное бездумно выполняет заданный ему ритм движения. Жаль, что, в отличие от механической игрушки, я еще не разучился мыслить и сопереживать».

Приехав в офис Бугрова, сыщик поднялся на второй этаж, прошел по пустынному коридору и зашел в кабинет босса. Хозяин встретил его настороженно:

— Я готов вас выслушать. Надеюсь, никто из нас не пожалеет о напрасно затраченном времени.

— Я буду краток. Мне известно, что Мамин передал собранный на вас компромат Захарову. По вашему поручению Никон убил конкурента и забрал досье с опасными для вас документами. Затем Никон оглушил Мамина и подложил в его квар-

тиру улики. Вы тут же поспешили устранить самого Никона как опасного для вас свидетеля. И только после этого организовали донос в дежурную часть, обвинив Мамина в убийстве. В результате тот оказался за решеткой.

— Довольно стройная цепочка невероятных событий. А как с доказательствами столь заумной теории?

— У нас есть показания самого Мамина о переданных Захарову документах и нападении на него в подъезде. Экспертиза не обнаружила следов соприкосновения Мамина на предметах, найденных при обыске. А вот ДНК Никона на бумажнике обнаружена. Представляю, как отнесутся присяжные заседатели к этому факту. Кроме того, Мамин может в любой момент достать из тайника и опубликовать подлинники опасных для вас документов.

— Интересная история, но, согласитесь, весомых доказательств моего участия в описанных вами событиях все же нет. Что еще имеете сказать?

— Мы нашли свидетеля, готового опознать человека, заплатившего ему за анонимный звонок в дежурную часть.

— Даже если и так! Телефонный розыгрыш легко сочтут за шутку. Вряд ли я сильно пострадаю за этот проступок.

— Тут вы правы. Но публикация перед выборами совокупности изложенных мной фактов взорвет общественное мнение и вызовет недовольство высокого начальства.

— Мне действительно не нужны грязные слухи. А потому давайте договариваться. Раз вы вместо скандальной огласки пришли напрямую ко мне, то спрошу прямо: сколько?

— Я не хочу называть конкретную сумму. Вы сейчас пообещаете златые горы и тут же побежите к высоким покровителям с просьбой арестовать меня при получении денег. А потому без всякого риска я прямо сейчас заберу у вас все наличные деньги из кассы офиса. Это как игра втемную: я могу разом серьезно разбогатеть либо крупно проиграть. Ну, разыграем банк?

— Мудрое решение. Я согласен. Только без обиды, если получите меньше, чем рассчитывали.

Бугров открыл сейф и достал из металлического хранилища перетянутые резинками толстые пачки иностранной валюты и рублей. Выложив деньги на стол перед Метловым, предложил:

— Это все, что имеется на текущий момент. Но если отложите платеж, то завтра могу дать больше.

— Нет, фраера жадность губит. Я удовлетворюсь полученной суммой. Так спокойнее.

— Ну, вольному воля. Но прежде чем возьмете деньги, вы должны назвать адрес найденного вами свидетеля, звонившего в дежурную часть.

— Зачем вам этот алкоголик? Кто он и кто вы? Его слово против вашего ничего не стоит.

— Вы, как я погляжу, хотите и капитал приобрести, и невиновность соблюсти. Так не бывает. Давайте, не мнитесь и называйте адрес свидетеля. Я постараюсь обойтись мягкими мерами.

— Это некий Звягин. Живет в доме двадцать на набережной в пятой квартире.

— Вот и хорошо. Вы только что сделали хороший задел для нашего будущего сотрудничества. Информируйте меня о ходе дальнейшего расследования. И еще у меня имеется для вас интересное предложение, от которого невозможно отказаться.

— Какое же?

— Мне надо первым добраться до подлинников собранных Маминым материалов. Я заплачу вдвое больше за сведения, где находится его тайник. Надеюсь, такая баснословно крупная сумма пересилит ваш страх перед службой собственной безопасности.

— Хорошо. Я попытаюсь. В случае положительного результата немедленно сообщу.

Перекладывая полученные деньги в папку, Метлов заметил насмешливый взгляд бизнесмена и почувствовал острое раздражение: «Этот самодовольный боров торжествует победу и надеется в будущем командовать мной, как захочет. Он ошибается. Я опережу его в погоне за подлинниками документов. И тогда посмотрим, кто из нас кукловод, а кто марионетка».

Эта мысль успокоила сыщика и он, не прощаясь, покинул офис излишне уверенного в своем всевластии бизнесмена.

Сразу вслед за ним вышел на улицу Бугров и, сев в машину, направился к дому Прохорова. Ему предстояло с помощью ловко придуманной истории уговорить спецназовца совершить новое убийство. Едва войдя в квартиру Прохорова, он объявил:

— Вновь нужна твоя помощь. У Никона был сообщник, который теперь меня продолжает шантажировать. Это Звягин по прозвищу Звонок. Он не из уголовников. Никчемный тип, алкоголик, семьи нет. Я не знаю, где он познакомился с Никоном. Видимо, состоял у него на побегушках. Но этот Звягин знает все о наших отношениях с Никоном. Короче, надо срочно его ликвидировать.

— Мы так не договаривались. Я подписался только на одно дело, и то жалею.

— Не знал, что ты такой пугливый. Может быть, тебе прибавит смелости получение такой же суммы, как за ликвидацию Никона, и ты уже завтра сможешь приобрести хорошую тачку. К тому же этот свидетель опасен и для тебя.

Прохоров не поверил ни одному слову шефа: опустившийся алкоголик не мог быть приятелем Никона и решиться на шантаж Бугрова. Но обещанная сумма вознаграждения заставила его принять решение:

— Хорошо, я согласен. Но посоветуйте, как это лучше сделать.

— Купи бутылку водки и предложи ему бесплатно угоститься. Он наверняка клюнет на халяву. Ну а дальше дело техники. Вот тебе его адрес. Если не застанешь дома, то найдешь возле ближайшего магазина, где он ищет собутыльников. Тебе любой укажет на Звонка. Дело надо сделать уже сегодня. Давай, собирайся.

Прохоров подошел к шкафу и достал десантный нож. Но шеф его остановил:

— Нельзя второй раз подряд использовать оружие, которым прирезал Никона. Придумай что-нибудь другое. Для ликвидации хилого алкаша и любой камень сойдет.

Прохоров послушно вернул нож на место. На улицу вышли вместе. Глядя вслед бывшему десантнику, Бугров подумал, что вскоре придет черед избавиться и от этого человека.

Прохоров нашел Звонка возле магазина. Ему сразу указали на невысокого, с проседью, мужика с испитым лицом. Купив водку и нехитрую закуску, Прохоров начал охоту. Выждав, когда Звонок остался один, он его окликнул:

— Привет, Васька. Давно не виделись.

— Привет, только я тебя что-то не припоминаю.

— Да месяц назад, тут у магазина, соображали на троих. Ты еще хвастался, что слесарь классный и тебя на заводе уважали, пока под сокращение не попал.

— Это верно. Но только, извини, не помню я тебя. Много с кем приходилось пить. Сейчас-то тебе чего надо или от нечего делать базар пустой затеял?

— Понимаешь, жизнь пошла вкось. Жена ушла к более состоятельному мужику.

— Да наплюй. Я вот тоже один остался. И ничего, не пропал. Найди себе другую бабу и успокойся.

— Не в этом дело. Обидно то, что к моему лучшему другу ускакала. Вот эта подлость и мучает. Пью уже неделю. Но одному водку глушить уже надоело. Слушай, составь мне компанию. У меня с собою пузырек имеется. Пойдем выпьем. Только не знаю, где это удобно сделать, чтобы никто не беспокоил.

— От бесплатного угощения никогда не отказываюсь. Есть тут подходящее местечко в соседнем дворе. Пойдем, покажу.

И Звягин быстро направился под арку многоэтажного дома. Дойдя до детской площадки, свернул к кустам и вывел Прохорова к двум поставленным ящикам:

— Вот, здесь моя явка. Доставай водку. Будем вместе горевать по твоей семейной жизни. А по мне, так лучше выпить за обретенную тобой свободу. Выбирай сам.

Прохоров взглянул на морщинистую шею алкоголика: «Его легко придушить голыми руками. Но пусть сначала вольет в себя еще один стакан водки. Полиция легко сочтет, что Звонка убили в ссоре случайные собутыльники».

Звонок жадно опустошил стакан и потянулся за закуской. И в этот момент мощные руки спецназовца сдавили ему горло. Алкоголик попытался вырваться. Но с каждым мгновением его попытки освободиться ослабевали, пока тело окончательно не обмякло.

Быстро собрав в пакет остатки водки и закуску, Прохоров выбрался из кустов и под аркой вышел на проезжую часть улицы. Поймав такси, назвал свой домашний адрес. По пути попытался себя успокоить: «Никчемный алкоголик все равно скоро сгинул бы от цирроза печени. Жалеть о нем некому. Интересно, чем он мог помешать всевластному Бугрову? Да мне наплевать: я задание выполнил и вскоре буду раскатывать на собственной тачке».

Последняя мысль радостно согрела душу. Приехав домой, он сразу позвонил шефу:

— Дело сделано. Я готов с вами встретиться. Только сообщите, где и когда.

— Завтра в полдень приезжай ко мне в офис.

Весть об убийстве опасного свидетеля Бугров встретил с облегчением: «После ликвидации Звонка ко мне не подобраться. Деньги, заплаченные Метлову, себя оправдали. Этот сыщик теперь у меня в руках. Надо среагировать на его сообщение о недочетах следствия. Позвоню председателю городского суда Иволгину. Он мужик разумный и поймет, что от него требуется».

Позвонив председателю суда, Бугров начал разговор издалека:

— Иван Петрович, это Бугров вас беспокоит. Хочу подтвердить мое обещание выделить землю под строительство дач для ваших судей. Скоро

состоятся выборы в мэры, и я лидирую в мнении избирателей. Люди говорят: себе хорошее состояние сколотил и нам лучшую жизнь обустроит. Народ всегда прав: нечего пустобрехов-либералов во власть выбирать. Они разрушат все, что с таким трудом создано.

— Слушай, Бугров, мы друг друга знаем не один год. Не надо мне читать политинформацию. Излагай напрямую твою проблему.

— Так я к этому и веду. Ты наверняка в курсе дела, что один из известных в городе баламутов Мамин застрелил уважаемого бизнесмена Захарова. Полагаю, на почве классовой ненависти, хотя не исключаю и корыстной заинтересованности.

— Я это дело знаю. В квартире Мамина полиция обнаружила пистолет, из которого был убит Захаров. Дело совершенно ясное, и я не пойму, что тебя беспокоит.

— У сыщиков есть сомнения. Пока не выяснили, где он достал оружие и как заманил жертву на загородное озеро. Сам Мамин сочинил версию, что хотел передать Захарову компромат для борьбы со мною. Бред, конечно. Мстит мне за свое увольнение.

— Так все-таки чем я могу быть полезен?

— Нельзя позволить Мамину избежать наказания из-за формальных неувязок. И еще не хочу, чтобы перед выборами мое имя марали грязными сплетнями. Завтра к тебе приедут за санкцией на арест Мамина. Прошу, отнесись объективно и реши дело по уму, которого тебе не занимать. Пусть посидит Мамин до суда за решеткой. Так всем будет спокойнее.

— Я понял и приму правильное решение.

— Спасибо. Мне большего и не надо.

Отключив телефон, Иволгин представил бронзовую фигурку Фемиды с завязанными глазами. Он всегда сомневался в возможности вслепую творить правосудие без учета реалий современного мира. Вот и сейчас он подумал: «Современный судья, в отличие от Фемиды, должен быть зрячим и неукоснительно защищать государство и общество, а не заботиться о судьбе одного человека. Арест Мамина успокоит народ и прекратит слухи о коррупции во властных структурах. Ну а вопрос о его виновности пусть решают присяжные заседатели на судебном процессе».

Переложив решение вопроса о виновности Мамина на несведущих в юриспруденции представителей гражданского общества, Иволгин встал и направился на кухню. Судье надо было срочно принять снотворное, к помощи которого в последнее время он прибегал все чаще.

Продолжение следует.

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ

Здравствуйте, уважаемая «Юность»!

Рад возможной публикации в «Зеленом портфеле». История моя подлинная. Высылаю по вашей просьбе фото и короткую биографию.

Родился в городе Алма-Ате (сейчас Алматы), бывшей столице Казахстана, в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского ГУ в 1989 году. На последнем курсе начал работать в Казахском телеграфном агентстве, хотя после защиты диплома остался на кафедре теории и практики журналистики еще на пару лет — писать кандидатскую. Но так и не написал, поняв, что не смогу учить студентов, не имея достаточного опыта работы в газетах и журналах. И ушел опять, на этот раз корреспондентом отдела новостей, в республиканскую «Казахстанскую правду». Потом несколько лет работал заместителем редактора алма-атинской газеты «АБВ-Караван» и шеф-редактором новостей на радиостанции «РИК».

С 1997 года живу в США на ПМЖ. Помимо множества временных работ, занимался переводами и преподавал русский язык американцам.

Живу в городе Александрии, Вирджиния. Публикуюсь в местных и зарубежных русскоязычных изданиях: «Чайка», «Каскад», «Новый журнал», «Новый континент» (США), «Мастерская», «Семь искусств» и «Зарубежные задворки» (Германия), «Великоросс» и «Северо-Муйские огни» (Россия), «Литературная Алма-Ата» (Казахстан).

С уважением, Константин Емельянов

В погоне за «американской» мечтой

Быль

Моя трудовая американская биография началась, когда мне уже было за тридцать. Первые месяца два после приезда я просто просидел дома, фигурально вися у работающей жены на шее.

Еще не приступая к общественно-полезному труду, я выяснил для себя, что прошлые регалии, звания, медали и должности здесь никого не интересуют. Если ваша фамилия не Шостакович, Бродский или Солженицын, то придется начинать на той же стартовой площадке, где начинают все выпускники американских средних школ. Иммигранты и американские вчерашние старшеклассники идут по жизни на пути к щедро рекламируемой мечте, как говорится, ноздря в ноздрю. Даже сидят в одних очередях за получением номеров социального страхования, пособий по безработице, водительских прав и т. д.

Мое первое место американской работы — безо всякой протекции — состоялось в местном баре с символическим названием «Последний шанс». За исключением того, что для меня это был шанс первый. И работали вместе со мной немало выпускников средних школ.

Никаких рекомендаций и интервью для такой работы не требуется. Хозяин заведения посмотрит на тебя мимоходом, перемолвится парой слов и быстро определит, подходишь ты ему или

нет. Часто объявления о том, что требуется официант или посудомойщица, печатаются в местной газете или наклеены прямо на дверях бара или ресторана.

Для позиции официанта был я немного староват и недостаточно хорошо владел английским языком. Клиенты, особенно подвыпившие, говорили невнятно, а исполнения ожидали сиюминутного. Что поделать, клиент всегда прав.

Потому определили меня на кухню, в посудомойщики и уборщики столов. Работа непыльная. Но мокрая и пахучая. Искусству загружать машину и коробки с грязной посудой я научился за неделю. Еще одна ушла на умение балансировать с коробкой, набитой посудой, в переполненном зале. Работал я неполный рабочий день, обычно с шести вечера до двух-трех часов ночи. Платили мне минимальную заработную плату, меньше шести долларов в час. Еще двадцатку-другую я получал чаевыми. Вернее, получали их официанты, работающие со мной в смену, а потом делились в отношении три к одному. То есть себе брали три-четыре доллара из пяти, оставляя мне один-два.

Во времена больших пивных праздников или футбольных матчей народ в бар валил без передышки. В те вечера моя выручка достигала тридцати-сорока долларов за смену. Что до сих пор считается очень неплохим заработком. Те же официанты делали на столах своих постоянных клиентов за вечер сотню баксов, а то и больше. Но им нужно было и поговорить с клиентами, и посмеяться, и т. д.

Я же молча прибегал к опустевшему столу, быстро загружал коробку несвежей посудой, вытирал стол насухо и так же быстро исчезал на кухне. Все мои контакты с клиентами сводились к нулю.

Последовавшие за посудной и похожие на нее «интеллектуальные» работы, типа грузчика в винно-водочном или кассира-распаковщика в свечном магазине, длились недолго, так как обе достались как временные, пока постоянные работники болели или догуливали отпуска.

К тому времени, продолжая свое заочное соревнование с американскими старшеклассниками, я усвоил еще один урок местного трудоустройства. Только низкие по оплате должности можно было получить, что говорится, с улицы. Если желаешь работу почище, в офисе и за более высокую плату, то необходимо освоить более «научный» подход.

В первую очередь составить резюме или краткую производственную характеристику для потенциального работодателя. Неплохо бы и тесты кое-какие пройти, например, количество печатных знаков в минуту на машинке или компьютере, знание офисных компьютерных программ, знание английского языка и прочие навыки.

Такую помощь мне могли оказать только в одном величайшем изобретении капитализма — временном агентстве по трудоустройству, которые есть в каждом населенном пункте США.

После долгих ожиданий мне предложили место в офисе по аренде квартир. Там как раз подыскивали человека, способного внятно отвечать по телефону и на своей машине покатать по комплексу и показать потенциальным арендаторам их будущую обитель. Искали предпочтительно девушку или женщину, но на худой конец готовы были взять и меня.

Платили в офисе в два раза больше, чем в баре, и в три — чем в свечном магазине. Да и к рубашке с галстуком я более привычен, чем к фартуку продавца или резиновым рукавицам мойщика посуды.

Так что вроде по этой отвесной лестнице я поднялся на одну ступеньку выше.

* * *

В конце дня меня отозвала в сторону помощник менеджера квартирного комплекса Сесилия, чернокожая американка лет сорока пяти, с копной жестких волос а-ля Джанет Джексон.

— Слушай, парень, — заговорщически понизила голос она, — ты давай поосторожнее, ок?

За что я уважаю афроамериканских женщин, так это за их прямоту. Они не ходят вокруг да около, как их белые коллеги, измученные политкорректностью. Поэтому я хоть и напрягся слегка, но не обиделся и дал ей высказаться.

— Ты возил недавно даму на осмотр однокомнатной? — спросила Сесилия тоном опытного следователя.

Я только что показывал престарелой миссис Питинголо комплекс новых домов, могущих ее заинтересовать. Божий одуванчик с седыми кудряшками, трясущимися, как игрушки на новогодней елке, всю дорогу развлекала меня рассказами о своей семье, пока я возил ее на своей машине из одной съемной квартиры в другую. Под конец поездки она долго прощалась, называя меня Mister Nice Guy.

— Возил, возил, — утвердительно продолжала Сесилия. — Да еще усадил на пассажирское место рядом с собой, а не на заднее. Как положено по инструкции.

— Какой инструкции? — выдохнул я, вспоминая про седые трясущиеся кудряшки.

Терпеливо, как с недоразвитым ребенком, моя коллега продолжала укоризненно качать головой.

— А что случится, если она скажет, что ты к ней приставал? — не отставала Сесилия.

— К кому? — продолжал тупить я, не в силах забыть про качающиеся на елке новогодние игрушки.

— У нас клиенты разные бывают, — зловеще и даже с некоторым осуждением сказала Сесилия. — В прошлом году Джона из-за этого как раз и попросили.

Мои милые американцы! Придумавшие такое невинное развлечение на работе, как сексуальное домогательство (sexual harassment. — *К. Е.*), согласно которому коллегу или клиента противоположного пола нельзя было не то что тронуть пальцем, но даже посмотреть неподобающе в ее сторону.

Сколько карьер было разбито на этой почве! А сколько судебных процессов с неустойкой проведено и еще предстоит!

Видя мое недоумение, переходящее в стыд, как будто я действительно держал в голове черные мысли насчет несчастной госпожи Питинголо, Сесилия сменила свой гнев на милость:

— Я тебе просто хочу помочь, как нельзя делать. Для твоей же пользы. Мы все здесь как бы friends и должны помогать друг другу. Так что впредь сажай клиентов только на заднее сиденье и в одиночку пустые квартиры не показывай! Хоть меня позови!

Заверив Сесилию, что мы с ней очень даже cool, я подумал, снимая опостылевший за день галстук, о том, как нелегко все-таки зарабатывать свой хлеб. Даже здесь, на цветущих нивах капитализма!

* * *

Наконец, в один прекрасный вечер мне позвонили и предложили постоянную работу. Уже стало казаться мне, что моя американская мечта очень скоро воплотится в новый дом, машину и внушительный счет в банке. Хотя предлагали всего лишь место русскоязычного телефонного оператора в только что созданной компании «Звездные технологии», или коротко Startec.

Находилось, правда, это «звездное» местечко неблизко, в соседнем графстве, что примерно в часе езды на машине. Да и платили всего восемь долларов в час, что лишь немного больше минимальной заработной платы. Зато можно было бесплатно позвонить раз в неделю друзьям или родственникам куда-нибудь в Алма-Ату.

Работа была отчасти на русском языке и постоянная. Суть ее заключалась в телефонном соединении иммигрантов из бывшего Союза, живущих в США, с их родственниками с Украины, из России, Казахстана и других республик. За довольно смешную цену: что-то около семидесяти центов в минуту.

Работал я по сменам, в дневную и вечернюю, примерно часов шесть-семь в день. Приходилось иногда возвращаться за полночь. И даже однажды выйти на работу рано утром после новогодней ночи.

Компьютерные программы, используемые нашей компанией для короткого воссоединения родственников по обе стороны океана, были достаточно просты. Звонят тебе, скажем, наши клиенты из Нью-Йорка и дают телефон в Киеве или Москве. Ты набираешь искомый номер, нажимаешь клавишу в компьютере — и вперед! При желании мы могли, используя технику, слушать то, о чем наши абоненты разговаривают. Но нужды в том не было, да и клиенты поджимали непрерывными звонками.

В свою очередь, наше начальство постоянно слушало нас, операторов, проверяя, достаточно ли вежливо и профессионально мы разговариваем с клиентами. И не только русскоязычных телефонистов, но и работавших в компании китайцев, корейцев, индусов, арабов и других. Кстати, и сам Startec основали выходцы из Индии, чей офис располагался прямо за нашими спинами.

Быть постоянно вежливым с клиентами нелегко. При помехах соединения или обрыве разговора клиенты всегда обвиняли нас, сидящих в одной комнате операторов. Как будто мы специально им связь через океан оборвали.

— Зажрались, дармоеды! — кричал из трубки пожилой дед из Филадельфии. — Туалеты тебе надо мыть, а не по телефону говорить! Говно из унитазов отдраивать!

Тут трубку перехватила его супруга, более вежливая и понятливая пожилая дама, которой я пытался объяснить причину неполадки. Но еще долго неслось с заднего фона, вклиниваясь в разговор:

— Туалеты! Унитазы! Дармоеды!

Обслуживали мы и англоязычных клиентов тоже, из Америки во все части света. Так что доводилось слушать оскорбления и на английском языке.

Однажды я объяснял одному типу из Нью-Джерси причину, по которой мы не имеем связи с Марокко. Не дослушав, он вдруг начал обвинять меня в том, что я слишком грубо с ним разговариваю.

— Компания работала бы лучше, не будь ты такой дыркой в заднице, — бросил он.

— Сэр, кто из нас сейчас кому грубит? — вежливо, как мог, вопрошал я, раздираемый внутренней злобой, но крепко сдерживаемый трудовым контрактом.

К тому же было трудно забыть, что менеджеры, затаив дыхание, слушают меня сейчас на своей линии.

Удивительно, что, когда связь между Америкой и другими странами работала нормально, клиенты воспринимали это как должное. И очень редко нас, телефонистов и операторов, благодарили.

Однако стоило случиться малейшей неполадке, то громы небесные метали на наши бедные головы. В результате стрессов и довольно малой за это компенсации уволились в конце месяца сразу несколько русскоговорящих девчонок.

Так вот, к тому времени я оставался одним из последних «ветеранов». Хотя и проработал всего полгода. Объявили вакансию на место менеджера по залу, куда входила наша группа телефонистов. Это означало возможность повышения зарплаты, хотя работы стало бы больше. Подумав и решив, что на место могу претендовать, я подал свою заявку.

Через неделю стало известно, что менеджером зала назначили индуса. Который, кстати, проработал в компании меньше моего. Работать за небольшую плату в любое время суток после этого мне уже не улыбалось.

Для меня, получившего недавно американское гражданство, в скором будущем открывались новые перспективы. И хотя я из телефонной компании вскоре ушел, переквалифицироваться в управдомы уже не было нужды.

* * *

Для нищих и малоимущих офисы социального страхования, а по-нашему собеса, расположены по всей стране. В одном из них мне удалось какое-то время поработать. Случилось это уже после получения гражданства, да и то по чистой случайности. Открылась вакансия русскоязычного специалиста по, льготам и меня, после недолгих собеседований, туда приняли.

Что интересно, на знание русского языка (подтвердить, что я действительно могу говорить) меня тестировал работник-американец. Расспросив меня про имя- отчество и биографию, он с акцентом спросил, каких русских писателей я знаю и ценю.

Помня всеамериканскую любовь к Достоевскому, я упомянул Федора Михайловича, хотя, честно говоря, мне он всегда казался тяжеловатым. А еще Толстого и Чехова. Трудно представить, как где-нибудь в России при приеме на работу британца или американца на знание языка проверяют местные. Но здесь, в Америке, случается всякое.

Так, заложив в душе читающего американца симпатию, я прошел интервью на ура и получил официальное подтверждение, что я — настоящий русский. Теперь я имел право помогать клиентам устно во время интервью и переводить на английский их паспорта и свидетельства о рождении.

Все американские трудящиеся считают огромную армию офисных служащих в большинстве своем бездельниками и карьеристами. Однако, несмотря на насмешки, миллионы американцев все же продолжают работать в офисах, включая и столицу. И это понятно: в эпоху Интернета на нас, «гомо бюрократикус», лежит вся бумажная мощь Америки. Одной подписью или нажатием кнопки на компьютере мы можем закрыть магазин или банк, остановить выплаты зарплат, пенсий или льготных пособий.

В силу последнего новая работа сделала меня в русскоязычной среде Вашингтона и окрестностей фигурой достаточно известной. Хотя и ненадолго. Когда я оставил работу в Customer Service, мне передавали, как какое-то время приходили в офис русскоговорящие бабульки, передавая мне приветы и поручения разобраться в причинах неполадок с выплатой их пособий. Или с просьбой помочь перевести форму для подачи на пособия, а заодно и паспортных данных. Этим, кроме интервьюирования, я и прозанимался несколько лет, намного облегчив жизнь бабушкиных родственников и социальных работников.

В Большом Вашингтоне (который включает не только саму столицу, но и прилегающие к ней штаты Вирджиния и Мэриленд) русскоязычных примерно тысяч сорок. Есть у них свои магазины, рестораны, адвокатские и риелторские конторы, редакции газет и журналов.

Много среди иммигрантов пожилых людей, за семьдесят, для которых вся работа уже позади. Причем работа в бывшем СССР при начислении американской пенсии не учитывается. Большинство престарелых иммигрантов могут рассчитывать только на социальные программы. К ним относятся почти полное медицинское страхование в масштабе страны и месячное денежное пособие, рассчитанное на малоимущих и пожилых людей.

В качестве «собесовца» мне довелось не только проинтервьюировать сотни наших бывших соотечественников, но и посетить и посмотреть несколько домов, библиотек и клубов для наших

Константин Емельянов рассказывает русскоязычным пенсионерам о социальных программах в одном из домов престарелых в Америке

иммигрантов. Раз в месяц меня с русскоязычным врачом-иммигрантом из местной больницы пенсионеры зазывали к себе на лекции в местную иммигрантскую библиотеку.

Народу на такие встречи собиралось немало, ведь льготы — вопрос серьезный. Приходили не только пожилые люди, но и их взрослые дети, уже адаптировавшиеся в американской действительности, приводили и внуков со внучками, чтобы, пока мы заседали, они могли позаниматься в кружках танцев, самодеятельном театре или попеть в хоре.

* * *

Форма одежды офисного работника называется business casual. То есть галстук не обязателен, но брюки и рубашка — для мужчин (желательно отглаженные) и юбки до колен и блузки — для женщин. Перед выходными, по пятницам, даже разрешается ношение джинсов и теннисок. На ногах — любимая обувь вашингтонских бюрократов — кроссовки, вошедшие в моду в конце 80-х.

Многие работники по утрам доходят в них от станции метро до офиса, чтобы переобуться затем в парадную обувь. Поэтому часто на улицах Вашингтона можно увидеть деловых мужчин и женщин в дорогих костюмах и даже с ультрамодным галстуком, но в кроссовках.

Некоторые из моих коллег офисный стиль одежды на службе, и так не слишком тяжелый, воспринимают еще более облегченно. Работал как-то в нашем офисе один американец по имени Рэнди. Седовласый и худощавый белый мужчина лет шестидесяти пяти. То ли наносился он галстуков в свое время до тошноты, то ли в преддверии пенсии совсем махнул рукой на приличия, но последнее лето проходил он на работе в гавайской расписной рубахе и... в шортах.

— Рэнди, — в ужасе говорил я ему, имея в виду начальство, — они тебя уволят! Нигде не сказано, что *так* в офисе можно ходить!

— Да, — отвечал мне с хитрой улыбкой Рэнди, — но нигде и не говорится, что *так* в офисе ходить нельзя!

Так ведь и проходил, шельмец, все лето в своих шортах. Поскольку с посетителями лицом к лицу не встречался и ничьего взгляда не оскорблял.

Большинству же посетителей все равно, в шортах ты или нет, лишь бы дал им то, за чем они пришли. В работе с ними главное — не сбиваться с написанного скрипта, шпаргалки по-простому. Когда я начинал, то все время носил с собой шпаргалку с вопросами интервью, переведенными на всякий случай и на русский.

Хотя на самом первом своем свидании с глухонемым клиентом, но читающим по губам, так переволновался, что перепутал «deaf» (глухой. — *К. Е.*) с «dead» (мертвый. — *К. Е.*) и на своем английском спросил, был ли он мертвым от рождения. Опомнился только тогда, когда за столом

мой гость, его адвокат и мой куратор громко заржали, как кони. Хорошо хоть с юмором клиент оказался, а то мое первое интервью могло бы стать и последним.

На моей памяти за все время работы уволили в первый год только одного типа, который заснул за столом во время интервью. Да и так бы он, наверное, мог бы сослаться на состояние здоровья, если бы не было у него других косяков. А так как к начальству на него бегали жаловаться другие сотрудницы, то решили от него избавиться.

Если же работник выдержит испытательный срок, то уволить его, даже при всем желании начальства, будет очень непросто. Так как за него будет теперь весь Трудовой кодекс США (Employee Code. — *К. Е.*). И обжаловать он может спорное решение вплоть до Верховного суда страны с выплатой всей удержанной зарплаты плюс компенсация за моральный ущерб. А начальству потом намекнут, мол, сами виноваты, вовремя не избавились!

* * *

Если бы у государства было достаточно денег, то льготы давали бы всем. Но так как бюджетных средств на «социалку» всегда не хватает, приходится нам, работникам соцстрахования и обеспечения, многим из посетителей отказывать. И за это выслушивать оскорбления, а иногда и угрозы.

Пришел как-то на интервью мужичок в ковбойской шляпе. Это в Техасе такие шляпы носят везде, а здесь очень немногие. После короткого интервью, разузнав, что у мужичка есть какие-то сбережения и даже две машины, я ему объявил, что на социальную помощь он претендовать не может. Так как программы рассчитаны больше на совсем неимущих или очень малоимущих. Мужичок мою отповедь выслушал, поинтересовался происхождением моего акцента и, поднимаясь с места, произнес вместо прощания:

— Как получилось, что в офисах так мало настоящих американцев и всю работу отдали приезжим иммигрантам? Немудрено, что и льготы все у нас отобрали!

Я бы мог, конечно, ответить ему, что коренные американцы как раз и не хотят устраиваться на подобные нервные нелегкие работы, оставляя эту «привилегию» приезжим. Им, видать, нужно денег много и сразу, а уж если работу, то с офисом и личным шофером. Например, каждое лето через наш офис проходило немало молодых парней из Сербии, России, Турции, получавших номера социального страхования для сезонного трудоустройства. В основном на позиции официантов или спасателей в бассейнах. Когда-то эти работы были нарасхват у местной молодежи и вчерашних выпускников школ перед поступлением в колледжи и университеты.

Сейчас подавляющее большинство принадлежит иммигрантам. Про озеленительные работы и чистку улиц я уже и не говорю: их прочно захватили легальные и нелегальные иммигранты из Мексики, Сальвадора, Гватемалы и других южноамериканских стран.

Да только не стал я ничего говорить. Потому что подобные реплики выслушивал не впервые. Это еще не самое грубое, что мне доводилось слышать. Бывало, что и к психиатру советовали обратиться. Были случаи, когда наших рабочих во время интервью не только оскорбляли, но и плевали в них, пытались ударить и т. д. Однажды под конец рабочего дня в наше окно даже влетел с улицы булыжник, брошенный очередной горячей головой, получившей отказ на льготы. Слышал я и об угрозах клиентов встретить кого-нибудь из наших сотрудников после работы. Прямо как в средней школе когда-то.

Охранники наши обязательно раза два-три в неделю какого-нибудь не в меру разошедшегося клиента за руки на улицу выводят. А то и передают полиции для успокоения. Для таких буйных голов в офисе созданы черные списки, и провинившимся запрещено появляться в офисе без социального работника или адвоката.

В свое время нам было строго запрещено держать на столе любые острые предметы, вплоть до шариковых ручек. В конце концов дело дошло, что каждый стол превратили в кабинку, отгороженную от посетителя толстым стеклом.

Хотя большинство клиентов абсолютно нормальные и вежливые люди, несмотря на свою нищету или болезни. Многих из них я за несколько лет работы в конторе стал узнавать в лицо или по именам. Так как появлялись они у нас в офисе по крайней мере раз в месяц, а иногда и чаще, если теряли свой чек на социальное пособие. Среди них и живущие в юго-восточной части города, так называемых прожектах, и очень много просто бездомных.

Нищих и бездомных стало в Вашингтоне особенно много в конце 80-х, когда закрыли местный психиатрический госпиталь Святой Елизаветы. Там лечились многие малоимущие пациенты, страдающие психическими заболеваниями. Денег на их лечение у городских властей оказалось недостаточно, и клинику почти полностью распустили.

Несмотря на лишения и нужду, вашингтонские попрошайки считаются одними из самых вежливых в стране. Если не получат денег, все равно пожелают хорошего дня и пойдут дальше. В Филадельфии, для сравнения, когда я отказал нищему, тот сильно обиделся и начал склонять меня по матери. А в Мемфисе, штат Теннесси, бродяги могут и с кулаками наброситься при отказе дать им немного мелочи.

— Эй, парень, — как-то обратился ко мне чернокожий мужик лет сорока, — у тебя отличная походка! Сразу видно, что ты вырос на улице!

Я, конечно, не модель, но от таких слов немного приосанился и даже поговорил с ним немного. Он мне рассказал, что вырос здесь, в Вашингтоне, но не в центре, а на бандитских окраинах юго-востока. В юности был членом подростковой банды и много дрался с такими же парнями из соседних дворов. Сейчас вроде образумился и даже ищет по городу работу.

Я тоже вспомнил, как десятиклассником бегал в ватаге алма-атинских пацанов на разборки с такими же пацанами-старшеклассниками из соседней школы. А в тех бандах своих районных, середины 80-х, мы даже ходили вразвалку, как тогда говорили, по-центровски.

Отдав на радости пять баксов своему неожиданному собеседнику — на метро до дома, как он попросил, я пошел себе дальше, погруженный в приятные воспоминания.

И отойдя немного, опять услышал за спиной знакомое:

— Эй, дружище, я вижу, что ты вырос на улице! — дружелюбно взывал мой собеседник к пробегающему мимо пузатому мужику офисного вида с портфелем. — Я это вижу по твоей походке!

* * *

По своему опыту проживания в трех странах я бы определил все страны как мужские и женские. И дело не в окончаниях названий, а в том, кто задает тон и влияет на ритм деловой, культурной и социальной жизни.

По моему сугубо личному мнению, Америка стала женской страной, функционирующей в первую очередь для женской половины населения. Начавшись лет шестьдесят назад, феминистское движение набрало силу и преобразило страну. В первую очередь столицу и другие крупные города. Даже по численности женщин в США на четыре миллиона больше, чем мужчин. Права женщин, их продвижение по службе, образование, безопасность защищены здесь лучше, чем в любой другой стране мира. Подтверждением тому и факт выдвижения женщины на пост президента страны.

Ну а в офисной жизни женщин подавляющее большинство. По крайней мере в конторах наподобие моих. По приезде я даже гадал, куда подевались белые мужики. Неужели все они сидят в банках, адвокатских конторах, парламентах, военных и разведывательных министерствах? Похоже, что да, плюс огромное число айтишников, большинство которых тоже составляют мужчины.

Можно сказать, что деловой, образовательной и культурной жизнью Америки заправляют женщины, в первую очередь белые. Все льготы, продвижения и прием на работу негласно предоставлены им. Вторыми по правам следуют афроамериканки, коих в офисах типа нашего подавляющее большинство. Их движение за равноправие началось еще в 60-х годах прошлого века. К тому времени, как я начал свою офисную жизнь, в Вашингтоне и пригородах их было процентов восемьдесят в разных конторах, государственных и частных. В афроамериканских семьях женщины с тех пор — главный добытчик. Больше всего их и в конторах типа нашей.

И уж только потом на профессиональной лестнице стоят по важности и скорости продвижения мужчины. Причем белые — на последней ступеньке. А испаноговорящие и черные благодаря политкорректности — повыше.

В офисной среде, при обсуждении деловых качеств начальства или подчиненного нет-нет да и проскользнет упоминание той или иной этнической принадлежности работника. Когда у нас в офисе появилась молодая начальница, проработавшая до того в системе всего пять лет, пошли разговоры, втихомолку, разумеется, что вдобавок к своей неопытности она еще и белая. Впрочем, каждый, кто когда-нибудь побывал «офисным планктоном», знает, что подобные разговоры ведутся везде, не только в Америке.

Своего следующего повышения здесь, в американской конторе, мне пришлось ждать десять лет.

2016 год

Здравствуйте!
1 Мой «самый» рассказ Туполь
2 Страсть. Восхищаются.
3 Приключения Индийского Слоника. (я САМ ПИСАЛ И С КИПЛИНГА не писал. у него такого нет Переведен на английский и проверен знакомой англичанкой.
Кстати в это время к 70-й годовщине полного снятия Блокады я писал о героях Ленинградского Неба. Будет интересно пришлю. Фамилии я из разных источников брал, а введение сам писал. Всего 6 частей. + моих введений. Меня родственники находили и благодарили!)
4 Памяти Сент-Экса. Алла говорила, что в Париже на ура.
5 Это моя жена. Она утверждает, что читают книгу из-за главы Красавчик и Красавица.
6 Как мне крупно повезло... Это бомбочка. Если бы виновника не наградили и у меня не было 2 тех случаев, то молчал бы в тряпочку.
7 И второй тайм мы уже отыграли. Это обо мне
8 От второго разряда по плаванью...
Могу предложить по частям Историю пилота истребителя. Началось с хохмы. А потом пошло... С 1941-1944 от Москвы до Ленинграда
9 рассказов Москва, Сталинград, Ростов, Курская Дуга, Госпиталь, Ленинград.
Моя Книга 10 600 или третий закон Ньютона в жизни. По частям можно. Книга с К потому, что один прочитал, сделал операцию на глаза и летает капитаном.
Еще есть рассказы и рисунки мои. Планирую собирать Моя жизнь в Авиации. Это будет 10 600... + вставлю свои новые рассказики.
*Такие предложения.**

Алексей Леонтьев

* Орфография и пунктуация оригинала.

Галка ГАЛКИНА:

Алексей! Плаванье, блокада, Киплинг, Сент-Экс, Ньютон, загадочный Туполь и т. д. Далеко не полный перечень тем литератора-универсала впечатляет. Глаза разбегаются вширь и вкось. Первый том, второй тайм, яйца всмятку, молчание в тряпку.

Ух!

Редакция предвкушает, издатели кусают локти, Алла кричит «ура!».

А что Слоник? Раз его нет у Киплинга, стало быть, это тот, что с пачки чая?! Читатель нас не поймет, если мы выведем на страницы нашего издания героя, которого никто не знает. Ни Киплинг, ни тем более широкие массы.

Давайте условимся: факты биографии Слоника, как он попал на пачку чая и как теперь быть или не быть, когда чай превратился в мусор?

Слоника жалко. Проясните ситуацию.

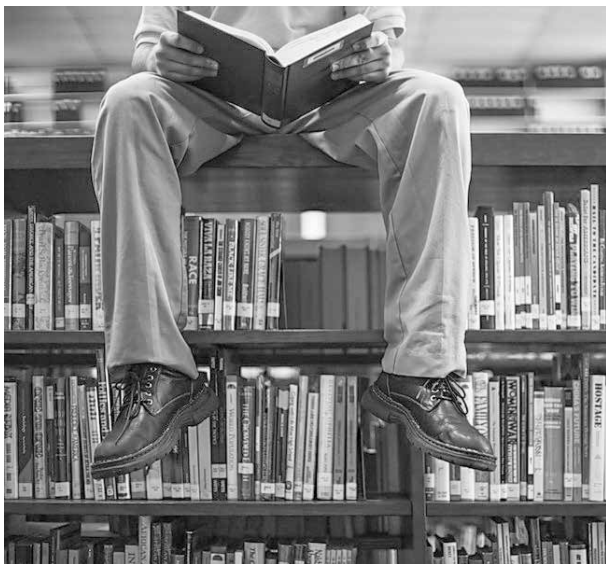
Ждем!

Проказник Гео, человек-критик

В ПОИСКЕ ПОВОРОТА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Проказник Гео уже пытался влезть в литературу под именем Рутко (он же Рудко) — Рутковский (возможно, Рудковский). Совмещает в себе черты, выявленные в литературной традиции советской критикой, а именно Солженицына, Бродского и некоторых безвестных литераторов, одновременно являясь литературным власовцем, литературным трутнем и литературным пигмеем. Пастернака он по-прежнему не читал, но по-прежнему осуждает. Иные признаки биографии практически отсутствуют или слишком туманны. Ясно лишь одно: до берегов Туманного Альбиона Гео уже не доехал, а до Колымского края не доехал пока. На этом пока и остановимся.



«Сторублевый поворот» Юрия Буйды

Уважаемые начинающие молодые и еще не конченые пожилые авторы! Вы часто задумываетесь над вопросом, как найти рецепт для создания сногсшибательного бестселлера. Как изобрести нечто такое, чтобы читатели ахнули и моментально расхватали стотысячный тираж вашей книги...

Не надо изобретать велосипеда! Все сюжеты в литературе уже обкатаны. Не стесняйтесь брать их у именитых писателей и наполнять жгучим актуальным содержанием. Но было бы ошибкой строить сюжет только на одной коллизии, скажем, убийстве старухи-процентщицы, и пятьсот страниц переливать из пустого в порожнее, как это сделал классик. Читатель заснет, если не добавить в этот примитивный сюжет острой приправы.

Чтобы бесповоротно завладеть вниманием читателя, нужно не менее трех любовных треугольников. Самые умопомрачительные — это мать и несовершеннолетняя дочь (типа набоковской Лолиты) и один на двоих любовник. Это — отец и сын и одна на двоих любовница. Вы скажете — такие любовные хитросплетения уже были у Набокова и Достоевского. Да, были. Но мы же на этом не остановимся. Добавим свое ноу-хау: треугольничек, острые углы которого — наша героиня, ее любовник-транссексуал и его любовник-гомосексуалист. Вы только представьте их в одной постели! А если уложить в постель еще и лесбиянку, то получится такой сногсшибательный любовный коктейль, который вскружит голову читателю любой нетрадиционной и политической ориентации!

Но это еще не все, что сделает ваше творение бестселлером. Нужны убыстренный темп действия, неожиданные повороты сюжета. Начнем повествование с изнасилования героини в сорокалетнем возрасте и перебросим мостик к той ночи, когда мать отдала ее, двенадцатилетнюю, отчиму, и она (дочь) быстро научилась (какая молниеносная динамика!): «ложиться, вставать, садиться, раздвигать, сжимать, переворачиваться и глотать»; распишем, как она уже в Москве выходит замуж за старика для завладения его квартирой и фирмой и начинает тайно крутить любовь с его сыном — писаным красавцем, заядлым игроком; разрисуем удушение мужем-стариком соперника-сына и последующую за этим неожиданную смерть душегуба; какой подарок судьбы — всего лишь два трупа, и голубая мечта героини осуществляется: деньги (целый рюкзак зелененьких), квартира, дача и фирма — в ее владении; для полноты счастья не хватает молодого мужа; но зачем далеко ходить — она идет к соседу по даче и сбрасывает с себя одежду — какой мужик устоит перед обнаженкой? Не устоял и сосед-транссексуал; и счастливая семья со временем оказывается на вилле в Италии; правда, счастье омрачается болезнью (СПИДом) транссексуала и совращенного им сына героини — вот расплата за ее меркантильность и всеядность в выборе мужей!

Но не будем злорадствовать, наша задача — заставить читателя над вымыслом облиться слезами, поэтому закончим нашу печальную повесть на высокой эмоциональной ноте: запечатлеем нашу героиню всепрощающей, поглаживающей по голове осиротевшего после смерти матери-соперницы отчима.

Перед такими любовными и остросюжетными коллизиями не устоит ни один издатель, ни один читатель.

И если вы готовы воспользоваться этим, уже опробованным писателем Юрием Буйдой рецептом, возьмите за образец его рассказ (всего лишь рассказ!) «Сторублевый поворот». Пользуясь вышеперечисленными наработками этого автора, вы сможете пойти дальше и развернуть повествование в роман, триллер, эпопею. Только не забудьте переставить местами сюжетные ходы и повороты. Начните, к примеру, с появления героини в голом виде перед соседом по даче. Или с двух трупов, оказавшихся в одной машине посреди улицы, — вариантов для полета вашей творческой мысли тут великое множество!

Больших творческих успехов вам в сочинении убойных бестселлеров!

Проказник Гео, человек-критик

PHOTOSTOP

© Фото Евгения САФРОНОВА